

СМЕНА 17 88

Валентин Распутин. Что нас ждет, если...

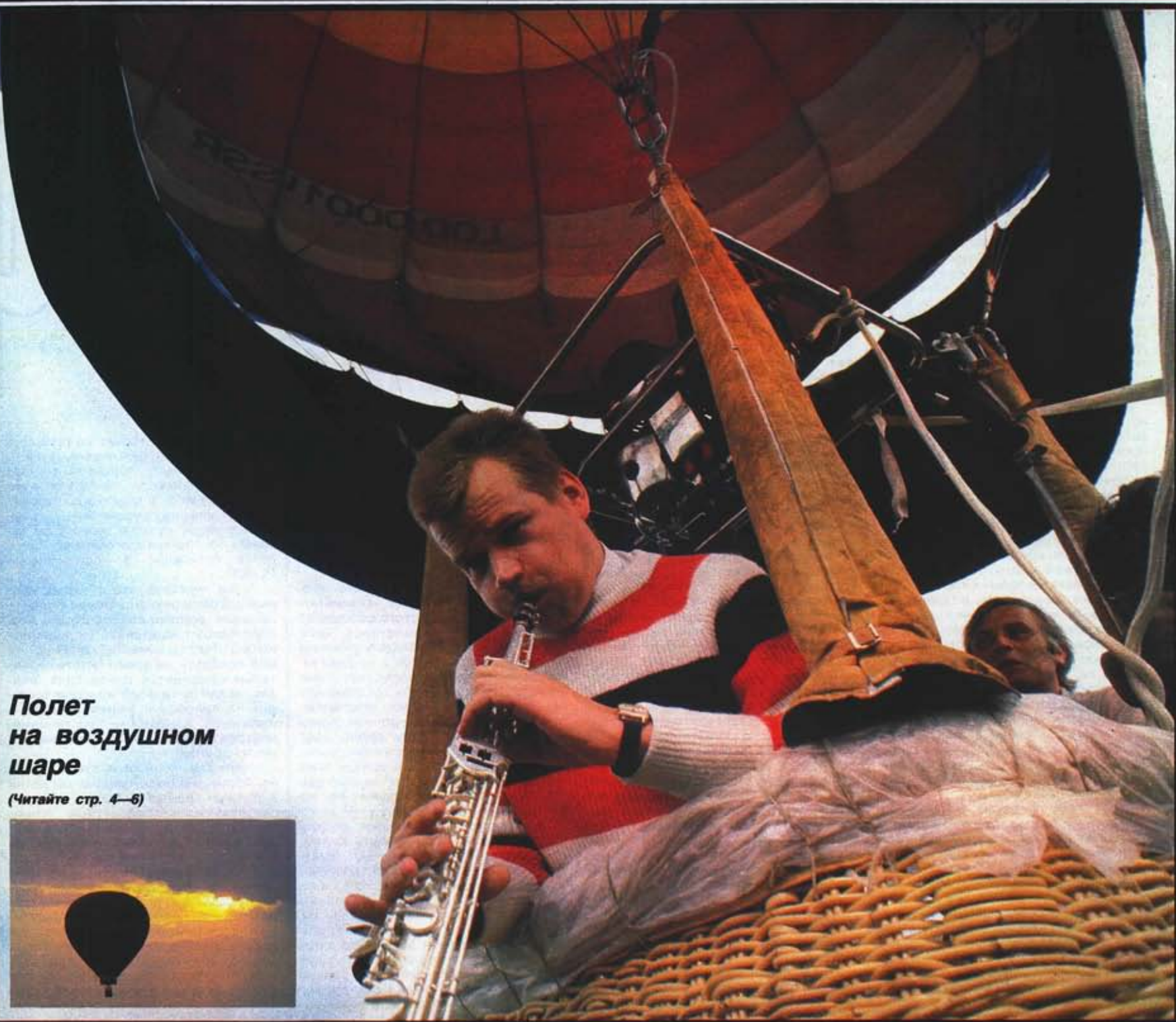
Владимир Набоков. Наши публикации

Вечная Россия. Мнения о картине Ильи Глазунова

Преступление перед детством. Фотоочерк

Кто ответит? Повесть Андрея Молчанова

Жизнь спортсмена. Журналистское исследование

**Полет
на воздушном
шаре**

(Читайте стр. 4—6)

В дни, когда в Москве проходила XIX Всесоюзная партийная конференция, Валентин Распутин поделился своими мыслями и идеями по поводу экологической обстановки в стране и сбережения озера Байкал.

— Начнем с того, чему вы отдали больше всего сил и времени. Прекратились ли попытки загрязнять, отравлять, засорять — словом, уничтожить Байкал?

— Нет, не прекратились. Это и не попытки, а продолжение бездумного и наплевательского отношения к своим ценностям и святыням, в том числе и природным. В последнее время оно перешло в упрямство: вы так, а мы — вот так, по-своему. На их стороне сила. Считаю, правительственное постановление по Байкалу в свои сроки не будет выполнено. Скажем, перепрофилирование Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, одного из главных загрязнителей Байкала, намеченное на 1993 год (а надо бы убрать сразу), затянута до 2000-го, а может быть, и дальше.

— Простите, что перебиваю, Валентин Григорьевич, но неужели никаких других спасительных шагов до этого времени не будет предпринято?

— Меры принимались и принимаются, но они недостаточны. А иногда в качестве мер делались хитроумные проекты. Я имею в виду попытку построить водоотвод для промышленных стоков с Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Это чересчур дорогостоящее предприятие явно планировалось как некое спасительное для комбината средство. Мол, стоки отведем, и тогда отпадет необходимость перепрофилирования. Но воздушные выбросы БЦБК для Байкала не менее вредны, чем водные.

— Есть и другие причины для тревоги?

— Предостаточно. Казалось бы, принято постановление, намечены сроки выполнения природоохранных мероприятий. Министерства и ведомства, поселившиеся на Байкале, имеют определенные задания — надо работать по этой программе. И кое-что делается. Но делается неторопливо, с принятой у нас раскачкой, под понукания. Делается, словом, левой рукой, а правой принимают решения, идущие вразрез с постановлением по Байкалу. Так, значительно увеличивается химическое и нефтехимическое производство в Приангарье (воздушные выбросы понесет в Байкал), на озере Хубсугул в Монголии по межэкономическим связям планируется частичное строительство крупного комбината по производству минеральных удобрений (Хубсугул связан с Байкалом, страдают и одно, и другое озеро), на севере Байкала в охранной зоне распахиваются земли и вырубаются леса, проектируется большой город. Если взвесить то, что делается для Байкала и против Байкала, неизвестно, какая чаша перетянута.

Сплав леса по рекам, а также по Байкалу, — дикость, которой не может быть оправдания. Последствия его всем известны. Это слишком дорогие выгоды. Перефразируя известное выражение, скажу: мы не можем ждать милости к нашим рекам малым и большим от промышленности, взять их — наша задача. Народ смелее и решительнее должен перейти к спасению жизни, которую несут реки. К лесам и воде отношение у нас остается варварским. Я могу судить по своим родным местам, по берегам Ангары. Не говорю уж о том, что большая часть леса при затоплении

ушла под воду невырубленной как при строительстве Братской, так и при строительстве Усть-Илимской гидроэлектростанций. Берега сейчас вдоль рукотворных морей забиты лесом — и тем, который вымывается, и тем, который разносится при транспортировке. Это десятки миллионов кубометров, на год, а то и на два года работы всех лесхозов области. Притом это ценнейшая в мире ангарская сосна. Нет, лесхозы продолжают валить, а сваленное по берегам продолжает гнить. Какая уж тут хозяйственность! Жестокое парадокс! Наша бедность — в богатстве, наша слабость — в силе. Страна, не умеющая беречь свои природные ресурсы, обречена на нищенство при любых перестройках. Когда человек видит результаты большого хозяйствования, которое есть не что иное, как грабительство, он не научится экономить в малом. Что толку беречь копейку, если миллионы выбрасываются на ветер?!

— Валентин Григорьевич, но если подавляющее большинство наших людей, неспециалистов, сердцем болеет за чистоту и сохранность природы, то почему же так называемые специалисты не видят таких очевидных вещей, как вред, наносимый ими природному богатству страны? Чем, по-вашему, можно это объяснить? Ведь специалисты тоже любят подышать свежим воздухом, искупаться в чистой реке, вымокнуть под чистым, без промышленных выбросов дождем или сорвать яблоко без капли яда на его боку.

— Конечно же, хозяйственным бескультурьем. Законодательство способствует тому, чтобы общественный грабеж не был наказуем. Мы утратили не только взгляд в будущее, но и чувство реальности. Объясняется это и простой безграмотностью. И экономической безграмотностью. И экологической безграмотностью. И низкой человеческой культурой, наконец. То, что за душой у таких людей ничего нет, не проходит для нас даром — ведь именно отсюда проистекает и точка зрения, и позиция этих людей, чья практика: после нас хоть потоп. Ну, а если у человека пуста в душе, то чего ж тогда от него ждать? Чтобы он ощущал свою причастность и ответственность за судьбу и жизнь будущих поколений? Никогда этого не будет! У него своя твердая установка — сегодня свое возьмем, а завтра хоть трава не расти! Другими словами, мы все сейчас являемся свидетелями очень оскуденного общественного сознания, которое направлено только на то, чтобы брать, брать, брать любой ценой! А такой сдвиг общественного сознания только в сторону чистого, неприкрытого, примитивного потребительства на самом деле никому ничего не дает, а ведет лишь к невосполнимым материальным и моральным затратам.

— Какой вы видите выход из создавшегося кризиса?

— Мне кажется, здесь надо исходить из опыта прошлого. Раньше существо-

Валентин Распутин

вал совместный Комитет по метеорологии и контролю за состоянием окружающей среды, который охраной, в сущности, не занимался. И вот, наконец, создан Госкомприроды. Это, наверное, облегчит, во всяком случае, должно облегчить бедственное положение природы. Хотелось бы думать, что у нее теперь появится надежный и сильный союзник.

— Но, судя по всему, у вас есть сомнения относительно авторитетности и правомочия этого союзника?

— Да, сомнения существуют. Если этот комитет будет обладать равными со всеми министерствами и ведомствами правами, толку от него будет очень немного. Из-за важности возложенных на него государственных, стратегических задач по власти он должен стоять не ниже Госплана, быть своего рода Госкоопланом. Другими словами, именно он должен сдавать в аренду всем другим министерствам и ведомствам природные богатства страны. Но не просто сдавать в аренду — этого мало, — главное его назначение должно состоять в том, чтобы следить за тем, как используются природные богатства. Именно исполняются, разумно, по-хозяйски, а не эксплуатируются и не уничтожаются. В его функции должно входить и восполнение ресурсов. На воду, на землю, на воздух пора вводить для промышленных и других арендаторов плату. Да, за отравленный воздух тоже нужно расплачиваться. Только при таком условии министерства и ведомства перестроились бы в своей работе не на словах, а на деле, только

тогда всякий свой проект им пришлось начинать бы с охранных технологий.

Госкомприроды только начинает свою деятельность. Авторитет его председателя Ф. Т. Моргуна достаточно высок. Однако в помощники ему назначаются люди, которые собираются охранять то, что прежде обирали. То же самое происходит в Госкомприроде РСФСР.

— Вы считаете, что с самых первых шагов ребенка по земле его обязательно должно сопровождать экологическое воспитание. Что конкретно вы подразумеваете? Должно ли оно походить на уроки эстетики, которые проводятся в японских школах, когда дети всем классом выходят на природу и учатся красоте — любят камешками, растениями, цветами? Или вы под этим понимаете нечто другое?

— Ну, это может быть все что угодно. Формы и методы приобщения детей к природе годятся любые — лишь бы они приносили плоды. Надо только взяться за эту полезнейшую и важнейшую работу как можно энергичнее, не откладывая на вечное такое близкое и в то же время такое недостижимое завтра. Тогда и формы обучения проявятся сами, а из них со временем выделются самые целесообразные, приемлемые и результативные. Главное сейчас — сдвинуть все с мертвой точки. Можно, конечно, поучиться и почерпнуть много полезного из замечательных добрых традиций других народов. Взять те же уроки эстетики, они играют в воспитании огромную роль. Когда японский

мальчик или девочка приходит в лес и видит нетронутые, сохранные в первозданном виде травы, деревья, цветы, любуется разноцветными камешками в журчащем чистом ручье, когда повсюду видит аккуратные таблички с названиями деревьев, растений и с очень вежливой просьбой не рвать, не мять, не уничтожать, то он невольно начинает заботливо относиться к зеленому миру растений, миру воды, изо дня в день открывает для себя неповторимую красоту и постепенно вживается в эту бесценную часть своего человеческого бытия. Экологическое образование начинать, как мне кажется, надо хотя бы с того, чтобы научить различать по именам всех своих братьев меньших. Я здесь имею в виду не только живые существа, но и травы, цветы, деревья. Ведь далеко не каждый взрослый — и с его собственной точки зрения, образованный человек — знает, как называются окружающие нас деревья, не говоря уж о растениях. Если мы будем называть их хотя бы по именам, то в эти самые минуты и будет происходить наше начальное экологическое образование. А если мы к тому же узнаем, как они живут, развиваются, как зачастую зависят друг от друга, помогают друг другу, то в скором времени неизбежно поймем, насколько они зависят от нас, от нашей прихоти или беспощадности, словом, от нашей хозяйственной деятельности. Самое замечательное, что освоение хотя бы этих азов не может не повлиять на наше мировоззре-

— Вырастить таких людей не только можно, но и нужно. Если мы хоть чуточку обеспокоены их судьбой, то сейчас просто нет другого выхода. Но мы пока еще, к сожалению, ничуть не стремимся к этому. Мы можем сколько угодно проводить уроков в школе, рассказывать со знанием дела, как нужно относиться к природе. Можем вывести ребят на реку или в лес. Но подумайте, чего будут стоить все эти усилия, если едва ли не каждый день ребенок своими собственными глазами видит, как наплевать, хищнически, откровенно поразбойничьи относятся к этой самой природе взрослые дяди. Подумайте, что будет происходить в его душе, если он изо дня в день наблюдает, что на самом деле происходит с его родной речкой, с родным полем, с ближайшим лесом. Когда ребенок все это видит, то школьные уроки, пусть даже преподаваемые самыми знающими, добрыми, любящими природу людьми, не дадут никаких плодов. И не спасут здесь никакие благонамеренные проповеди, которые мы без устали произносим в книгах, в кино, с экрана телевизора. Они тоже пойдут насмарку. Потому что каждодневная практика взрослых сильнее влияет на подрастающего человека. И если ребенок изо дня в день наблюдает, как хладнокровно все вокруг уничтожается, то и он вырастает готовым к тому же.

— Какой еще серьезный изъян в воспитании сейчас, по-вашему, бросается в глаза?

очень велика вероятность, что молодым людям другого тысячелетия придется с сожалением и ностальгией изучать природу нашей Земли только по справочникам, заново создавать то, что сейчас губится.

— Ни одно насилие над нашей землей, над нашей природой не оставило вас равнодушным. Когда и с чего начался ваш протест?

— Наверное, с того, что я родился на реке Ангаре, и за те годы, которые прожил на свете, был живым свидетелем того, как уничтожали эту реку. Она так и осталась для меня только в памяти, где-то в недосыгаемом прошлом. А ведь при моем рождении и в дни моего детства Ангара была сказочной рекой — богатой рыбой, полноводной и чистой. Об этом не только мы, местные жители, помним, но остались еще и многочисленные свидетельства и воспоминания людей, в свое время путешествовавших по этому краю. Хотя красивых рек на земле вообще не бывает, но и среди них есть особенные. Именно такой и была Ангара. Но я считаю так вовсе не потому, что она была рекой моего детства. Во все нет, удивительная особенность ее заключалась в другом — это была единственная река, которая вытекала из Байкала и несла его чистую как слеза байкальскую воду. Но после того, как к ней приложил руку «преобразователь» природы, за несколько десятилетий такой реки не стало. Вместо одного из чудес света сейчас наличествует лишь систе-

общественного устройства. В других странах, где земля со всеми богатствами находится в одном владении, разбазаривать что-то попусту никому не придет в голову. Перед тем как предпринять какой-либо шаг в экономике, там все тщательно взвешивается, трезво оценивается, какие будут прибыли на фоне всех детально изученных затрат. Если фирма допустит какой-либо просчет, она прогорит и перестанет существовать. У нас же прочно вошло в практику совсем иное: любое убыточное или наносящее государству вред министерство, пользуясь традиционной безнаказанностью, продолжает прекрасно существовать. При любых обстоятельствах оно будет делать только то, что выгодно ему, а не государству в целом. А ему, конечно, выгодно только снимать сливки. Министерство меллиорации и водного хозяйства нанесло государству урон, сравнимый разве что с затратами во второй мировой войне. И что же? Отовсюду слышится стоны от его деятельности, а оно продолжает действовать без всякого контроля со стороны народа и органов контроля...

— Валентин Григорьевич, ответьте, пожалуйста, положь руку на сердце: не было ли у вас когда-нибудь желания раз и навсегда бросить эту неблагоприятную, забирающую столько сил и нервов общественную работу и заняться одним литературным творчеством?

— Да не один раз было! Я ведь себе даже слово давал — как только отмечу свое пятидесятилетие, плюну на все, уеду хоть в тундру, где меня уже никто не найдет, и буду только писать. Писатель существует не для того, чтобы с переворотчиками бороться, а чтобы книги писать, способствовать духовному очищению и нравственному усовершенствованию человека. А вместо этого борьба, статьи, заседания, выступления. Чувствуешь себя кем угодно, но не писателем. Однако попробуйте отойти

ТО ТВОРИМ

ние, на отношение к земле, по которой мы ходим. Мы уже будем знать истинную цену всякому неверному шагу. Мы невольно станем внимательнее и бережнее к земле, которую мы, оказываясь, в состоянии уничтожить. Хотя она и является нашей прародительницей, но технически мы сейчас так сильны, что имеем полное право смотреть на нее, как на беспомощного и беззащитного ребенка. И относиться к ней нужно только так, как любящая мать относится к своему дитя.

— Тем более, что это в наших же интересах.

— Да, самой важной ступенькой экологического образования является понимание, что и мы — оказываемся! — впрямую зависим от окружающего нас мира. Зависим впрямую от каждого деревца, от каждой речушки, каждого ручейка, любой травинки. Зависим даже больше, чем они зависят от нас. И формула здесь получается предельно простая: не будет их — не будет нас. Мы ведь получаем от них все. Растения одевают нас кислородом, дают несущие жизнь вещества, которые никогда не заменят никакие чудеса изобретательной химии. А раз испив из реки в жару чистой водицы, тебе обязательно захочется, чтобы это счастье повторилось, чтобы в реке тебя всегда ждала прохладная влага, а не мазутные пятна или химические выбросы.

— Значит, вы верите, что новые поколения можно вырастить более чуткими ко всему живому и к природе в целом?

— По-моему, мы как-то чересчур уж измельчились в подходе к молодежи. С головой ушли в тысячи очень мелких «проблем». Посмотрите, чем сейчас заполнены полосы журналов, телепередачи. На экране крупным планом часами изучаются металлические клепки на кожаных браслетах и не шибко интеллектуальные лица их владельцев. Львиная доля внимания уделяется грохоту, звеньканью и другим шумам, именуемым почему-то музыкой, хотя они и не имеют права так называться, потому что душе человеческой ничего не дают и никогда не дадут. У молодых людей институт берет интервью, предоставляя им великолепную возможность поделиться своей мудростью, высказать что-нибудь полезное для всего человечества. Потом серьезно обсуждается, какие должны быть рисунки на свитерах, как стричь затылки, какие покупать пластинки, кто самый модный певец, а кто поменьше, чьи песенки на первом месте, чьи во втором... И так до бесконечности. Интересно, что такой примитивизм бытия давно ушел из жизни молодежи других стран, а мы, как всегда, лет на двадцать опаздываем. И своим «воспитанием» самым активным образом потворствуем развитию дурного вкуса и дальнейшей и без того ужасающей бездуховности молодых. Может быть, кто-то именно так понимает гласность и демократию, но за всеми этими побрякушками мы забываем о главном. Забываем напомнить молодежи о том, для чего мы живем и где живем, в какой непоправимо оскудевшей среде обитания мы оказались, что

ма водохранилищ: Иркутское, Братское, Усть-Илимское. Скоро появится еще одно — Богучанское. И никогда не уйдет, не изгладится из памяти то, как исчезали река и окружавшее ее великолепие. Все это происходило на моих глазах. Уходили под воду деревни, кладбища, острова, леса, поля и луга — все, что создано и согрето было человеком за столетия. Это очень походило на внезапно обрушившееся на землю стихийное бедствие. И не только у меня, у многих, кто привык ценить природный мир, возникал вопрос: почему нельзя было и с землей проститься по-хозяйски? Уж коли затопляется огромная территория, то почему бы не очистить ее от леса? Нужен он стране? Нужен! Под водой он никому не нужен, воде он вреден. Однако происшедшее при затоплении Братского водохранилища повторилось потом на Усть-Илиме и сейчас происходит в Богучанах.

— Валентин Григорьевич, почему виновников такого бездумного истребления природы общество до сих пор не наказывает в юридическом порядке? Ведь если даже троллейбусные карманники или несуну за свои грошовые операции вынуждены расплачиваться годами лишения свободы, то почему же такая привилегия: за наносимый государству ущерб, исчисляемый миллионами или миллиардами рублей, виновники не несут никакой судебной ответственности?

— Понять, почему расхитители Отечества благоденствуют, нельзя. Это одно из самых уязвимых мест нашего

от этой работы. Первым читатель же и возмущается: Байкал страдает, леса страдают, библиотеки и музеи, а вы о чувствованиях каких-то придуманных героев? Как вам не стыдно, ведь это же трусость, предательство!

— Дадите ли вы себе зарок заниматься только литературой, когда будет окончательно решен вопрос с Байкалом и он получит право на полноценную жизнь?

— Мне кажется, этот вопрос так и не будет решен. Даже несмотря на голос общественности и на постановление правительства, судьба Байкала остаётся в опасности. Потому что та самая сила, которую мы называем технократической, ни на шаг не отступает от своих замыслов, ей пришлось лишь в соответствии с требованиями времени перестроиться, делать для отвода глаз обманные движения. Я уже упоминал о тех способах, которыми обходится (то есть делается в обход) правительство постановление. Комбинат на Хубсугуле яркое тому подтверждение. Посмотрите, что получается: советская общественность уже как бы и не может вмешиваться, потому что строительство ведется на чужой территории. И такого рода обходные маневры и завуалированные ходы будут предприниматься и впредь. Совмин страны говорит, предположим, своим законодательным актом: нельзя. А областной Совет, в порядке исключения, принимает собственное решение, и получается: можно. Так, к примеру, приговорены к сносу последние острова на Ангаре. Есть решение Совмина:

острова на Оби, Иртыше и Ангаре не трогать, а в Иркутске, чтобы получить гарантии, их сочли ошибкой природы и по-становили, чтоб не мозолили глаза, раз и навсегда убрать.

— **Валентин Григорьевич, может быть, есть смысл трезво сопоставить те прибыли, которые принесет строительство комбината на озере Хубсугул, и те экологические потери, которые мы неизбежно понесем, и посмотреть, что же перевесит? Тогда станет предельно ясно, оправдана ли вся эта затея со строительством.**

— Да, по-моему, так вопрос даже ставить нельзя! Ничему не может быть оправдания, когда речь идет о судьбе Байкала! С ним рядом ничего нельзя ставить. По ценности ни золото, ни драгоценные камни, ни нефть нельзя уже сегодня ставить рядом с водой. Вода все перетянет! А ведь именно в Байкале содержится редчайшее природное богатство. В Байкале, если вы помните, сосредоточена пятая часть всех мировых запасов поверхностной пресной воды. Байкал такое же уникальное явление, как родник в пустыне. В других странах нам откровенно завидуют. Байкал, кстати, принадлежит не только нам, он принадлежит всему миру, и к нему как к достоянию человечества и следует относиться. Вполне возможно, что уже в ближайшие годы интернациональный долг будет состоять в том, чтобы делиться не оружием, а питьевой водой. И никакая целлюлоза, никакая продукция, которая получается за счет уничтожения Байкала, не может идти ни в какое сравнение с самим Байкалом, с ценностью его воды. И меня поражает, что так называемые специалисты до сих пор не в состоянии это понять.

Но Байкал не только природа, не только чистый воздух и чистая вода. Это еще и заповедность духа, который передается нам и способен делать нас чище и лучше. Надо ли доказывать, что человеку больше требуется душа, нравственная походка, чем целлюлоза и картон. Можно бы, конечно, одно другому не противопоставлять, при умном хозяйствовании и душа останется, и целлюлоза будет, однако сегодняшняя практика не хочет знать третьего пути и ставит условие: так — или. Мы ничуть не лучше дикарей, которые за нитку бус готовы отдать алмазные копи вместе со своими жизнями. И вспомните, сколько лет ради этой ничтожной, ничего не стоящей нитки стеклянных бус нас обманывали, авторитетно, с самым умным видом утверждая, что целлюлозу можно получать только на Байкале. Можно этим людям доверять? Нет, конечно. А они и сегодня те же самые специалисты, с тем же самым мировоззрением и доказательствами. И оттого, кто в этой борьбе победит, чья правда возьмет верх, зависит слишком многое.

— **Валентин Григорьевич, может быть, чтобы не громоздить ошибку за ошибкой в вопросах хозяйствования и экологии, самое время поучиться этому у других стран?**

— Следовало поучиться хотя бы у наших ближайших соседей, у Финляндии и Швеции, например. Эти крошечные по сравнению с нашим государством страны — в любой их них народу живет меньше, чем в Москве, — умудряются не только продавать на экспорт высококачественную целлюлозу, бумагу и древесину, но при этом сохраняют свои богатые леса. Они очень разумно хозяйствуют и буквально все, до щепки, утилизируют. У них ничего не пропадает даром. Особое внимание уделяют восполнению лесных запасов, потому что прекрасно понимают: природные богатства безграничны, всему есть предел. Но за полезными знаниями в другие страны ходить совсем необязательно, потому что у нас ведь тоже был накоплен богатейший опыт лесопользования. Достаточно вспомнить хотя бы тот же Кедроград, о котором писал в свое время Владимир Чивилихин, когда в начале 60-х годов молодые ученые, выпускники Ленинградского лесотехнической академии, решили возро-

дить старый народный способ лесопользования, который всегда существовал в России и состоял в том, чтобы не столько вырубать, сколько пользоваться плодами леса. И это сразу принесло замечательные результаты. Уже через пять лет от основания Кедроград стал завидно прибыльным предприятием. Однако ему не суждено было здравствовать, потому что — это у нас, как вы знаете, принялось за правило — Кедроград невыгодно оттенял работу других предприятий. Чтобы раз и навсегда избавиться от этого процветающего комплексного хозяйства, которое иначе, как бельмом на глазу, никем уже и не воспринималось, из него решили устроить самый обычный леспромхоз. И устроили — теперь про него ничего хорошего сказать нельзя, от других леспромхозов он ничем не отличается. Как и они, вырубает кедровую тайгу в Горном Алтае, как и они, зависит от кубометра.

А вспомните действия в романе С Залыгина «Комиссия», когда в суровые годы гражданской войны сельская община принимает закон и создает комиссию для сохранения лесов. Ведь это не просто художественный вымысел, так было. Русский народ заботился о благополучии не только своего, но и будущих поколений. Так было всюду, в том числе и в Сибири, где, казалось бы, нет лесам ни конца и ни края, теперь и концы и края видны, а лесопользовательная косо продолжает косить без жалости и без ума. И эта система тотального уничтожения природы продолжает действовать и в период перестройки, несмотря на растущую сознательность, на всеобщее обновление и даже несмотря на то, что мы все уже прекрасно понимаем, какой непоправимый ущерб наносим себе и природе. По-моему, единственное изменение, которое произошло у нас в теперешнем лесопользовании, в том, что раньше мы не ведали что творим, а теперь отлично сознаем, но продолжаем творить по инерции и из противоречия разумным доводам. Никан не хочется иным товарищам согласиться, что они оказались не правы, а коль так — является тень Герострата, и они выбирают ее. Выбирают, быть может, и невольно, но неизбежно. Сложная это штука — разобраться во внутреннем инструменте человека, рассудок которого не руководится душой и становится чем-то вроде счетной машины и в конце концов начинает уничтожать сам себя.

— **Насколько велики потери, которые из-за неправильной эксплуатации леса несет в настоящее время страна?**

— Мы не только несем, но уже понесли потери совершенно непоправимые. Лучшую в мире ангарскую сосну полностью вырубали, ее уже не осталось. Вырубали безграмотно, хищнически, не оставляя ни сосенки. А вообще о лесных потерях даже говорить горько. Официально признано, что до 40 процентов леса при вырубках идет в отвалы или сжигается. Хотя на самом деле уничтожается гораздо больше. В моем родном поселке на старой Ангаре, где раньше был колхоз, сейчас действует леспромхоз.

— **Валентин Григорьевич, как вы считаете, когда люди всерьез задумаются о сохранении среды обитания?**

— Мне кажется, мы придем к этому пониманию только через непоправимые потери. Очень медленно выветривается из сознания людей беспечность. Они не думают ни о себе, ни о своих детях, ни о своих внуках. Хотя экологическая катастрофа сейчас куда реальнее и, потому страшнее, чем ядерное уничтожение. Люди скорее всего обо всем этом всерьез задумаются, когда на Земле уже не будет ни чистой воды, ни чистого воздуха, ни чистой почвы. Очень хотелось бы, чтобы это произошло раньше, но раньше — это сегодня, а сегодня, как мы с вами убеждаемся на каждом шагу, говорит: пока гром не грянет — мужик не перекрестится, но гром уже грянул...

— **Валентин Григорьевич, иногда**

высказывается мнение, что писатели, вовсе не являясь авторитетными специалистами в какой-то сфере хозяйственной деятельности, тем не менее берут на себя смелость во всеулышание судить о таких вещах, от которых они, казалось бы, по роду своего основного занятия очень далеки. Нас не смущают такие упреки?

— Ничуть. Мне кажется, что подобное мнение и у писателя, и у любого здравомыслящего человека не должно вызывать ничего, кроме возмущения. Ведь если что-то очень для всех нас важное намеренно проглядывает или попросту не замечает узкий специалист, то должен же это хоть кто-то замечать! К счастью, уже много раз доказали, что писатель обладает кругозором государственного деятеля, даром предвидения, острым ощущением того, что происходит сегодня и будет происходить в будущем. На то он и писатель. Андрей Платонов очень чутко реагировал на все происходящее в обществе процессы и не побоялся рассказать о них всю правду, когда говорить такую было не принято. Василий Белов отнюдь не специалист в области водных проблем, но, как патриот своей земли, он одним из первых начал бить тревогу, когда «специалисты» взялись проталкивать планы поворота северных и сибирских рек! С. П. Залыгин вот уже тридцать лет воюет за сохранность природы, против всяческих глобально-радикальных проектов перекрытия российских просторов. Писателям помогали и специалисты без кавычек, ученые со знаниями и совестью, писателям в одиночку не удалось бы добиться результатов. Теперь вот работники кино договорились до упрека писателям в общественном и культурном консерватизме: как же — и рок они не признают за мерило духовности, и порнографии не рукоплещут, и чужим, взятым напрокат ценностям не радуются. Но главное сейчас — выжить, мы все стоим на пороге катастрофы, и усилия науки и культуры должны быть направлены прежде всего на спасение, а уж потом на споры о том, с какой ноги нужно идти на смерть.

— **Насколько мне известно, в своей общественной деятельности вы много времени отдаете вопросам культуры. Но, судя по всему, вас больше всего заботит все-таки экология?**

— Больше всего меня заботит моя собственная творческая работа. Больше всего мне хочется заниматься литературой. Сесть за письменный стол — и быть от всего свободным. Но, как я уже говорил, не получается. Нельзя освободиться от обязанностей гражданских, когда страдает культура, страдает человек. Подлинная культура неизбежно подразумевает экологию человека, экологию его души и, как результат этого, экологию природы. В таких понятиях, как культура человека и защита природы, нет четко очерченных границ. Эти вещи как бы являются продолжением друг друга, они составляют нечто цельное. Их просто нельзя разделить. Я думаю, что если мы будем бороться только за экологию, за защиту природы, то никогда ничего не добьемся. Результата не будет до тех пор, пока мы не изменим в лучшую сторону самого человека. Это не преувеличение — многое, очень многое в этом мире зависит от отдельного человека, от той крупицы зла или добра, которую он оставляет в каждом прожитом дне. Сейчас, как никогда в истории, от нас зависит то, какие формы будет принимать будущее, по какому руслу оно потечет, насколько чистыми будут его берега. Поэтому просвещения тысяч, даже миллионов недостаточно, добро и свет должны присутствовать в каждом. Верно, что никогда это не удавалось, но никогда, кажется, человек и не отходил так далеко от самой важной и самой первой своей службы в мире.

Культура отношения к природе, культура отношения людей друг к другу у нас на низком уровне. Отмечать приходится это с великим сожалением, но

отмечать следует то, что есть. И высшее образование этой культуре отнюдь не способствует. Кандидат наук может быть таким же хамом, как недоросший недоросль. Культура поведения есть показатель общей культуры, степень ее усвоения.

— **Что вы могли бы сказать о сегодняшней массовой культуре? Какие мысли или эмоции она у вас чаще всего вызывает?**

— Границ для массовой культуры ныне не существует. Нет для нее никаких ограничений и у нас. Молодежь поддалась ей, что называется, со всем жаром сердца. В какой-то степени это понятно — запретный плод слаще. Это, конечно, было бы не так плохо, если б не было так опасно. Лично у меня тот восторг, с каким многие деятели культуры приняли, к примеру, рок и взяли его под свое покровительство, принялись его изо всех сил пропагандировать, вызывает и недоумение, и отчаяние. Молодежь не всегда ведают, что творят, а уж нашему-то брату ведать это следует. Мы несем ответственность за то, какие формы и голоса принимает наше искусство, от нас зависит, чему оно учит сегодня и будет учить завтра.

Мы стали забывать о своих традициях, о своей национальной культуре, стали утрачивать свои корни. Сейчас, правда, возвращение национальной культуры происходит, но чаще всего в стилизованной форме. Надо надеяться, что не только ради юбилея церкви прозвучала нынче духовная музыка. Все это должно быть в жизни и существовать в ранге равных друг перед другом и перед искусством течений и жанров. Интернационалист начинается с собственной культуры и мировоззрения, с собственного, а не заемного мнения. Диктат интернационализма — это уже не интернационализм, а попытка сделать из нас безличное и бескровное существо.

Сейчас человек все дальше и дальше уходит от спасительной для общества, да и для всего рода человеческого, гармонии. Потому что уходит от универсального образования. Система нашего теперешнего образования без устали плодит узких специалистов и ограниченных работников, за душой которых почти ничего нет. Ничего туда не вложили — ни широты кругозора, ни философского или просто человеческого взгляда на мир, ни культурной подсветки, ни литературного богатства. Поэтому надо ли удивляться, что с приходом в народное хозяйство таких профессионально ограниченных специалистов происходит и происходит многие беды — и по отношению к природе, и к самому человеку, и к государству. Самое страшное, что такие специалисты свято верят в то, что они всегда поступают правильно — потому что именно так их учили! И мы на этот счет не волнуемся, устроили заговор молчания, почти не затрагиваем такую страшную беду, как бездумное применение в сельском хозяйстве минеральных химических удобрений. Их использование, это уже доказано, грозит огромными бедами. Химический препарат ДДТ продолжали применять даже тогда, когда уже видели, насколько он опасен для всего живого. Кстати говоря, это токсичное вещество до сих пор обнаруживают в организме человека при вскрытиях и хирургических операциях, хотя 20 лет оно уже и не применяется. Это ли нам не предупреждение? Химические вещества неизбежно поступают в организм человека через растительные продукты. Я не говорю уже об интенсивном умерщвлении почвы. То, что универсальное образование оказалось у нас совершенно заброшенным, обернулось для нас тяжелейшими последствиями. Начиная со школы человек получает какое-то неправильное, извращенное, куцее, без зачатков универсализма обучение. В результате и специалист из него не получается, и гражданин не получается. Так и растет — без привычки видеть все во взаимосвязи...

Беседу вел Евгений ГИЛЬМАНОВ.

НА ЦЫПЧКАХ?

ДЛЯ ИНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ РАБОТНИКОВ ЭТО УДОБНАЯ ПОЗИЦИЯ. А ЧТО В РЕЗУЛЬТАТЕ?

Юрий РАГОЗИН

В кабинет секретаря парткома Рославльского автоагрегатного завода, размерами напоминающий небольшой аэродром, вошел зам. секретаря комитета комсомола. Вошел тихо, чуть ли не на цыпочках.

— Вызывали?..
Взгляд хозяина кабинета Валерия Александровича Чугунова стал суровым. Металлическим голосом партийный секретарь задал пару вопросов, и на том разговор закончился. По рассказам заводчан, по собственным наблюдениям уже представляя себе характер парторга — человека властного, не терпящего возражений и критики, — мысленно я посочувствовал комсомольцам, которые должны работать с парткомом в теснейшем контакте, получая от него дружескую помощь и поддержку. Спрашивал я об этой помощи комсомольских активистов. Нет этого, говорили они, если не сказать больше.

Зам. секретаря тихо закрыл за собой дверь, прошел мимо секретарши-«подснежника», занимающей ставку диктора заводского радио (партком разрешает себе держать «подснежников», как, впрочем, — жаловались рабочие, — и все начальники на заводе), а я подумал: откуда у Чугунова, которому еще нет и сорока, то есть совсем молодого по нынешним меркам, эта строгость, командный тон, назидательность? Ведь и сам из комсомольских работников. Почему подобное отношение к комсомолу не исключение, и, если не правило, то по крайней мере довольно широко распространенная тенденция?

Немало сцен, похожих в разной степени на эту, приходилось наблюдать. Когда же задавал лобовой вопрос: почему отчуждения между вами — партийными и комсомольскими аппаратчиками — складываются не на равных, не по-товарищески, а на уровне начальников-подчиненных, при жестком соблюдении дистанции, то, удивленно глядя на меня, — притворяюсь или действительно не понимаю? — парторг отвечал (и ответы эти были во многом схожи): мол, это ведь комсомол, мальчишки, их направлять надо постоянно, в строгости держать, иначе на шею сядут, да и об авторитете партии следует заботиться, уважение к партии воспитывать.

Позиция более чем уязвимая. Командным тоном уважение, конечно, не привьешь, но с его помощью в легком трепете держать до поры до времени комсомол можно. Уж не от того ли применяются подобные «меры», что порой авторитет много партийного лидера невелик, вот лидер и строжится? А не будешь строжиться — глядишь, комсомол со своими идеями покою не даст, а там, чего доброго, критиковать начнет, переизбрать потребует...

Один знакомый, вспоенный и вскормленный комсомолом аппаратчик, в срок лет ушедший с высокой должности на партийную работу, теперь ругает комсомол на чем свет стоит. Выходит, все это время он, комсомольский лидер (по должности), кривил душой? Говорил пламенные речи, взывал к энтузиазму, а на самом деле презирал комсомол? И ведь презирал-то за что — «ни гостиницу забронировать хорошую не могут, ни машину прислать в аэропорт, то ли дело — партия!.. Да и всерьез к комсомолу никто не относится».

Я несколько не сомневался в истинной причине его недавней привязанности к молодежному союзу — хотел сделать карьеру. И сделал. По анкете все сошлось.

И опять получается любопытнейшая ситуация: тут, как и в армии, где молодой солдат вопреки уставным отношениям получает «отеческие» подзатыльники от «деда», а как только сам

«дедом» становится, его щедрость на подзатыльники молодому пополнению становится неистощимой. Нелогичные на первый взгляд метаморфозы, однако же легко объяснимы: мне досталось, а я на других отыграюсь!

Где же истоки таких отношений между партией и комсомолом? Наверное, пошло это еще с тех суровых лет, когда комсомолу не предписывалось, как и всем прочим, особо раздумывать — «приказы существуют не для того, чтобы их обсуждать». Руку — под козырек!

Очень удобно иметь такого добросовестного, неприхотливого и отчасти трепетного помощника. Но вот парадокс — некоторым комсомольским работникам ведь в известной степени удобно такое положение: голову ломать не требуется, за тебя подумают другие, знай себе исполняй приказы. Прошел партийный пленум — через положенный срок собирай свой и намечай задачи в свете уже намеченного... И живи себе дальше спокойно.

Как-то в командировке с секретарем парткома и заместителем секретаря комитета комсомола мы зашли к директору завода. Парторг представил меня, и тогда директор кивнул на комсомольца: мол, а это кто? Парторг назвал имя и должность. Директор, человек с прекрасной реакцией, тут же понял свою оплошность и очень естественно рассмеялся: быть, дескать, комсомольцу богатым, не узнал — больно тот изменился, возмужал, вот такой на заводе у них замечательный комсомол!.. Парторг улыбнулся, я тоже. Было совершенно ясно: директор не только не знаком с комсомольским активистом — он его и в глаза не видел. Не вхож к нему комсомол. Ни на цыпочках, никак.

Валерий Александрович Чугунов с Рославльского автоагрегатного с удовольствием и гордостью рассказывал мне о том, что снял с двери табличку «Прием по личным вопросам от и до» — пожалуйста, заходи. Я спросил: а как комсомол, бывает тут? Ну, а как же, в любое время, рука об руку работаем, ответил секретарь. Лукавит, подумал я, мне уже рассказывали о контактах с парткомом, да и сам вижу...

Но комсомольцы не только на цыпочках порой входят в партийные кабинеты — и в партию зачастую вступают на цыпочках. Работал я на заводе и хорошо помню, как сложно было молодому инженеру вступить в партию, зато рабочему — лишь бы норму выполнял и не пил на людях — даже еще упрашивают. А инженеру говорят: очередь, подожди, рабочих в партию должно быть больше. Хотя в Уставе четко написано, кто может стать членом партии независимо от социального положения, и об очереди — ни слова.

Но, может, эти факты устарели? Как-никак с завода шесть лет назад ушел. Звоню заместителю секретаря комитета ВЛКСМ центрального ремонтно-механического завода «Мосэнерго», делегату XX съезда комсомола Любе Савчук, спрашиваю: как сейчас с приемом в партию? И Люба рассказывает, как решили однажды комсомольцы попробовать сами — без указки сверху — рекомендовать в партию хорошего молодого инженера. Провели собрание в цехе, в райкоме комсомола — все нормально. Дошли до райкома партии. И вот уже год лежат там документы, а хороший парень все в комсомольцах ходит...

Не так давно Люба получила указание подобрать шесть кандидатур для приема в партию: четверых рабочих, двух ИТР. А молодых рабочих, достойных быть принятыми в партию, пока нет. «Итэровцы у меня хорошие есть на примете, но мне говорят: на них лимит исчерпан...»

Прекрасно понимаю, что, используя эту информацию, подставляю Любу — за разглашение такой «тайны» у нее могут быть неприятности. Спрашиваю:

о чем могу написать, сославшись на нее? Подумала немного и отвечает: «Обо всем. Надо об этом говорить!»

Так ведь в том-то и проблема, что говорить об этом говорят, а на деле — очередь.

В Резолюциях XIX Всесоюзной конференции КПСС четко сказано, что «Надо решительно покончить с регулированием пополнения партийных рядов путем разнарядки, нередко создающей искусственные препятствия для приема в партию передовых инициативных людей». Звучит весомо. Но как воспримут эти слова на местах те, кто, собственно, и должен «решительно покончить»? Как они будут трактовать резолюции? Подумают, прикинут процентный состав своей партийной организации; требуют одно, а в отчетах будет цифра... Великое дело — цифра!

Как тут не вспомнить известное постановление ЦК КПСС об усилении партийного руководства комсомолом. Какие правильные слова в нем, но многие партийные деятели восприняли его однозначно: жестко командовать, не обсуждать с комсомолом, не размышлять вместе, а решать за комсомол и давать ему указания. Иные шустрые комсомольские аппаратчики и подстраиваются, ибо знают: хорошо слушаешься, не споришь — значит, умеешь работать, годеи в резерв; выдаешь много неожиданных инициатив, любишь поспорить, одеяло на себя тянешь, критикуешь руководителей, — плохой работник, выскочка, в резерв не годишься. Отмеренные таким аршином и просочившиеся в партийные аппараты, ловкие люди из комсомола и других потом этими же мерками меряют.

Узнал недавно, что в Венгрии все члены партии и комсомола, независимо от должности и возраста, на «ты». Это — знак уважения, знак принадлежности к единой организации. Комсомол порой вступает в споры с партией, и это считается нормальным. За определенное время до партийных форумов комсомол выдает свои предложения по вопросам, которые будут на них обсуждаться. Имре Надь, секретарь ЦК комсомола Венгрии, сказал в беседе, что молодые венгры хотят не только обсуждать вместе с партией задачи, стоящие перед обществом, но и влиять на их решения.

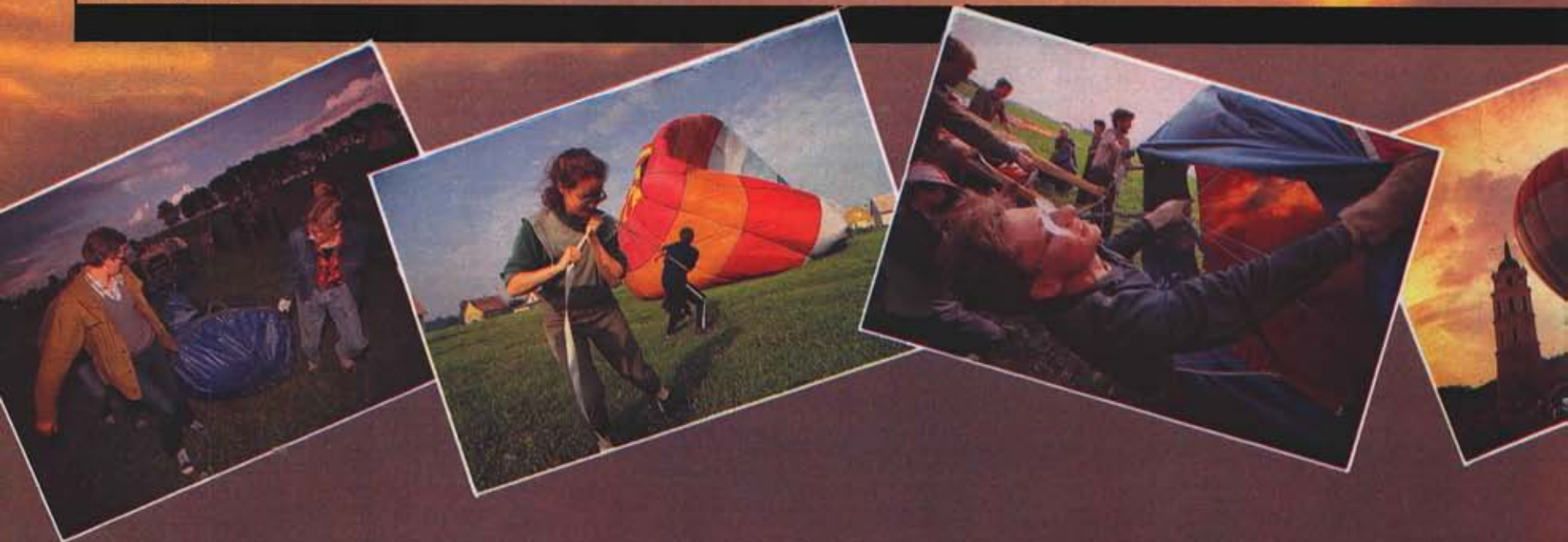
Молодое поколение менее похоже на своих отцов, чем на свое время, гласит восточная пословица. Многое в нынешнем времени радует, но есть и такое, что настораживает. Уверен, успех перестройки во многом зависит от того, каким будет диалог партии с молодежью, комсомолом — по-товарищески равный или с позиции «сверху».

Демократия — это ведь не только дружное обсуждение прошлых ошибок, но и гарантия от ошибок в будущем. Да, у молодых не хватает опыта. «Но это же замечательно! — сказал однажды Владимир Павлович Кабадзе. — Значит, нет и стереотипов мышления, есть главное — свежие мысли и желание работать!»

В Резолюциях XIX партконференции говорится, что нужно создать «...условия, которые позволяли бы молодежи как можно раньше обрести самостоятельность, максимально раскрывать свои способности...». Но кто создаст эти условия, кто даст гарантии, что они не будут нарушаться?

На мой взгляд, на эти и многие другие вопросы должен будет ответить Закон о молодежи, над которым сейчас идет работа. Важно только, чтобы он не стал набором деклараций, а имел реальную силу. И важно, чтобы сами комсомольцы не забывали: комсомол — организация политическая и свои права должна отстаивать в борьбе; а не стоять на цыпочках и ждть.

От редакции. А что думаете по этому поводу вы, уважаемые читатели? Ждем ваших писем.

Воскресенье до самого вечера лил дождь, и мы маялись в ожидании. А в понедельник утром Римас позвонил на метеостанцию, и, видно, его там обрадовали, потому что он сказал: «Сегодня полетим».

На трех машинах мы выехали из Вильнюса в Молетский район — край озер, здесь мало леса, мало линий электропередач. Для нашего мероприятия это важно.

Мы перевернули корзину, освободили шар и растянули его по земле, как большой змей. Потом приподняли за край, и заработал моторчик с пропеллером, применяемый для заполнения гигантской емкости воздухом. Шар стал принимать форму горы; до гладкой гигантской капли, перевернутой острием вниз, ему было далеко. Надо было еще нагреть воздух внутри, и Римас включил две большие газовые горелки, установленные в корзине.

«Летом 1806 года над городом Вильнюсом поднялся и пролетел шар, пилотируемый отважным и известным путешественником Юордакисом Купаренкой...» Под шаром господина Купаренки жгли на горелки, а раздували костры большой силы и ярости. Как видим, в техническом отношении воздушное плавание за последние два века почти не изменилось.

Римас еще не успел нагреть шар, он еще лежал на боку, как опять пошел дождь. Когда он прекратился, я подошел к корзине и посмотрел на табло термометра. Температура под куполом была плюс девяносто пять. Римас сказал: во всех случаях, даже если упадем, из корзины не выходить, держаться за стойки, при приземлении согнуть ноги. Теперь я думаю, что он страдал меня на случай экстренных обстоятельств: обычный инструктаж.

Я перелез через бортик корзины. Горелки снова были включены. Оставшиеся на земле держали машину у земли, схватившись за края корзины. Потом они отпустили руки. И... оказались маленькими фигурками далеко внизу. Мы — летели! (На табло сто пять градусов.)

Коровы изумлены настолько, что мычат, а те, что привязаны, бегают на привязи по кругу. Шар, зависший над хутором, — небесное виденье. Женщина выбегает с возгласом: «Езус Мария!» Практичный мужик быстренько заводит лошадь в сарай.

— В сарай-то зачем? — спросил я Антанаса, старшего брата Римаса и кинорежиссера. Вдвоем они совершили первый полет на этом шаре.

— Старики еще хорошо помнят лихое время в войну и после, — ответил Антанас, — когда первым делом спасали скотину.

Рассказал он и смешной случай. В прошлый раз, едва они приземлились на небольшом хуторе, к ним по-

ПОЛЕТЫ НАЯВУ

Евгений СТЕЦКО
Фото автора

дошел местный житель и воскликнул: вот если бы такая штука пролетела над конторой нашего колхоза — бригадир бросил бы пить!

После меня на шаре поднимались другие, и каждого, как и меня, по окончании полета переворачивали в корзину вниз головой и ласково шлепали — таков ритуал крещения. Однако полноправных «летчиков-воздухоплавателей» у нас пока двое: Римас Мацюлявичюс и Юозас Волунас. (Оба получили международные права в Польше, летая на польском шаре.) Остальные — пассажиры.

Ко мне подошел хуторянин и спросил: «Что, ты снимал там?» «Снимал», — сказал я. Хуторянин попросил: «Напечатай карточки и пришли нам сюда, мы здесь всю жизнь живем, а своей родины сверху не видели». Я сказал ему: «Красивая она». «Ты пришел много карточек, на всех», — сказал хуторянин...

Римавидас Мацюлявичюс прыгал с парашютом, строил дельтапланы, служил в воздушно-десантных войсках. Мастер спорта СССР. Окончил Вильнюсский политехникум. После армии в Каунасском авиационно-спортивном клубе ДОСААФ летал на Як-12, потом — на Ан-2. В 1980 году окончил заочно исторический факультет Вильнюсского университета...

— В этом году для борьбы с бюрократиями и отщепенцами поступил в Высшую партийную школу, — сказал Римас, и я так и записал.

Такой человек, очевидно, не мог не двигаться вперед.

На соревнованиях по парашютному спорту в Венгрии он познакомился с энтузиастами полетов на воздушных шарах и, как обычно пишут об энтузиастах, немедленно загорелся. Литва прочно удерживала за собой прекрасное звание «летающей республики». Две страсти владеют литовцами: баскетбол и авиация. Здесь распространены все виды авиационного спорта: планерный, дельтапланерный, парашютный, авиамодельный, высший пилотаж, летают и на самодельных авиаконструкциях, на сверхлегких аппаратах.

В Польше и Венгрии освоили воздушные шары уже десять лет назад, и за все эти годы не было ни одного трагического случая. То есть полеты стали новым видом спорта, а вовсе не воздушной авантюрой. Впрочем, шар прилетел (как идея!) не из Венгрии и не из Польши. И Куларенка не был одинок в нашем небе. До войны и после войны у нас летали на шарах, организовывались полеты даже с побитием рекордов. С шаров прыгали парашютисты. А потом... потом полеты прекратились. И долго-долго наши небеса дожидались Римавидаса, пока он прыгал с парашютом и взлетал на Яках и на Аках.

6 января 1988 года Римас опубликовал в республиканской газете «Комсомольская правда» заметку под названием «Ищу единомышленников», где писал: «Воздушный шар

стоит семнадцать тысяч рублей. На первый взгляд, это крупная сумма. Но если объединить усилия нескольких предприятий, да помогут б еще комсомольцы...» О преимуществах полета на воздушном шаре он высказался кратко: «...чем ниже летишь, тем интереснее».

Отклики были опубликованы 12 февраля под заголовком «Единомышленники есть!». «Во сне я летаю уже давно. А как бы хотелось и наяву!» — прочел я, например, в письме четырнадцатилетнего Виктора Тамашаускаса. Даты я привожу неспроста, чтобы подчеркнуть, как стремительно действовали энтузиасты.

Итак, 27 февраля собирается учредительная конференция, в ней участвуют около двухсот человек. Приехали даже из Москвы, Киева, Ленинграда. 27 февраля 1988 года отныне считается днем создания в Литве общества воздухоплавателей. Вскоре после конференции Вильнюсский городской совет содействия самодеятельному техническому творчеству и координации НТТМ (его возглавляет зам. председателя горисполкома Альгирдас Мотулас) отпустил на нужды общества семьдесят тысяч рублей.

По договоренности с польскими коллегами литовцы получили возможность бесплатно обучаться в Польше: аэроклуб выделил инструкторов, базу для полетов. Там, как я уже упоминал, Римас и Юозас получили международные права пило-

тов воздушных шаров, и еще двое, студент Симонас Галкус и инженер Гитгарас Крисюнас, получили лицензии как механики.

А потом начались поиски шара уже для полетов в Литве. Римас с друзьями завязали переписку с венгерским внешнеторговым предприятием «Техника». Так как валюты у общества не было, «Технике» предложили совершить безвалютный обмен: литовский планер на два венгерских шара. «А зачем нам планер?» — удивились в «Технике». Мол, давайте деньги да и покупайте что хотите. Тогда общество связалось с будапештским аэроклубом авиакомпания «Малев». Планеры Литва делает хорошо. Один планер стоит шестьдесят две тысячи рублей, или тридцать тысяч валютных рублей. Через некоторое время в аэропорту Вильнюса приземлился венгерский самолет, который привез шары и загрузил планер.

Теперь можно рассказать и о первом полете. Он состоялся 11 июня 1988 года и продолжался ровно 45 минут.

Напоминаю: со дня призыва со страниц газеты до первого полета прошло всего пять с небольшим месяцев; со дня основания общества — три месяца. А начинали-то действительно с нуля!.. Думаю, факты сами поучительны.

Теперь надо рассказать, как шар летает, что делает полеты на нем видом спорта. Чтобы получить права,

Видю я лицо твоё,
Даже если ты не рядом.
Вот ты вешаешь белье.
Вот ты в зеркале нарядаю.

Тихо в доме, как во сне.
Но какие-то флюиды
От тебя идут ко мне
Через радость и обиды.

Мы их чувствуем с тобой.
Осязаем их как будто,
Чтоб ушла из сердца боль,
Как уходит ночь из утра.

Эта боль в тебе жила
И мое терзает тело.
Слишком много в мире зла,
Чтобы сердце не болело.

Красота ли нас спасет
Иль слеза омоет души?
Сами мы себе ОСВОД
В этом море равнодушья.

— Чужому успеху
Завидовать грех...—
Когда-то мне дед говорил.
Прекрасная песня —
Ведь это для всех.
Спасибо тому,
Кто ее подарил.

Чужая удача
Вам сил не придаст,
Коль зависть
Вам душу горчит.
И чей-то успех
Не обрадует вас.
Простите,
Скорее он вас огорчит.

Написан роман.
Установлен рекорд.
Неважно, что автор не ты.
Над залом звучит
Гениальный аккорд.
Он ждет
И твоей доброты.

Вот и все...
Уже вещи собраны.
Посидим на прощанье, мать.
И молчат твои руки добрые,
Хоть о многом хотят сказать.

Руки мамы,
Люблю их с детства.
Где б дорога моя ни шла,
Никуда мне от них не деться,
От душистого их тепла.

Руки мамы.
В морщинках, в родинках.
Сколько вынесли вы, любя...
С этих рук
Я увидел Родину.
Так похожую на тебя,
мама...

ОТЕЦ

Отец мой сдает.
И тревожная старость
Уже начинает справлять торжество,
От силы бывлой
Так немного осталось.

Я с грустью смотрю на отца своего.

И прячу печаль,
И смеюсь беззаботно.
Стараясь внезапно не выдать себя...
Он, словно поняв,
Поднимается бодро,
Как позднее солнце
В конце октября.

Мы долгие годы
В разлуке с ним были.
Старались друг друга понять
до конца.

Года,
как тяжелые камни, побили
Веселое, доброе сердце отца.

Когда он идет по знакомой дороге
И я выхожу, чтобы встретить его,
То сердце сжимается
в поздней тревоге.
Увидет...
И уже впереди никого...

Я давно уже заметил:
Чтобы тяжесть снять с души,
Надо выйти на рассвете,
Побродить в лесной глуши.

А в какое время года —
Это, в общем, все равно,
Ибо любит нас природа,
Как лишь ей любить дано.

Г.Д.

Лес красой меня одарит.
И невидимой рукой
Из своих прозрачных далей
Возвратит душе покой.

ДЕНЬ ТИШИНЫ

Живу я с ощущением вины
За то, что сердцем разучился слушать.
Давайте учредим день тишины,
Чтоб поднялись над суетою души.

Как тих бывает на рассвете дом,
Когда все спит — и лифт,
и телефоны.
Мы так от напряженья устаем,
Как содержанье устает от формы.

Давайте учредим день тишины
И перегрузки
с наших связок снимем.
Пусть смолкнут на трибунах крикуны
И потеряют голос подхалимы.

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ
НА ВИРАЖЕ

СЫНУ

Я помню, как мне в детстве
Хотелось быть взрослым...
Сейчас — куда бы деться
От взрослости своей.

Не стоит торопиться
Да забегать вперед
И что должно случиться,
Тому придет черед.

Придет пора влюбиться.
Пора — сойти с ума.
Вернулись в юга птицы,
А здесь еще зима.

Вернулись в юга птицы,
Да не спешит весна.
Не стоит торопиться,
Хоть жизнь у всех одна.

ПАМЯТИ

ВИКТОРА НЕКРАСОВА

Все кончено...
Жизнь на исходе.
И, кажется, это всерьез.
Как будто я старый заводик,
И надо заводик на снос.

Одна лишь осталась забота
Из всех уходящих забот:
А много ли он наработал,
Души моей старый завод.

И много ль останется людям —
Из прошлых удач и обид.
И кто-то все вскоре забудет.
А кто-то забыть не спешит.

Пусть смерть все сама
подытожит
На вечном своем вираже.
И я успокоюсь, быть может...
О чем не узнаю уже

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

Во мне живет паровое орло
Кто-то отстрелил в детстве печаль,
но верится, что жизнь почти прошла,
А кажется, что многое
еще предстоит.

Ты же —
на гранике из старых эпох,
и ты смелеев горитишь

когда-то
когда-то друи заморозил — бои
Полетел — облетел и лоскут
Я помню те кровавые часы,
превращались эти морщи

и страхи и разлука и муча
с надеждой детвою
уживаться рядом.

Все ко мне с тобой пришло —
Вдохновение и смелость.
И в ответ на чье-то зло
Лишь добрее жить хотелось.

И счастливое число
Нашей встречи много значит.
Все ко мне с тобой пришло —
Одержимость и удача.

И друзья мои со мной.
И мои враги при деле.
Чую взгляд их ледяной,
Их кровавые метели.

Все сумею превозмочь,
Лишь бы ты со мной осталась,—
Этот день и эту ночь.
Эту жизнь,
Что нам досталась.

Резо АМАЩУКЕВИЧ
В благодарность за краткие уроки
Достоинства и мужества души
За все твои назидательные строки,
Что между нами радостью прошли.
Ты жертвуешь поэзией, музикою
И не дрожишь за каждую строку.
В тебе живет забытое искусство
Быть справедливым к другу и врагу.

Ты с нами щедро делишься собою.
И, если б мог,—
Все исчерпал до дна.
Твоя душа —
Как пение в соборе —
Торжественна,
Прекрасна
И грустна.

1

В 1899 году в важном, войлоком подбитом Петербурге одна весьма известная культурная организация, Общество ревнителей русской словесности, решила торжественно почтить память поэта Константина Перова, который погиб за полвека до того в пылом двадцатичетырехлетнем возрасте. Его прозвали русским Рембо, и не без оснований, хоть юноша-француз и превосходил его талантом. Всего восемнадцать лет от роду он написал свои знаменитые «Грузинские ночи» — длинную и запутанную фантастическую поэму, где сквозь щели привычного восточного декора продувает тот божественный ветерок, благодаря которому вдруг оказывается, что есть для восприятия подлинной поэзии особое место как раз между лопаток читателя.

Спустя три года последовал поэтический сборник, но тут им, кажется, завладел какой-то немецкий философ. — Многие стихи удручают нелепыми потугами сочетать истинный лирический спазм с метафизическими объяснениями мироздания; зато другие — такие же свежие и живые, как в те дни, когда пытливая младость взрывала русский словарь и постоянным эпитетам сворачивала шею, чтобы поэзия больше не щebetала, а захлебывалась криком. Большинство читателей предпочитает те его стихи, в которых свободлюбивые идеи, столь свойственные России пятидесятых годов, прорываются в восхитительных бурях темноватого красноречия, не столько, по выражению одного критика, «указывая на самого врага, сколько воспламеняя читателя желанием с ним сражаться». Лично я предпочитаю более ясные, хоть и более разухабистые его стихи, такие, как «Цыган» или «Летучая мышь».

Перов был сыном мелкого помещика, о котором известно лишь, что в своем имении неподалеку от Луги он пытался основать чайную плантацию. Юный Константин, говоря языком биографов, большую часть времени проводил в Петербурге, сначала уклоняясь от посещения университета, потом — от поисков места чиновника, — вообще же о нем в этот период, за вычетом того, что для его круга считается общепринятым, мало что известно. В письме Некрасова, который как-то раз повстречал его в книжной лавке, он предстает угрюмым и неуравновешенным молодым человеком, — «неуклюжий и неистовый, с глазами ребенка и плечами ломовика».

Его имя упоминается также в полицейском донесении, согласно которому он «в кофейне на Невском перешептывался с двумя студентами». По слухам, его сестра, вышедшая замуж за рижского купца, горевала из-за любовных приключений брата с прачками и белошвейками. Осенью 1849 года он посетил своего отца в надежде получить денег на путешествие в Испанию. Отец, человек прямолинейный, дал ему в ответ пощечину, а спустя несколько дней бедный мальчик утонул, купаясь в реке. Одежда его вместе с огрызком яблока лежала под березой, а тела так и не нашли.

Слава его была умеренной: в каждой антологии — один и тот же отрывок из «Грузинских ночей»; громкая статья Добролюбова 1859 года, восхваляющая революционность самых слабых его стихов; в восьмидесятые годы общее мнение, что атмосфера реакции загубила и в конце концов уничтожила яркий, хоть еще и неокрепший талант — вот, пожалуй, и все.

С оздоровлением отношения к поэзии в девяностые годы, что нередко совпадает с периодом политической неподвижности и застоя, стихи Перова начали шумно открывать заново; либералы же со своей стороны не прочь были пойти по стопам Добролюбова. С полным успехом прошла подписка на памятник Перову в общественном саду. Один из ведущих издателей, собрав все, что можно было найти, выпустил полное собрание его сочинений, составивших довольно пухлый однотомник. На вечер памяти, который был устроен в одном из лучших столичных залов, собралась громадная толпа поклонников.

2

За несколько минут до начала дверь в комнату за сценой, отведенную для юбилейного комитета, распахнулась, и в ней показался крижистый старик, одетый в сюртук, явно — на его ли, на чужих ли плечах — выдавший и лучшие времена. Не обращая ни малейшего внимания на увещания двух университетских студентов с нарукавными повязками, пытавшихся его удержать, он с видом полного достоинства приблизился к устроителям и, поклонившись, сказал: «Я — Перов».

Один мой друг — он почти вдвое старше меня и теперь остался последним свидетелем этих событий — утверждает, что председатель (будучи редактором газеты, он обладал большим опытом в обращении со

всевозможными сумасбродными самозванцами) будто бы, не удостоив его взглядом, сказал: «Гоните его в шею». Никто его, однако, не выгнал, потому, должно быть, что люди обычно склонны вести себя достаточно учтиво с пожилым господином, который, по видимому, очень пьян. Он уселся за стол и, избрав человека, чье лицо показалось ему наиболее безобидным — это был Славский, переводчик Лонгфелло, Гейне и Сюлли-Прюдомы (впоследствии член террористической организации), спросил его, как бы между прочим, собраны ли уже деньги на памятник и если да, то когда их можно получить.

Все имеющиеся описания этого события единодушно сходятся на том, что требование свое он высказал необычайно спокойным тоном, словно и мысли не допускал, что кто-то ему может не поверить. То и впечатляло как раз, что буквально в первые минуты этой фантастической истории, еще там, наедине со всеми этими выдающимися людьми, он, со своей патриархальной бородой, выцветшими карими глазами и носом картошкой, тут же невозмутимо принялся интересоваться доходами, увенчавшими их многотрудную деятельность, нимало не заботясь о предъявлении каких-то доказательств, которые может подделывать любой обыкновенный обманщик.

— Вы что, родственник? — спросил кто-то.

ЗАВЫТЫЙ ПОЭТ

Владимир НАБОКОВ

— Меня зовут Константин Константинович Перов, — терпеливо разъяснил старец. — А если вы имеете в виду, что в зале есть кто-то еще из нашей семьи, то это к делу не относится.

— Вам сколько лет? — спросил Славский.

— Семьдесят четыре, — отвечал тот, — и я жертва многолетних неврозаев.

— Вы, конечно, знаете, — спросил актер Ермаков, — что поэт, чью память мы сегодня собрались почтить, ровно пятьдесят лет тому назад утонул в реке Ордеж?

— Вздор, — отозвался старец. — Я это инсценировал, а зачем — мое дело.

— А теперь, сударь, — сказал председатель, — пора вам проваливать.

И все они, выкинув его моментально из головы, выпорхнули на ярко освещенную сцену, где традиционный графин, стоявший на столе, торжественно накрытом красной скатертью и обставленном необходимым числом стульев, давно уже своим сверканьем гипнотизировал аудиторию. Слева от стола можно было любоваться картиной, предоставленной Шереметевским музеем, на которой двадцатидвухлетний Перов изображен был в обличье смуглого юноши с распашутым воротом и романтическими длинными волосами. Подставка картины была тактично закамуфлирована цветами и листьями. Над краем эстрады нависала кафедра с еще одним графином, а за кулисами дожидался своего часа рояль, который должны были выкатить перед началом музыкальной части программы.

Зал был от отказа набит литераторами, просвещенными адвокатами, школьными учителями, учеными, любознательными студентами обоих полов и прочими, им подобными. По менее приметным углам зала затаилось несколько робких агентов тайной полиции, поскольку правительство хорошо знало по опыту, что даже самые чинные культурные сборища имеют странное свойство оборачиваться оргией революционной пропаганды. На известные меры предосторожности настраивало уже хотя бы то, что в одном раннем стихотворении Перова усматривали скрытый благожелательный намек на восстание 1825 года, — неизвестно, что еще могло раздражить после публичного произнесения таких строк, как «Сибирских пихт угрю-

мый шорох с подземной сносится рудой...».

Вскоре, по свидетельству очевидца, «публика почувствовала, что назревает нечто вроде скандала из Достоевского (речь идет об известном балаганном эпизоде в «Бесах»), нагнетая в зале ощущение неловкости и беспокойства». Дело в том, что старец неторопливо проследовал за семью членами юбилейного Комитета прямо на эстраду и даже попытался вместе с ними сесть за стол. Председатель, главным образом озабоченный, чтобы не случилось потасовки на виду у всего зала, всеми силами постарался заставить его отступить. Прикрываясь вежливой улыбкой для публики, он зашептал патриарху, что выведет его вон, если тот сейчас же не отпустит спинку стула, который Славский, вцепившись в него железной хваткой, с беззаботным видом вырывал из шишковатых рук старика. Тот заявил, что не отпустит, но стул все-таки ускользнул, и он остался без места. Тогда он огляделся и, приметив возле стоявшего за кулисами рояля вертящийся стульчик, успел вытащить его на эстраду как раз за секунду до того, как к нему протянулись руки невидимых залу служителей, пытавшихся этого не допустить. Он уселся на некотором расстоянии от президиума и немедленно стал центром всеобщего внимания.

И тут юбилейный Комитет совершил еще одну непо-

правимую ошибку, перестав его замечать, ибо, повторим, все его члены стремились любой ценой избежать скандала: к тому же между ними и их противником возвышалась по соседству с картиной голубая гортензия в кадке, отчасти скрывавшая его от их взоров. Зато, к несчастью, старец был полностью на виду у публики, которая с интересом наблюдала за тем, как он, спокойно и даже не без удобства расположившись на своем невзрачном троне, заявлявшем о заложенной в нем способности вращаться периодическим поскрипыванием, доставал футляр с очками и по-рыбы дышал на стекла, меж тем как его почтенная голова, поношенный черный костюм и штiblеты с резинками единодушно свидетельствовали о своей принадлежности попавшему в нужду русскому предпринимателю.

Председатель встал за кафедру и начал вступительную речь. По всему залу шло громкое шушуканье, — всем, конечно, хотелось знать, кто это там расселся на сцене. Надвигая очки и упираясь в колени ладонями, старец сперва решительно направил взор на картину, потом повернулся лицом к публике и внимательно пробежал глазами по первому ряду. Ответные взгляды взметнулись от его сияющего черепа к курчавой голове на портрете, ибо за время нескончаемой председательской речи слухи о вторжении успели расплзтись по залу, и кое-кто начинал уже тешить воображение мыслью, что поэт легендарной эпохи, накрепко к ней подшитый всеми учебниками, живой анахронизм, одушевленное ископаемое, выпавшее из сетей рыбака-невежды, новый Рип Ван Винкль — в старческой своей немощи посетил собрание, посвященное славе его юных дней.

— Мыслящая Россия, — сказал председатель, заканчивая речь, — всегда будет помнить имя Перова. Тут же сказал, что страна наша никогда не забудет Пушкина, как не забывают первую любовь. Но про Перова мы можем сказать, что с его именем связаны наши первые опыты свободы. На поверхностный взгляд, эта свобода ограничивается поразительной щедростью перовских образов, близкой сердцу скорее художника, чем гражданина. Но мы, представители более трезвого поколения, способны расшифровать более глубокий, жизненный, общественный и гуманистический смысл в таких строках, как следующие:

Когда в тени кладбищенской стены
снег прячется от солнца
запоздалый,
когда соседский мерин вороной
апрельскою лоснится синевую,
чьим отраженьем в мириадах луж
жонглирует, смеясь, земля-арапка,—
тогда смятенным как не рваться сердцем
ко всем больным, несчастным и слепым,
к согбенным спинам в рабском услужении
у толстобрюхих — к ним, ко всем, чей взор,
заботой затуманен иль пороком,
не замечает ни в снегу проталин,
ни голубых коней, ни луж волшебных.

Ответом ему был взрыв приветственных рукоплесканий, тут же, однако, смолкших и сменившихся разрозненными взрывами смеха из разных углов зала, ибо в то самое время, как председатель, еще не остывший от своей речи, шел обратно к столу президиума, бородатый незнакомец поднялся со своего стульчика и стал отвечать на аплодисменты быстрыми кивками и неловким помахиванием руки — жестами, в которых выражение внешней признательности смешивалось с некоторым нетерпением. Славский с двумя помощниками предприняли отчаянную попытку сгresti его в охапку и уволочь, но тут из пучины зала стали раздаваться крики: «Позор! Позор!» и «Оставьте старика!»

В одном из отчетов я встретился с утверждением, будто в зале у старца были сообщники, но мне кажется, что достаточно было для такого оборота событий той вспышки массового сочувствия, которая в своем рождении столь же порой необъяснима, как и массовая жажда крови. «Старику», хоть ему и пришлось иметь дело с тремя противниками, удалось тем не менее сохранить вполне respectable вид, и когда его недостаточно решительные враги отступили и он снова установил свой вертящийся стульчик, опрокинутый во время схватки, по залу пронесся шепоток удовлетворения. Как это ни прискорбно, атмосфера вечера была, однако, безнадежно испорчена. Более молодые и беспутные зрители начинали уже шумно веселиться. Председатель, повода раздувающимися ноздрями, налил себе стакан воды. Два тайных осведомителя незаметно переглянулись из своих углов.

И если правда, что металл нетленен,
то, стало быть, возможно разыскать
ту пуговку,— ребенком семилетним
я обронил ее, в саду гуляя.
Найдите мне ее, и я познаю,
что есть спасенье для души бессмертной,

— самообладание впервые изменило ему, и он, медленно расправив большой носовой платок, смачно высморкался, произведя звук, на который глаза Ермакова, как алмазы сверкавшие из-под обильно затененных век, скосились, точно у пугливого коня.

Платок был возвращен обратно в глубины сюртука, и только тогда, через несколько секунд после этого, зрители, сидевшие в первом ряду, увидели, что из-под очков у старца струятся слезы. Он даже не пытался их вытереть, хотя раза два его рука с пальцами, растопыренными как клешни, тянулась к очкам, но тут же падала, словно он боялся (это и была кульминация всего отточенного действия), как бы публика не заметила, что он плачет. Раздавшиеся по окончании чтения оглушительные рукоплескания были, разумеется, данью не столько искусству Ермакова, сколько разгранному старцем представлению. И как только они затихли, он поднялся с места и шагнул прямо к краю эстрады.

Комитет не предпринял со своей стороны никаких попыток его остановить, и тому было две причины. Во-первых, председатель, доведенный до отчаяния выходками старца, в этот момент удалился, чтобы сделать некое распоряжение, а во-вторых, кое-кого из устройств начинали уже одолевать самые разнообразные сомнения. В ту минуту, когда старец дошел до кафедры и уперся в нее локтями, в зале воцарилась полная тишина.

— И это и есть слава? — произнес он таким сиплым голосом, что из задних рядов раздались крики — Громче, громче!

— Я сказал: неужели это и есть слава? — повторил он, строго глядя на публику поверх очков. — Десяток двусмысленных виршей, пустые словесные побрякушки, и вот уже имя живет в потомстве, будто человек что-то сделал полезное для общества! Нет, господа, не надо себя обманывать. Наше царство и трон Государя, отца нашего, как стояли, так и стоят в неуязви-

За речью председателя последовал отчет казначея по поводу сумм, полученных от всевозможных учреждений и частных лиц на памятник Перову в одном из пригородных парков. Старец неторопливо достал из кармана огрызок карандаша и, разложив на коленях обрывок бумаги, стал записывать называвшиеся цифры. После этого на сцене ненадолго появилась внучка сестры Перова. Подготовка этого пункта программы связана была для устройств с некоторыми затруднениями, ибо сия молодая дама — толстая, мертвенно-бледная, с выпученными глазами и перекошенным ртом — проходила курс лечения от меланхолии в доме для умалишенных. Она была явлена в своем нежно-розовом платье публике на одно мгновение и тут же спланировала обратно в крепкие руки пышнотелой сиделки, снаряженной клинкой.

Когда Ермаков, который был в те дни любимцем театральной публики, нечто вроде драматического beau ténor*, принялся шоколадно-кремовым голосом декламировать речь князя из «Грузинских ночей», стало ясно, что даже самых преданных его поклонников куда больше, нежели красота исполнения, волнует, как будет реагировать на это старец. При строках:

* душка-тенор (франц.).

мой мощи своей, аки громы заворожены, а заблудший юноша, который полвека назад пописывал бунтарские стишки, теперь послушный закону гражданин, уважаемый своими честными соотечественниками. Но он, позволяйте добавить, стар и нуждается в вашей помощи. Я пал жертвой стихий: земля, которую я пахал в поте лица своего, овечки, мною вскормленные, нивы, наливавшиеся золотом...

В этот самый миг два огромных полицейских быстро и бесшумно устранили старца. Все, что успела заметить публика, — это манишка, отлетевшая в одну сторону, борода — в другую, манжета, болтающаяся на рукаве, — но все та же важность, все тот же гордый блеск в очах.

Сообщая о вечере, ведущие газеты лишь скользко упомянули о «прискорбном происшествии», зато пользующийся самой дурной славой «Санкт-Петербургский Вестник», грязный и реакционный листок, издаваемый братьями Херстовыми на потребу низшим слоям средних классов и деклассированной части трудящегося люда, пребывающей в состоянии блаженной полуграмотности, — разразился вереницей статей, в которых утверждалось, что «прискорбное происшествие» было на самом деле не чем иным, как явлением подлинного Перова.

4

Тем временем старца подобрал богатый и вульгарный в своей эксцентричности купец Громов, чей дом всегда был переполнен монахами-странниками, знахарями-целителями и всевозможными «погромистиками». «Вестник» продолжал печатать взятые у самозванца интервью, в которых тот говорил невообразимые вещи про «лакеев революции», которые его надудли, не только лишив его подлинного лица, но и завладев его деньгами (их он намеревался отсудить у издателей полного собрания сочинений Перова). В довершение всего один спившийся интеллигент из громовских приживал указал обществу на сходство старца с портретом, действительно, увы, разительное. Появилась также весьма подробная и совершенно неправдоподобная версия, согласно которой он разыграл самоубийство, чтобы вести христианскую жизнь на Святой Руси. Кем только он не был: птицецеловом, коробейником, бурлаком на Волге, а под конец купил в дальних краях надел земли. Я сам видел убогую книжонку «Смерть и воскресение Константина Перова», — ее одно время вместе с «Приключениями маркиза де Сада» и «Воспоминаниями амазонки» продавали на улицах гнилые нищие.

Но лучшая моя находка среди архивных бумаг — это засаленное фото бородатого самозванца, который в безлистном парке взгромоздился на мраморный пьедестал неоконченного памятника Перову. Без пальто, но в отороченной мехом шапке и новой паре галош он стоит, развернув плечи и скрестив руки на груди, а внизу толпится стайка его сторонников — их белые личики с пупками глаз пляются в объектив с тем же особым самодовольством, с каким глядят на нас со старых снимков собравшиеся покутить линчеватели.

При подобном разгуле вопиющей реакционности и разнузданного хулиганства (неотделимых в России от официальной линии при любом царе, будь то Алек-

сандр или Иосиф) интеллигенция, конечно, не могла вынести такого несчастья, как превращение чистого, горящего революционными идеями Перова-поэта в вульгарного старика, валяющегося в расписном свинарнике. Самое же трагическое было в том, что тогда как ни Громов, ни братья Херстовы и не думали верить, что куражатся вокруг настоящего Перова, многие образованные и честные люди одержимы были невозможной мыслью, что извергли из своей среды самое Правду и Справедливость. Так, в недавно напечатанном письме Славского Короленко мы читаем: «Невольно содрогаясь, думая, что, быть может, неблагоприятные потомки пренебрегли неслыханным в истории даром судьбы — воскресением великого поэта былых времен, подобным лазареву, — нет, хуже! — заподозрили в дьявольском коварстве человека, единственное преступление которого — несколько секунд безумных речей после полувекowego молчания». Форма путаная, но суть ясна: русскую интеллигенцию гораздо меньше пугала опасность пасть жертвой надувательства, чем допустить роковую несправедливость. Но еще больше ее страшило другое, а именно — лишиться идеала, ибо наш радикал все готов на свете перевернуть, только не такую пустую безделицу, как взлелеянный им идеал, будь он весь замшелый и трижды сомнительный.

Ходят слухи, что на одном закрытом заседании Общества ревнителей русской словесности специалисты-графологи тщательно следили оскорбительные письма, которыми старец забрасывал Общество, с одним очень старым письмом юного поэта. Оно было обнаружено в частном архиве и считалось единственным перовским автографом, — о его существовании никто не знал, кроме ученых, корпевших над его выцветшими чернилами. Итогов этих изысканий не знаем и мы.

Передавали еще, что собрана была крупная сумма денег, с которой направились прямо к старцу, минуя его недостойных сотоварищей. Как видно, ему посулили основательное месячное вознаграждение при условии, что он немедленно вернется к своему хозяйству, чтобы там и пребывать в благоприспособленной тишине и забвении. Очевидно также, что предложение было принято, ибо исчез он столь же внезапно, как возник, а Громов, потеряв своего любимца, утешился, взяв к себе в дом одного подозрительного гипнотизера из французов, который год или два спустя стал пользоваться некоторым успехом при дворе.

Памятник был торжественно открыт по всем правилам и стал пользоваться у местных голубей большой популярностью. Спрос на собрание сочинений тихо угас где-то на середине четвертого переиздания. Наконец, еще через несколько лет старейший (но не обязательно умнейший) житель тех мест, где Перов родился, поведал одной журналистке, что отец его, помнится, ему говаривал, что нашел однажды в речных камышах человеческий остов.

5

И это было бы все, не приди революция, вывернувшая жирные пласты земли вместе с нежными белыми корешками растений и толстыми розовато-лиловыми червячками, которые без того остались бы в ней похо-

ронными навеки. Когда в начале двадцатых годов в темной, голодной, но мрачно оживленной бывшей столице стали прорастать разные странные культурные учреждения (как, например, книжные магазины, где нуждающиеся знаменитые писатели продавали собственные сочинения), кто-то заработал себе двухмесячное пропитание, открыв музейчик Перова, с чем оказалось связано еще одно его воскресение.

Экспонаты? Все те же, кроме одного (письма). Второстепенное прошлое в убогом зале. Овальные глаза и каштановые локоны на бесценном шереметевском портрете (с прорехой в области распахнутого ворота — след чьей-то попытки его обезглавить). Потрепанный экземпляр «Грузинских ночей», якобы принадлежавший Некрасову. Неважная фотография сельской школы, построенной на том месте, где отец поэта владел домом и садом. Старая перчатка, забытая посетителем. Произведения Перова в нескольких изданиях, разложенные так, чтобы занять побольше места.

Но поскольку бедные эти останки никак не хотели вступить в гармонический союз, к ним еще добавили некоторые приметы эпохи — портреты писателей, халат, в который кутался один радикально настроенный критик в своем кабинете рококо, и цепи, которые его опутывали в сибирском срубе, служившем ему тюрьмой. И опять-таки, поскольку даже с ними экспонаты до критической массы не дотягивали, посредине этой унылой комнаты водрузили модель первого в России железнодорожного поезда, который в сороковые годы ходил между Царским Селом и Петербургом.

Служил при музее и наш старец, который, хотя ему теперь перевалило за девяносто, все еще держался довольно прямо и членораздельно изъяснялся. Он считался сторожем, но сопровождал посетителей как хозяин, и было странное чувство, что вот он вас сейчас пригласит в следующую (несуществующую) комнату, где и стол уже накрыт к ужину. На самом же деле все его владение состояло из печки за ширмой да лавки, на которой он спал, но если посетитель хотел купить какую-нибудь из книг, выставленных на продажу при входе, он, как само собой разумеющееся, ставил на ней автограф.

Однажды поутру женщина, которая приносила ему еду, нашла его на лавке мертвым. В музее стали жить три недружественные семьи, и скоро от экспонатов ничего не осталось. И словно огромная чья-то рука поворачивала из книг множество страниц с оглушительным треском, или словно какой-то легкомысленный писатель загалгал джинна вымысла в кувшин правды, или словно...

Но неважно. Так или иначе, в последующие двадцать лет никто уже в России Перова не вспоминал. Молодые советские граждане знают о его стихах не больше, чем о моих. Придет, конечно, пора, когда их снова напечатает и снова ими восхитятся, но нельзя пока что не пожалеть об утраченном. Остается только гадать, как обойдутся будущие историки со странными притязаниями старца. Но это, конечно, вопрос второстепенный.

Бостон, 1944

Публикация и перевод с английского
Михаила Мейлаха.

ТАЙНА СПИРАЛИ

ЦВЕТНОЙ

Александр ДОЛИНИН

«Спираль — одухотворение круга. В ней, разомкнувшись и высвободившись из плоскости, круг перестает быть порочным. ...Цветная спираль в стеклянном шарике — вот модель моей жизни». Так писал Владимир Набоков в автобиографической книге «Другие берега».

Действительно, жизнь Набокова подобна спирали, каждый виток которой окрашен в свой собственный цвет. Судьбе было угодно разделить ее на четыре почти равных по протяженности отрезка, заканчивающихся резкой сменой мест, лиц и положений. Набоков родился в Петербурге 23 апреля 1899 года (как он любил отметить, в один день с Шекспиром и через век после Пушкина) и первые двадцать лет жизни провел в России. Весной 1919 года он вместе с родителями отправляется за границу, живет в Западной Европе где постепенно обретает славу лучшего прозаика русской эмиграции; в мае 1940 года уезжает из охваченной войной Франции в США и там становится знаменитым американским писателем, пишущим по-английски, автором прогремевшей на весь мир «Лолиты»; на-

ко-нец, в мае 1959 года снова возвращается в Европу и поселяется в швейцарском городе Монтре. Только последняя дуга спирали оказалась несколько короче остальных: он умер 5 июля 1977 года, не успев закончить свой девятый по счету роман на английском языке. По одному из тех странных совпадений, которые он так ценил, в конце тридцатых годов его девятый русский роман тоже не был закончен. «В. В. Набоков, писатель», — начертано на его строгом надгробии.

Вспоминая на склоне лет свое детство в России, Набоков всегда называл его «счастливейшим» и «совершеннейшим». Он рос в благополучной аристократической семье; его любили и баловали родители — отец Владимир Дмитриевич, англоман, просвещенный барин, видный юрист, и «нежная и веселая» мать Елена Ивановна, урожденная Рукавишниковна, присоединившая к древнему имени Набоковых изрядное состояние; его воспитанием занимались многочисленные гувернеры и домашние учителя. С первых лет в нем развивали способности — художественные, литера-

турные, научные. Он много читал, рано овладел английским и французским языками, учился рисованию у М. Добужинского, страстно увлекался теннисом и ловлей бабочек. Семейный особняк на Большой Морской улице близ Исаакиевской площади и загородное поместье Выра на реке Оредеж, где семья проводила лето, были его заповедным королевством, «сущим раем осязательных и слуховых откровений», которые потом будут питать его творчество. В предисловии к «Защите Лужина» Набоков признается, что подарил герою романа несколько драгоценных воспоминаний: «мою французскую гувернантку, карманные шахматы, мой кроткий нрав и косточку от персика, который я сорвал в моем обнесенном стеной саду».

Первый выход юного Набокова за пределы комфортабельного домашнего Эдема состоялся в январе 1911 года, когда по настоянию отца его определили в знаменитое Тенишевское училище, отличавшееся либерально-демократическими порядками. По словам самого писателя, здесь отсутствовали классовые и рели-

гиозные различия, «ученики формы не носили, в старших семестрах преподавались такие штуки, как законоведение, и по мере сил поощрялся всякий спорт». Однако болезненно гордый и чувствительный барчук, которого каждый день приводили в школу на роллсройсе, упорно не желал выказывать врожденную «кротость нрава» и приобщаться к тенишевскому братству — он держался особняком, был высокомерен с большинством товарищей и наставников, всячески демонстрируя им свое превосходство, и, естественно, не пользовался у них расположением. Набоков не смог найти общего языка даже со своим учителем литературы, тонким поэтом и критиком В. В. Гиппиусом, о котором так тепло отзывался в «Шуме времени» другой прославленный тенишевец О. Э. Мандельштам. «...я испытывал непреодолимое отвращение ко всяким группировкам, союзам, объединениям, обществам, — объясняет Набоков. — Помню, в какое бешенство приходил темпераментный В. В. Гиппиус, один из столпов училища, довольно необыкновенный рыжеволосый человек с острым плечом (тайный автор замечательных стихов), оттого что я решительно отказывался участвовать в каких-то кружках, где избиралось «правление» и читались исторические рефераты, а впоследствии происходили даже дискуссии на политические темы».

Ему вполне хватало собственного уютного, обнесенного стеной мира, где он мог быть самим собой; по другую же сторону стены он любил щеголять в неоромантической маске одинокого гения. По словам самого Набокова, в детстве он во время прогулок со страстной завистью смотрел на выставленного в витрине игрушечного аэронавта, «ибо в гибельной черной бездне, среди снежинок и звезд, счастливец плыл совершенно отдельно, совершенно один». Именно таким счастливым смельчаком, высоко парящим над пошлой действительностью, Набоков всю жизнь стремился выглядеть и именно такую роль последовательно играл в любой среде, будь то школа, университет, литературные круги русской эмиграции или мировое сообщество ученых-энтомологов. Отсюда и пресловутая набоковская надменность, отмеченная многими мемуаристами, и склонность к эпатажу в публичных высказываниях, где он непременно нападает на какой-нибудь общепризнанный авторитет — от Достоевского до Фрейда, Томаса Манна или Ж. П. Сартра.

С годами маска оригинала плотно приросла к лицу Набокова, поза стала осознанной позицией, но в юности его претензии на исключительность и полную независимость были просто наивной игрой в Байрона или Оскара Уайльда. Должно было пройти немало лет, прежде чем Набоков научился с толком использовать сделанные тогда «запасы и заготовки». Во всяком случае, они еще почти не ощутимы в стихотворениях, составивших поэтический сборник Набокова, который он, еще школьник, издал на собственные средства в 1916 году, получив большое наследство от дяди по материнской линии. Это вполне стандартные, то есть подражательные, лирические излияния юноши, переживающего серьезную влюбленность, и язвительный В. В. Гиппиус имел все основания поиздеваться в классе над незрелыми и претенциозными сочинениями заискусничного ученика.

После окончания училища Набоков собирался отправиться в длительную энтомологическую экспедицию по Сибири, а затем поступить в Кембриджский университет, но революция спутала все его планы и уничтожила «прелестную декорацию». Уже через месяц после Октябрьской революции он оказывается в Крыму. Следующие полтора года Набоков живет как бы по инерции, надеясь на быстрое возвращение в потерянный рай, — ловит бабочек в горах, возобновляет переписку со своей первой возлюбленной, пишет стихи, беседует о литературе с М. Волошиным. Однако спираль неутомимо приближается ко второму витку. Когда в Ялту врываются красные, Владимир Дмитриевич Набоков, министр юстиции в крымском правительстве, увозит семью в эмиграцию.

Потеря родины была для Набокова трагедией. И дело тут, конечно, не в конфискованных миллионах, особняках и землях, не в ожидавшей его долгой полнице. Набоков до конца жизни хранил великопозное презрение истинного аристократа к материальной стороне существования. В России у него осталось нечто более важное, чем состояние: любимые места, милые лица, предметы, краски, звуки, запахи, среди которых он был беззаботно счастлив, и Дом, которого у него никогда уже не будет (в знак верности ему Набоков даже в обеспеченной старости предпочтет гостиничный номер постоянному жилищу). Первые годы за границей он испытывал острейшую, мучительную ностальгию, о чем лучше всего свидетельствуют его стихи этого периода из сборников «Горный путь» и «Гвоздь», вышедших в Берлине в 1923 году. Его не радует даже исполнение давнего желания учиться в Кембриджском университете, куда он был зачислен осенью 1919 года. Здесь он чувствует себя чужим, неприкаянным, даже несчастным; «гладкие лица» англичан вызывают у него лишь отвращение и скуку. «Между ними и нами, русскими, — некая стена стеклянная, — пишет он в раннем эссе «Кембридж», — у них свой мир, круглый и твердый, похожий на тщательно расцвеченный глобус. В их душе нет того вдохновенно-

го вихря, биения, сияния, плясового неистовства, той злобы и нежности, которые заводят нас, Бог знает, в какие небеса и бездны...». Англичанин, жалуются Набоков, не способен «расчувствоваться, оголить грудь, хлопнуть шапку о землю...»: «Говоришь, бывало, с товарищем о том, о сем, о стачках и скачках, да и сболтнешь по простоте душевной, что вот, кажется, всю кровь отдал бы, чтобы снова увидеть какое-нибудь болотце под Петербургом, — но высказывать такие мысли непристойно; он на тебя так взглянет, словно ты в церкви расстилался».

Это противопоставление западной ограниченности и славянской широты души — само по себе весьма традиционное для отечественной культуры — странно услышать из уст человека, который среди соотечественников имел устойчивую репутацию истинного кэмбриджца — холодного, сдержанного стража собственного «круглого и твердого мира», куда не допускаются посторонние, — и неоднократно подчеркивал, что питает глубокое отвращение к российской удали и ее непреходящим атрибутам: «водочке, закусточке, музычке — и задушевным беседам».

Как это ни парадоксально, но именно в кэмбриджский период наибольшей изоляцией от русского языка и русского окружения (прерывавшейся лишь во время визитов Набокова в Берлин, где обосновались его родители) он впервые осознает свою причастность к отечественной литературной традиции. По его словам, в университете он отдавался отнюдь не наукам, а родной литературе: «Из моего английского каминя заплыли на меня те червлёные щиты и синие молнии, которыми началась русская словесность. Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира». Но и западной традиции нашлось место в этом набоковском мире — ею, как он говорит, был заражен самый воздух его тогдашнего быта, и, воспринятая естественно, без натуги, она придает некий универсальный, общеевропейский колорит всему его творчеству. Шекспир и Свифт, Э. По и Китс, Бодлер и Рембо, Флобер и Пруст для него не просто великие иноземцы, а родственники по одной из линий, чьи гены он унаследовал вместе с генами русских классиков.

За несколько месяцев до окончания университета Набоков испытал сильнейшее потрясение: 28 марта 1922 года от пуль черносотенцев погиб его отец, погиб как герой, пытаясь обезоружить двух террористов, стрелявших в лидера кадетской партии П. Н. Милюкова. Это событие, видимо, имело важное значение для духовной и творческой биографии Набокова, хотя внешне ход его жизни не изменился и он даже объявил о своей помолвке (вскоре расторгнутой) на следующий день после убийства. Изменения происходили на глубине, и судить о них мы можем лишь по таким ранним рассказам писателя, как «Ужас» или «Рождество», тема которых — смерть близкого человека и преодоление отчаяния.

Со смертью отца закончилась юность. Отныне Набоков приходится самому зарабатывать себе на жизнь. Поселившись в Берлине, он дает уроки иностранных языков, тенниса, стихосложения, снимается в массовках на киностудиях, активно сотрудничает в либеральной газете «Руль» (ее редактировал сначала В. Д. Набоков, а потом его друг И. В. Гессен). «О «Руле» вспоминаю с большой благодарностью, — пишет Набоков в «Других берегах». — Иосиф Владимирович Гессен был моим первым читателем. Задолго до того, как в его же издательстве стали выходить мои книги, он с отеческим попустительством давал читать «Руль» незрелыми стихами. Синева берлинских сумерек, шатер углового каштана, легкое головокружение, бедность, влюбленность, мандариновый оттенок преждевременной световой рекламы и животная тоска по еще свежей России — все это в ямбическом виде вололось в редакторский кабинет...» Едва ли не единственным своим достижением той поры Набоков считает изобретение русского кроссворда (или «крестословицы», как он его удачно назвал), утверждая, что до того, как ему в голову пришла счастливая мысль составить для «Руля» подобную шараду, ни эмигрантские, ни советские издания кроссвордов не знали.

Набоков здесь чересчур строг к самому себе. В действительности на страницах «Руля» он печатал не только «незрелые стихи» и крестословицы, но и все свои первые опыты в прозе и драме: рассказы, «маленькие трагикомедии» в белых пушкинских ямбах, многие из которых выдерживают сравнение с его более поздними произведениями. Кроме того, в «Руле» он часто выступает как критик, чьи краткие, но весьма меткие и ядовитые суждения о современной словесности обнаруживают в нем яростного ниспровергателя легковесной моды, борца с пошлостью, защитника классического, так сказать, домодернистского вкуса. Постепенно имя Сирина (постоянный набоковский псевдоним с 1920 года) становится известным в русских литературных кругах Берлина.

В двадцатые годы именно Берлин, а не Париж был культурной столицей эмиграции. Здесь выходило несколько крупных газет и журналов, успешно работали издательства, проводились выставки, концерты, литературные вечера; здесь нашли пристанище многие известные русские писатели. Борясь за место под солнцем, начинающие поэты и прозаики, как правило, объединялись в группы и кружки, выпускали коллек-

тивные сборники и манифесты. В этой ситуации Набоков оставался верен себе. Превосходный наблюдатель, он, как это явствует из его романов, повестей и рассказов о берлинской эмиграции, внимательнейшим образом изучал быт и нравы своих разношерстных соплеменников, разделявших его судьбу, но ни с кем не смешивался, ни в чем не растворялся. Единственная форма общности, которую он признавал, — это равноправный диалог неслиянных, уважающих свою самоценность и потому родственных душ, свободный союз, не зависящий «ни от каких дубовых дружб, ослиных симпатий, «веяний века», ни от каких духовных организаций или сообществ поэтов, где дюжина крепко сплоченных бездарностей общими усилиями «горит». За годы эмиграции он, конечно, познакомился с десятком собратьев по перу, но истинно дружескую душевную приязнь, по его признанию, испытал лишь к трем: к романисту Марку Алданову, критику Юлию Айхенвальду и особенно к Владиславу Ходасевичу, с которым он «очень сошелся» уже в тридцатые годы в Париже. Пожалуй, только Ходасевича Набоков признавал равным себе по таланту, уму, пониманию искусства и жизни, только в нем находил достойного партнера по диалогу, и всякий раз, когда он говорит о своем старшем друге, кажется, будто речь идет о его двойнике.

Судьба Ходасевича — писателя, который, «со страшной силой обрушиваясь на продажность, пошлость и подлость, ...нажил себе немало влиятельных врагов», — для Набокова была повторением (и оправданием) его собственной судьбы.

*Золл (пройдоха величавый
корыстью занятой одной)
и литератор площадной
(тревожный арендатор славы)
меня страшит потому,
что зол я, холоден и весел,
что не служу я никому,
что жизнь и честь мою я взвесил
на пушкинских весах и честь
осмеливаюсь предпочесть...*

писал Набоков в 1931 году, когда к оскорбленному самолюбию задетых им литераторов стала примешиваться зависть к его быстро растущей славе романиста. Особенно много крови попортили ему сотрудники журнала «Числа» во главе с Г. Ивановым и Г. Адамовичем, которые автоматически встречали в штыки каждую новую его публикацию. Набоков тоже не оставался в долгу и отвечал разящими контрударами.

Разумеется, в этой борьбе у Набокова были не только враги, но и союзники. По крайней мере до начала тридцатых годов его поддерживали, ему покровительствовали некоторые писатели старшего поколения, и в первую очередь Бунин, который относился к Сирину как к талантливому ученику, отстаивающему непопулярные среди молодежи принципы реализма.

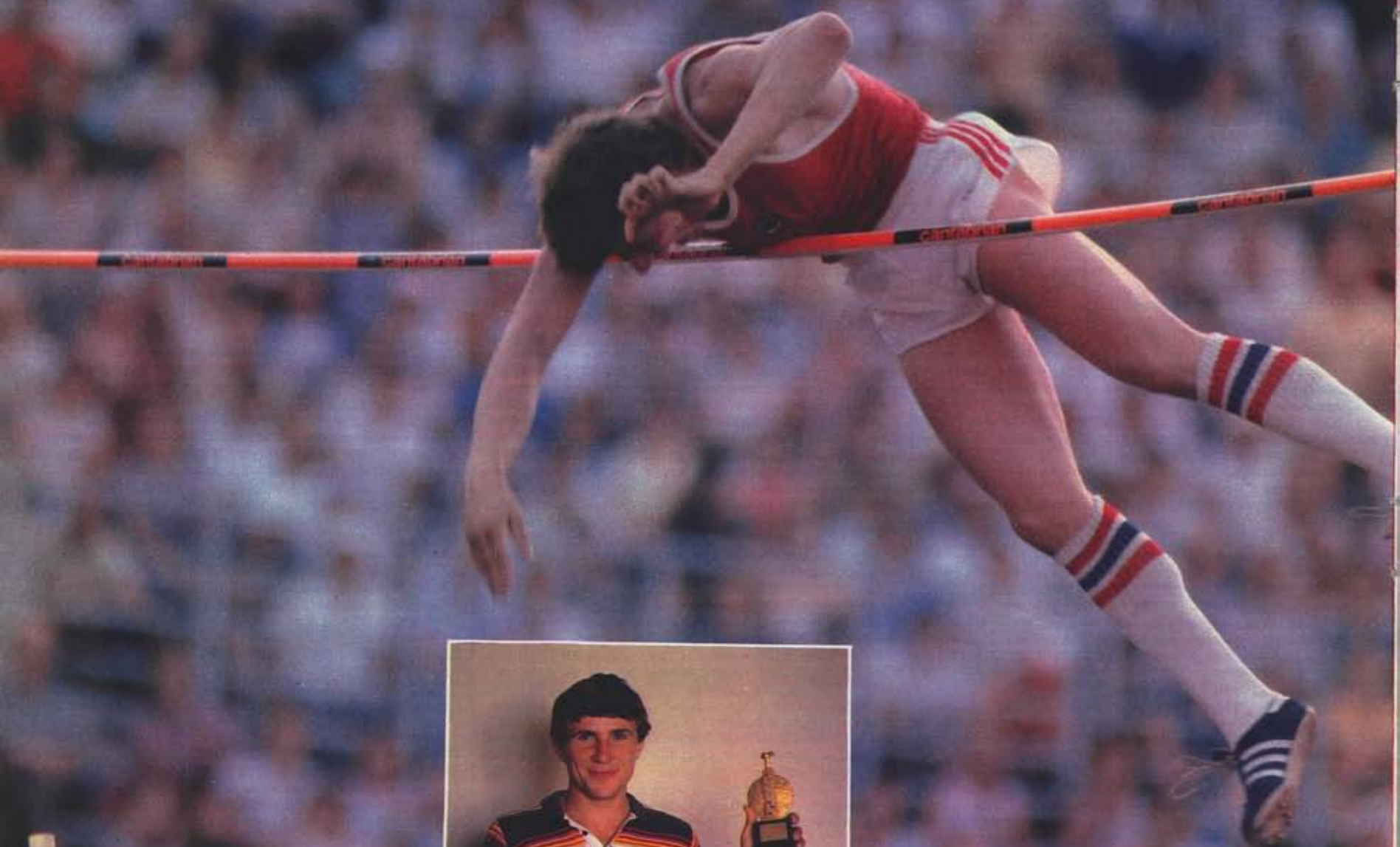
Прямое влияние Бунина весьма ощутимо в ранних рассказах Сирина, где он демонстрирует стремление (и умение) вполне по-бунински «изображать обыкновенные вещи так, как они отразятся в ласковых зеркалах будущих времен». Бунинская проза становится для Набокова той школой, в которой он осваивает искусство зримой, сюжетно не закреплённой детали, ищет внимания к признакам «обыкновенных вещей».

1926 год — год выхода романа «Машенька» и жеманщины Набокова на Вере Евсевне Сломим (которой он посвятит все свои книги) — должен быть отмечен особой зарубкой на цветной спирали. После него события частной жизни писателя: рождение сына, смерть матери, перемены места жительства, работа в американских университетах, — сколь бы важно все это ни было, отступают на второй план, а вперед выдвигаются его романы, созданный в них мир, который и составляет истинное содержание последующих сорока лет в его биографии. «Защита Лужина», «Камера обскура», «Подвиг», «Приглашение на казнь», «Дар» — вот главные точки, через которые набоковская спираль восходит к завершению второго, «русского» витка, к переходу писателя на английский язык.

*Навсегда я готов затаяться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходить,
отказаться от всяческих снов;
обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, — мой язык...*

с горечью и болью заявил Набоков, обращаясь к России, которая тогда, в год заключения пакта между СССР и Германией, как ему казалось, окончательно превратилась в страну «немного рабства» и потому потеряла право иметь литературу даже в изгнании. Однако его решение умертвить русского писателя Сирина, чтобы возродиться в получужом языке, не смогло разорвать кровные связи с родной культурой: вопреки обещанию «не касаться любимейших книг» Набоков много переводил русских классиков, писал о них статьи и эссе, перевел и издал в США «Евгения Онегина» со своим обширнейшим комментарием, читал лекции в университетах и, главное, заставил Америку и Западную Европу принять его новую прозу, в которой важную роль играют русскоязычные аллюзии, цитаты, реминисценции. Пожалуй, никто не сделал так много,

Окончание на 30-й стр.

ВСЕГО ШЕСТЬ СЕКУНД

XXI ОЛИМПИАДА —
ПЕРВАЯ В ЖИЗНИ
СЕРГЕЯ БУВКИ

Александр БОЙКО

Фото
Роберта МАКСИМОВА
и Евгения ВОЛКОВА

Прыгая, Сергей Бубка делает двадцать беговых шагов. Ровно столько, сколько нужно, чтобы набрать скорость, оттолкнуться и перелететь через планку. Разбег длится 4,75 секунды, а отталкивание и полет 1,25—1,30. Всего 6 секунд. На такой разбег он перешел в 1983 году, за две недели до чемпионата мира в Финляндии, до этого его разбег был на два шага короче. Кажется, что такое прибавить всего два шага? Но для Сергея они стали шагами к будущим рекордам.

...12 сентября 1974 года один из учеников тренера Виталия Афанасьевича Петрова привел на занятия своего приятеля. Тренер предложил тому подтянуться (главный тест для всех новичков). Раскачиваясь и тем самым помогая себе, малыш Сергей Бубка подтянулся 15 раз! «Отдохни и подтянись так, как положено», — сказал тренер. «Как положено» новичок подтянулся один раз... Мелочь? Для хорошего тренера — нет. Он понял, паренек может сам выбирать способ добиться лучшего результата. «Молодец», — сказал Петров, — будем работать».

Сейчас в это трудно поверить, но перед первым чемпионатом мира по легкой атлетике в 1983 году, где Бубка выиграл золото, он даже не вошел в сборную страны. Вот тогда-то тренер и прибавил ему в разбеге два шага. Уже тогда Петров видел прыжки будущего.

Если в своих мечтах тренер не видит ничего выше прыжка сегодняшнего, он обречен на неудачи.

У Сергея «прыжки будущего» удавались, правда, пока с резинкой. На тренировках вместо планки натягивали резинку, и он не боялся «сбить рекордную попытку»: смело лез вверх, на высоту, какая еще никому и не снилась.

...Группа мальчиков все так же пришла на тренировки, и самый младший, Сережа, тараторил и смеялся больше всех. Тренер дал ему в руки вместо шеста металлическую планку для прыжков в высоту и сказал: «А ну, кто дальше прыгнет... в длину?» Бубка прыгнул дальше всех.

Высотой 270 Сергей отметил окончание четвертого класса, имея в качестве шеста железную планочку. Под весом маленького Бубки она гнулась, но не ломалась. И тренер уже видел его с настоящим шестом, видел уже прыгающего так высоко, что даже страшно подумать...

Петров и Бубка любят работать, а не имитировать. И работают молча, вдаль от всех, еще и еще раз разбивая прыжок на части: разбег — вход — вис — подтягивание — переход планки — приземление! Они собирали конструкцию прыжка не по принципу «отсекай лишнее», а складывая по кирпичику: снизу — вверх.

...В пятом классе Сергей прыгнул с шестом 320. Прыгнул в длину 6 ме-

тров и выиграл в беге на 60 метров у Брызгина, того самого, который впоследствии стал сильнейшим спринтером страны.

Группа Петрова приехала на базу в Кременное, уложили прыжковые маты на футбольное поле. Петров сказал: «Давай, Сережа, попробуй разбежаться с поля». Бубка разбежался по траве, имея в руках все ту же металлическую планку, и прыгнул 350! С точки зрения специалистов это фантастика: на негнущемся шесте так прыгнуть нельзя. Петров развел руками и сказал вслух: «У меня появился прыгун!»

Тренер все обдумал, все рассчитал, и в один ничем не примечательный день они пришли на стадион. Сергей Бубка выполнил прыжок по новому! Петров, сдерживая эмоции, подошел к своему ученику и взволнованно сказал: «Сережа, это новая эра в прыжках!»

Сергей еще не представлял себе, что это такое, но ему очень хотелось сделать для тренера что-нибудь приятное. И он прыгал, прыгал, прыгал. С лица его не сходила улыбка, но при этом он был очень собран.

Тренер подобрал своему ученику мягкий шест — под его маленький рост. Но Сергей никак не мог уловить преимущество нового шеста и за целый год прибавил только 10 сантиметров.

Мальчик начал разочаровываться и часто вспоминал свою планку, с которой так ладно прыгалось. Тогда Петров сказал: «Давай попробуем наоборот, дадим тебе мягкий шест, но пусть он будет жестче». И через десять дней Сергей прыгнул 440! Он выиграл звание чемпиона Украины среди школьников у ребят, которые были старше его на два года.

Сергей рос. Стал призером соревнований среди взрослых и приблизился к порогу, за которым находилась элита. Его уже называли «неплохим парнишкой». Правда, старший тренер молодежной команды страны Ф. Суслон на просьбу Петрова взять Бубку в команду ответил коротко: «Он же маленький». Увы, есть такие специалисты, одно слово которых может перекрыть дорогу любому таланту. К счастью, Петров всерьез не принял эти слова и продолжал работать с «маленьким» Бубкой.

На соревнованиях в Сочи Сергей уже прыгнул на 510 и разделил первое-второе место. И снова тренер пошел к Суслону и сказал: «Феликс Павлович, Сергей моложе всех, возьмите его в команду, попробуйте». И снова ответ: «Он нам не нужен, пусть остается в резерве. Ты же знаешь, у нас таких ребят много!»

На календаре был июнь 1983 года. В тот обычный день, сделав открытие, Петров не удержался и подошел к неоднократному чемпиону СССР по прыжкам с шестом Петру Ивановичу Денисенко: «А вы знаете, мы с Сережей скоро прыгнем шесть метров». Денисенко ответил украинской поговоркой: «Не кажи гоп, поки не перескочив». Поговорка хорошая, словно придуманная специально для прыгунов с шестом. Теперь на Спартакиаде народов СССР Петров настраивал Бубку на рекорд мира. Он просчитал все высоты и попытки: 540, 560, 570, 582. Было холодно — плюс 5, судьи начали перемерять высоту, двигать стойки, планка падала, а время шло. Не известный никому Сергей Бубка даже на таком холоде «сгорел», закончил Спартакиаду с результатом 540 и занял девятое место.

После соревнований собрали тренеров по прыжкам, и Петров сделал

очередное заявление: «Прошу рассмотреть Бубку кандидатом в сборную команду». Главным тренер сборной И. Тер-Ованесян уточнил: «Это он третье место занял?» Ему ответили: «Какое третье — девятое!» — «Тогда все разговоры отменяются». И все-таки Петрову дали слово еще раз, и недогнущим голосом он произнес: «На сегодняшний день сильнейший прыгун в стране и в мире — Сергей Бубка. Ему еще нужно два старта, и он всем это докажет. Даже если вы его не возьмете на чемпионат мира...» Петров выслушал одобрительный смех коллег и добавил фразу, которая вызвала у собравшихся стон восторга: «С будущего года Бубка вообще будет бить рекорды, как щелкать семечки».

Эти слова хорошо помнят и теперь.

На учебно-тренировочный сбор в Таллине собрались лучшие прыгуны страны, и Петров попросил, чтобы Бубке разрешили туда приехать. Это был последний сбор перед первым чемпионатом мира. Могу представить, как тренер Петров смотрел жалобными глазами на главного тренера и упрашивал, чтобы Бубку взяли на сбор. Просто так, но пусть он прыгнет. Именно там, пребывая в состоянии, когда теряя нечего, Бубка прошел высоты: 530, 550, 560, 572, 582... Новый рекорд мира он не установил, но уже в воздухе, падая на маты, догадывался, что на чемпионат мира попадет.

В Ленинграде перед самым отъездом Бубка прыгнул с запасом, но высоту 570 не взял. Победитель соревнований Константин Волков в интервью сказал: «На сегодняшний день я — лучший». И на чемпионате мира в Финляндии, не сомневаясь в своих силах, он предложил Бубке: «Давай пропустим высоту 565 и будем прыгать 570». Бубка ответил: «Давай!» Волков с первой попытки эту высоту не взял, а Бубка взял и стал первым чемпионом мира в прыжках с шестом.

После того чемпионата Сергей стал искать любую возможность установить рекорд.

Далеко от Донецка, в Ницце, проводился очередной этап соревнований Гран-при — самых престижных состязаний Международной федерации легкой атлетики. Настрой Петрова и Бубки все тот же — рекорд мира!

И вот настала пора Сергею уезжать во Францию. Они еще раз прошлись по плану, все расписано с аптекарской точностью, осталось ждать случая. Случай в спорте — это чудо. На него сылаются и триумфаторы, и неудачники. Случай ожидал Сергея на пересадке, которую он делал в Париже. Еще в Москве его предупредили: время между двумя рейсами он должен использовать для участия в соревнованиях. Сергей перезвонил Петрову — что делать, наш план ломается? Действительно, что делать, если вся подготовка рассчитана только на участие в Гран-при? Петров рассмеялся: «Как что делать, добавить к нашим планам новый рекорд».

В Париже, не побывав в гостинице, не стравив дорожной пыли, он уехал на стадион и еле-еле успел к началу. Опять что-то не клеилось на разминке, что-то не получалось в разбеге, но донецкая пружина потихоньку начинала освобождаться...

В 16.44 по средневропейскому времени, как сообщили в Париже, «советский прыгун Сергей Бубка первым в мире прыгнул шесть метров». Победы, рекорды, поражения...

«Кажется, на шесть метров улетаю, а прибавляю по сантиметру, нелогично, да? — Сергей улыбается. — Но каждый сантиметр — это год тяжелой работы...»

При всей его уникальности Бубку еще никто не назвал непобедимым. Да, у нас были те, кого называли так, а вот Бубка, случается, и проигрывает — обычно на соревнованиях, где получает право на эксперимент. На таких соревнованиях Сергей начинает с непривычной высоты. Он ищет. Это не так просто — выбрасывать тело на высоту шесть метров. И чем меньше попыток истрачено на предыдущие высоты, тем больше сил остается на высоты главные.

23 июня прошлого года на Мемориале Рошицкого в Праге, трудном соревновании, прошедшем под проливным дождем, пять раз спортсмены уходили в помещение и возвращались. Бубка сосредоточенно выполнял свой план, набирая высоту, а соревнования уже длились семь часов. Планка на высоте нового рекорда мира — 603. Со стадиона давно уехали спортсмены и зрители. Режиссер чехословацкого телевидения отпустил своих операторов. К счастью, прыжок Бубки снял кто-то из кинолюбителей. Был десятый час вечера. Первая попытка неудачна. Вторая — тоже. На часах 21.37. В этот миг Сергей Бубка установил свой новый рекорд.

30 августа Петров и Бубка позже всех уехали на второй чемпионат мира-87 по легкой атлетике в Рим. Накануне у Сергея была температура 38,5. Обычно приветливый и радушный, Виталий Афанасьевич был озабочен. В газетах, как бы оправдываясь, возмужавший неуспех, поторопились сказать о болезни Бубки...

По давней традиции Сергей не бывает на стадионе, не смотрит телевизор в отеле, пока не прыгнет сам. К нему в гостиницу пришел журналист с просьбой от корреспондента Центрального телевидения в Италии Ю. Выборнова... подарить фотографию с автографом. Оказалось, Выборнов побывал в Милане у лучшего футболиста мира Диего Марадоны и попросил дать интервью для «Футбольного обозрения». Марадона согласился, но сказал: «У меня есть условие. Я вам дам интервью, если в обмен вы привезете мне фотографию моего любимого спортсмена Сергея Бубки с его автографом...»

В Риме все было, как и спланировал Петров. Чтобы стать чемпионом мира, Бубке понадобилось прыгнуть два раза.

На каждую высоту спортсмену положено три попытки. Чем раньше начнешь, тем больше сил затратишь. Мудрость тренера Петрова вывела Бубку на уровень высочайшего мастерства, достигаемого при минимуме попыток. Ему нужны силы для каждой высоты там, высоко-высоко, где он остается один.

Прошла зима. В июне 1988 года в Братиславе он взял 605. А в июле в Ницце на соревнованиях Гран-при — 606.

— Два мировых рекорда за месяц говорят о стабильности, но я уже опытен, чтобы не переоценивать себя и недооценивать соперников, — сказал он после соревнований. — В Ницце я три раза прыгнул на 610, но планку не покорил. И тогда я спросил себя: а нужно ли мне в июле прыгать сразу на 610, если Олимпиада будет лишь в сентябре? Запас сил ведь не беспредельный...

Тренер научил его не торопиться, выверять все до конца. Рекорды — дело несуетливое.

Мы получаем много писем от родителей, в которых затрагиваются проблемы воспитания; приходят письма и от подростков, которые не могут найти общего языка со своими родителями. Ответить на вопросы читателей, поразмышлять об истоках конфликтов отцов и детей мы попросили кандидата философских наук, психолога Марину АРУТЮНЯН.

— Марина Юриковна, давайте начнем с типичной ситуации: все было хорошо, и вдруг в 15 лет у подростка и его родителей появляются серьезные проблемы, конфликты.

— Ну, вдруг ничего не бывает. Если бы мы могли посмотреть на эту семью десятилетиями раньше, то увидели бы, что конфликт уже тогда был «запрограммирован». Вот ко мне в консультацию по проблемам брака и семьи пришло письмо Моссовета приходит мама с пятилетним малышом — и уже видно, что лет через восемь у них возникнут серьезные проблемы. Почему? Дело в том, что маленькие дети не представляют себя без родителей, очень страдают, когда родители уходят на работу, очень плохо переносят детский сад, особенно в первое время. Потом, где-то к семи годам, формируется переход к автономии, возникает так называемая дистанция «я — родители». У детских психиатров есть даже термин «реакция группирования со сверстниками». И это совершенно нормально, более того, если этого не происходит, можно говорить о патологическом развитии.

Причем сателитники могут оказывать на подростка и большее влияние, чем родители. Он поступит скорее так, как принято среди его сверстников, чем так, как его родители. А взрослые часто не хотят понять, что это совершенно нормально, от этого непонимания нередко и происходит конфликт. То есть часто родители судят «со своей колокольни». «И зачем ты ходишь с этим длинноволосым?» «Девочка, а уже красится. А вот в наше время!» Родители создают некий фильтр, сквозь который они должны пропустить всех друзей сына или дочери.

Жесткий контроль над эмоциональной жизнью ребенка вводится обычно не в подростковом возрасте, а раньше: первокласснику нечего дружить с Петькой — он «хулиган», надо дружить с Машей — она отличница и сидит за первой партой. В такой семье со временем возникнет конфликт или же вырастет безвольный, неспособный на самостоятельное решение ребенок.

И если семилетний уступает, то в 13 он будет протестовать, а в 17 пойдет на «развод» с родителями. Все это происходит медленно, незаметно. До определенного возраста ребенок не сопротивляется, он слишком зависим от родителей, потом сопротивляется слабо... А родителям кажется, что все в порядке, потому что внешних проявлений протеста нет.

Когда мама хвалит маленького сына, она говорит: «Хороший мальчик, послушный, исполнительный, что ни попроси — делает». И в школе послушание — главный, если не единственный критерий оценки для учителей. Но подростковый возраст такой, что послушание родителям становится скорее патологией, чем нормой.

— То есть послушание в данном случае есть подчинение чужой воле, которое не дает возможности для становления личности, собственного мышления, сознания?

— Именно так. Вот мама говорит: «Мы жили душа в душу». А ведь это заблуждение. Ее не интересовало, что в душе ее ребенка. А когда не стало послушания, ей показалось, что утерян контакт. Контакт и не было, вернее, он был односторонним — ребенок подчинялся. Ему настолько важно было сохранить хорошие отношения со взрос-

лыми, что он жертвовал собой, своими желаниями, потребностями.

Иногда в консультации, когда папа жалуется на своих маленьких детей, я прошу его сесть на корточки. Я стою, а он сидит на корточках. Спрашиваю: «Что вы чувствуете?» «Мне страшно», — отвечает. А ведь такого роста его дети.

Для маленького ребенка родители — это верховная власть, абсолютное знание, они знают все его детские хитрости. Ведь хитрости малыша шиты белыми нитками...

Но постепенно, когда ребенок вырастает, он начинает понимать, что его родители не боги, а люди. Остается недоумение, недовольство: как, вы чего-то не умеете? Вы устаете? Требуется сочувствия? Если же ребенка с детства приучали к мысли, что родитель тоже человек, со своими слабостями, недостатками, и даже от тебя, маленького, он ждет заботы, прощения, милосердия, — тогда возникают нормальные, добрые, прочные отношения. Человека с человеком — маленького и неопытного со взрослым и опытным.

И когда мы говорим: «встать на корточки перед ребенком» — это значит стать с ним одного роста — относиться серьезно, уважительно к его личности.

Это — важнейшее требование. И уважение к личности маленького человека — вовсе не унижение для взрослого. Однако это не значит, что родители должны перед ребенком заискивать. У нас, бывает, впадают в другую крайность: появляется сентиментальный, заискивающий тон, умиление.

Трудно эти две крайности сбалансировать. Допустим, ребенок растет без отца. Бесчисленные бабушки, тетушки, дедушки, родственники, знакомые родителей — все жалеют, балуют его. И он сам прекрасно понимает особенности своего положения. Я знаю одного подростка, который, когда его штрафуют в автобусе, три рубля «компенсация» берет с мамы и столько же с папы, который с ними не живет.

— Но существует ли «золотая середина»: не слишком баловать детей, но и не подавлять? Я вспоминаю слова Виктора Розова: ни в одной другой стране так не балуют и так не дергают детей, как у нас.

— В Японии, например, ребенку до пяти лет разрешают делать чуть ли не все — он может пролезть по коленкам в кино, театре, испачкать стекло в машине мороженым — ему не скажут ни слова. Но когда редко родитель говорит: «Нет», то это исполняется беспрекословно. Соблюдается принцип. Минимум запретов, максимум разрешений. И запреты должны быть мотивированными, разумными и исполняться неукоснительно.

— Итак, наиболее типичны ситуации, когда конфликт «запрограммирован». Воспитание по типу «кумира семьи», болжа, при полной свободе и отсутствии ответственности. А со временем подросток предъявляет родителям требования — купите мотоцикл, магнитофон, модные «шмотки», но эти желания они уже не могут выполнить... Воспитание «удобного», послушного ребенка, которого, подобно заводной машинке, наигравшись, можно в любую минуту «выключить», «убрать в стол», забыть о нем.

— Есть семьи (в последнее время их,

увы, становится больше), где обременителен даже «удобный» ребенок. Детей отдают на пятидневку, в интернаты, видят только по выходным, да и то мельком. На все лето отправляют в лагерь, к родственникам. Потом вдруг спохватываются: «Ах, это не мой ребенок! Чужой». И давай его быстро воспитывать. А он к шестнадцати годам уже сформировался. Плох или хорош, но он уже есть. Давно заметили, что ядро личности закладывается до пяти, а по некоторым теориям до трех лет. Конечно, потом она деформируется, но основа уже есть. И здесь, конечно, не обходится без конфликтов: ведь перед родителями не их, «чужой» ребенок.

Точно так же желание любой ценой сделать ребенка лишь «удобным», послушным в конце концов оборачивается тем, что он становится неудобным, непослушным, неуправляемым, чужим.

Так родители и дети могут стать «соседями», сосуществовая по принципу «худой мир лучше доброй ссоры»: я тебя не трогаю, ты — меня. Могут стать просто врагами... Ведь чем больше родители стремятся управлять этим «чужим» ребенком, тем больше шансов, что они станут врагами, даже «соседями» не останутся. Происходит выхолащивание родственных, эмоциональных связей. Иногда дело доходит до судов, скандалов, драк. Папаша, который вдруг решил вмешаться в воспитание сына и в 12 лет начинает его пороть, в 16 лет получает сдачи.

В другом случае конфликт возникает, когда доселе послушный ребенок «вдруг» перестает слушаться, осознает свои потребности, начинается группирование со сверстниками; им труднее управлять. Родители судорожно пытаются всунуть его обратно в «короткие штанишки», из которых он давно вырос. Начинаются конфликты, порой страшные. Вплоть до ухода из дома, до воровства. (Кстати, аскетичность, скупость в материальном смысле, особенно на фоне благополучия, может привести к тому, что ребенок начинает «потаскивать».)

Есть и еще одна серьезная проблема. Сейчас родители, особенно отцы, часто «выключены» из воспитания. Куда больше времени дети проводят с бабушкой, в школе, на улице. Испугавшись чего-то ночью, маленький ребенок бежит не к маме (!) — ее он не видит, а к бабушке. Сейчас даже бабушки, которым под шестьдесят, еще работают, отказываясь сидеть с детьми («Вы их рожали — вы и воспитывайте»). Тогда детей «поднимают» прабабушки, которым под семьдесят, а то и больше. Совершенно разный ритм, интересы. У бабушки большие ноги, ей хочется посидеть, внуку — побегать. «Бабушкино» воспитание часто не нравится родителям, но они смиряются с этим из-за безвыходности положения. Почему я говорю в основном об отцах? Мама растила ребенка, она — «эмоциональный центр» семьи. А папы часто придерживаются такой точки зрения: дело отца — какой-то общий «высший» контроль над воспитанием. Вот будет ему лет шесть — восемь — буду с ним играть в футбол, а в двенадцать объясню ему физику. Но вот исполняется шесть лет, а сын с папой не хочет играть в футбол — хочет с мальчишками или даже с мамой (кстати, не такой уж редкий случай). А в двенадцать не хочет слушать объяснения физики. Поэтому что, не зная своего ребенка, папа

так объясняет, что сын ничего не воспринимает. Вот так создается почва для отцовско-детских конфликтов, которые чаще, чем материнско-детские. Дочерям отцы имеют склонность многое прощать («Девочка, что с нее взять»). Другое дело — мальчик. Когда возникают проблемы, муж набрасывается на жену: «Это твое, женское воспитание!» Но почему же оно стало женским, где ты-то был? Почему женское воспитание при живом отце? Не потому ли, что он самоустранился?

Причем «женское» воспитание — проблема не только семьи. В школе почти все педагоги — женщины, в детском саду — сто процентов. Закрепляются и там, и там часто женщины жесткие, максимально эмансипированные — этого, вероятно, требует профессия, огромные нагрузки. Однако во все времена лучшими педагогами были мужчины — от Песталоцци до Макаренки и Сухомлинского. И когда в Чехословакии, например, создали детские дома «семейного типа» — в каждой группе было два воспитателя: мужчина и женщина, — интеллектуальное, физическое, психическое развитие шло поразительно успешно, дети-сироты с тяжелейшим прошлым стали дружелюбны, доброжелательны.

— Но нередко папы — инженеры, ученые — действительно очень сильно заняты...

— Да, папы и мамы очень заняты. Но если есть потребность в общении с ребенком — выкраивают время. Хотя бы полчаса перед сном. И эти полчаса можно сделать счастливыми. Есть и выходные. И ребенок будет ждать этих встреч, потому что знает: ему будет хорошо. И эти полчаса могут стать минутами откровения, когда подросток делится тем, что у него наболело. Но если раз, два, три постоянно он видит равнодушие, раздражение, то он замыкается. Причем если маленький ребенок так зависим от родителей, что готов на любые унижения, снова и снова повторяет свои попытки, то подросток находит иные объекты общения или «уходит в себя», оглушает рок-музыкой, которая отгоняет тревожные мысли. Мой четырехлетний сын все время слушал проигрыватель, делая звук как можно громче. Я убавляла звук, он прибавлял. «Почему?» — спрашиваю его. «Ты знаешь, когда я его слушаю, в голову не лезут всякие плохие мысли». У него как раз был период страхов: страх темноты, страх смерти...

Примерно то же самое происходит и у подростков. Конечно, в увлечении музыкой есть и другое: мода, группирование со «своей» командой, но есть и «выбывание» тяжелых, ненужных мыслей, страхов. Оглушение не нужно, когда эти мысли есть на кого «выплеснуть», есть с кем поделиться... Что я сделала с сыном? Я создала такую обстановку, когда он подробно рассказывал мне о своих страхах. Рисовал. Выплескивал их. Я давала ему «заклинания», и скоро ему не понадобилась никакая оглушительная музыка.

У подростков очень много страшных мыслей. Это тот возраст, когда снова и снова возвращаются детские страхи, только уже в гораздо более острой и осознанной форме: понимание конечности жизни, вечные вопросы типа «зачем я живу?», что есть «я», кому я нужен, придет ли ко мне любовь, что из

НА КОНФЛИКТА

— Вернемся к психологическим особенностям возраста. Пожалуй, особенно нетерпимы подростки к морализаторству, нотациям, которыми взрослые — чем старше, тем больше — усиленно их наштагивывают.

— Далеко не всегда родители, взрослые живут по тем принципам, которые сами провозглашают. А дети пре-

нет, то ничего не останется. Поэтому им так приятно видеть на лицах взрослых обескураженность: «спартаковцам» приятно чувствовать, что их боятся, когда они вваливаются в вагон электрички. Они тешат какие-то свои животные инстинкты.

Кстати, групповое изнасилование у подростков часто преследует не фи-

мне на консультацию подростка-металлиста. Прекрасный парень, отлично понимает ситуацию в семье. Говорит: «Я понял, что с родителями не договорюсь. У них свои правила, но я не хочу по ним жить: у меня есть свои. Я не сделаю ничего дурного, они зря волнуются. Они думают, что если я «играю» не по их правилам, то меня ждет колония...»

И я совершенно спокойна за этого мальчика. С ним все в порядке. «Не в порядке» родители. Они страшно пугаются перчаток с заклепками. «Но, — говорит он мне, — посмотрите, они мягкие». Я спрашиваю: тебе приходилось драться? «Да, — отвечает, — недавно встретились с люберами, у нас девчонки были, дни и девчонки бьют, подрались. Но чтобы я ни с того ни с сего ударил человека! Я вообще по лицу бить не могу».

Он способен на эмоциональную привязанность, поразительную терпимость. «Я их люблю, родителей, — говорит. — Ну бог с ними, я буду делать, что они хотят». У него в 15 лет отеческое отношение к родителям. Он «взрослее» собственных родителей. У него выше «уровень терпимости».

Я вообще считаю, что это один из самых главных показателей развития личности. Чем человек более терпим, тем он духовно выше.

— То есть терпимость — это своего рода примитивность?

— Конечно. Это неспособность понять, допустить, что тот, кто не похож на тебя, может быть хорош (то, что ты хорош — в этом сомнения нет). Это показатель низкого развития духовности, интеллекта и духовной жизни вообще.

— А как вы считаете: можно ли сохранить стабильные, хорошие отношения с детьми на протяжении всего подросткового возраста?

— Думаю, это невозможно. Конфликты обязательно будут. Это «заложено в программу». Не может быть таких людей, в какой бы степени родства они ни находились, которые бы никогда не ссорились.

Есть такой термин «внутренний конфликт». И если уж человек «ссорится», конфликтует с самим собой, то как он может избежать столкновения с теми, кто от него принципиально отличается?

— Ну, а что можно посоветовать родителям и подросткам, если конфликтная ситуация все же возникла?

— Вопрос очень сложный. И те, и другие должны более чутко прислушиваться друг к другу. У подростков огромная потребность высказаться, «выплеснуть» свои чувства, проблемы. Одна семнадцатилетняя девочка у меня на глазах в консультации встала вдруг на колени перед родителями и закричала: «Да выслушайте же вы меня!..»

Очень важна взаимная терпимость. Уступать должен сильнейший. В отношениях родителей с маленькими детьми — это родители, в отношениях с подростками силы примерно равны, сильнее могут быть и те, и другие; в отношении «взрослая дочь — престарелая мать» сильнее дочь...

И, конечно, нужно уметь адекватно реагировать на ситуацию. Допустим, дела идут плохо. Один будет лить слезы. Другой «обидится» на жизнь и замкнется. Третий обозлится и будет винить окружающих. И только четвертый станет думать, что предпринять, и со временем, по мысли одного видного ученого, все они соберутся вместе, но только четвертый будет психотерапевтом, а остальные — его клиентами... Мне кажется, в этой шутке есть немало здравого смысла.

меня получится? Появляется растерянность перед жизнью.

— Или комплекс: я некрасива...

— Ой, как это важно! «Я маленького роста» — для мальчика. «Я слишком толстая» — для девочки. «Я плохо одет». Все, что кажется пустым, вздорным для взрослых, приобретает колоссальное значение для подростков. И беда, если ему некому об этом рассказать, найти понимание. Рассказать, поделиться со сверстниками — этого часто бывает недостаточно. Потому что нужен человек более опытный, знающий (например, старший брат или друг, который старше лет на десять). Тот, для кого все это пройденный этап.

И, по-моему, «громкое общение» — мы идем, нас много, кричим, громкая музыка, броская, вызывающая одежда — это во многом стремление сгладить чувство дискомфорта, просто страха, страха перед жизнью.

— Но почему эти проблемы в подростковом возрасте стоят особенно остро? Почему его называют «трудным», переходным?

— Происходят очень серьезные гормональные сдвиги. И они рождают весьма сильное чувство внутреннего напряжения, дискомфорта. Когда я хочу объяснить родителям, что чувствует их ребенок-подросток, то говорю маме: вы помните свое состояние во время беременности? Помните, что вы чувствовали? «Да, — говорит она, — меня все время точило что-то, мучило».

А у подростков происходят резкие скачкообразные изменения физиологии. Они чувствуют поднимающуюся изнутри волну. Волна эта может быть и просто половым возбуждением, с которым они не справляются, у них еще нет объекта любви. И они чувствуют мучительный стыд. Стыдно, страшно, гадко, чувствуешь себя плохим, виноватым. Им говорят: дурной характер. Да, может, и дурной характер. Но может быть и другое. То, что взрослые очень часто недооценивают степень физиологического дискомфорта в этом возрасте. Плаксивость, раздражительность беременных легко прощается. То, что не было бы прощено в обычном состоянии. Беременная женщина в своей апатии может просто лежать, плакать, кричать. Говорят: ну что с нее взять? То же происходит и с подростком. Но это часто вызывает безумное озлобление у окружающих взрослых, будь то родители или учителя.

— Часто можно услышать фразу типа: «Чего им не хватает? С жиру бесятся!»

— А они и сами не понимают, что с ними происходит. То вялость, слабость, то раздражительность... У нас на эту тему почему-то табу. Но ведь это существует, будем мы об этом говорить или нет... Больше мы говорим о душе. Однако, кроме души, есть еще и физиологические возрастные особенности. Не будем забывать, что человек — все-таки существо биологическое...

красно все понимают. «Господи, она у меня такая ленивая», — жалуется мама на дочь. Я спрашиваю: когда утром вы торопитесь, всегда ли убираете вещи в шкаф и моете посуду? Ответ: «Но я же спешу на работу!» Или папа жучит сына: «Неряха, бездельник, никогда не поможешь маме по дому!» — а сам за всю жизнь ни разу ведра не вынес.

Есть родители, которые внушают то, что делают сами. Они очень правильные, добродетельные. Но и тут получается «сбой», если в доме скучно, тоскливо, хотя и тапочки стоят там, где положено («Каждая вещь должна знать свое место»), и все лежит в футляриках, на полочках. И вечное: «Ты не туда положишь... Ты не то читаешь. Надо это».

Ребенок думает: я так не хочу, мне скучно, неинтересно. Дети не хотят повторять жизнь своих родителей. Мы спрашивали у подростков: хотели бы вы походить на ваших родителей? Примерно каждый пятый ответил: категорически нет. И это не в особенно конфликтных семьях, скорее в тех, где жить просто скучно.

У себя в консультации я попросила подростков определить, в какой цвет «превратились» бы их папы и мамы. Одни выбрали черный, другие синий. Третьи — серый. Это — ничто, пустота, скука. А они не хотят быть серыми. Как угодно, но только «раскрасить» свою жизнь. Это могут быть и компании с отклоняющимся от общепринятого типом поведения, которые ломают скамейки и бьют стекла. Хулиганство — как форма протеста. «Раскрашивают» жизнь и наркотиками, и алкоголем...

— Видимо, это происходит потому, что личность, собственное «я» еще не сформировано. Девиз: «Лишь бы не было скучно. Живем один раз. Бери от жизни все, пока ты молод, и никаких проблем!» — пока, может быть, единственный.

— Да, мы нередко наблюдаем в подростках «ноль самосознания». Они вообще часто не понимают, кто они такие, что им от этого мира нужно. «Ну, что ты барахло на себя напялил, цепь, перчатки, бляхи? И ты уже счастлив, и больше ничего не нужно?»

Границы «я» не сформированы, размыты. Я могу еще не знать, где границы моего «я», но уже нужно знать, где не «я».

В фильме «Легко ли быть молодым?» есть герои с высоким уровнем самосознания, хотя они кого-то могут и раздражать. И они резко выделяются из общей массы. И наверняка с возрастом они снимут свои бляхи и станут талантливыми инженерами, скульпторами, режиссерами.

— То есть все аксессуары металлических или панков со временем, отработав, отпадут за ненадобностью?

— Не у всех. Есть и такие, для кого символика — это все. Если она исчез-

ает, то ничего не останется. Поэтому им так приятно видеть на лицах взрослых обескураженность: «спартаковцам» приятно чувствовать, что их боятся, когда они вваливаются в вагон электрички. Они тешат какие-то свои животные инстинкты.

Кстати, групповое изнасилование у подростков часто преследует не физиологические задачи, они стремятся покуражиться, максимально унижить человеческое достоинство.

В фильме Подникса есть тема потери друзей. Герой проходит, пытаясь растормошить их, но тщетно. Это прощание. Им в разные, противоположные стороны. У него есть свое «я», он боится его потерять. И он не будет ни колотиться, ни заниматься групповым хулиганством.

Один американский психолог провел исследование среди подростков с отклоняющимся типом поведения, в основном пуэрториканцев. Там, где был высок уровень самосознания, отклонения в поведении минимальные; там, где оно низко, отклонения максимальные. И когда этот уровень удалось поднять, то у этих жутких, отпетых подростков проблем с полицией не стало.

Но это «я», самосознание, появляется не вдруг. Чем вообще зрелый подросток отличается от незрелого? Не тем, что он обо всем судит и делает, как взрослый (это патология), а тем, что у него есть навыки, инструмент исследования себя.

— Но до 17 лет полностью, да и потом в значительной степени сын (дочь) живут на содержании у родителей. И считать себя «независимым», «самостоятельным» можно сколько угодно, но это плохая мина при плохой игре: дети-иждивенцы. И эта максимальная зависимость часто порождает конфликты с родителями: «Я тебя кормлю, одеваю, а ты...». Со своей стороны подросток не хочет и не может притворяться, идти против своего «я».

— Конфликты, проблемы в общении с родителями бывают самыми разными. Допустим, родителям не нравится музыка, которую слушают их дети, друзья, с которыми они водятся. В этом нет ничего страшного, если между ними в принципе хорошие отношения. Это чисто поколенческие проблемы. Просто родители боятся, что ребенок их разлюбил, что кого-то он любит больше, чем их. Им нужно дать понять, что это не так. Наступил такой момент. И родители должны смириться с тем, что им придется делить «своего» ребенка с кем-то еще. Любящие родители готовы это принять, они просто не осознают своего эгоизма. Когда им указываешь на логические противоречия их позиции, они готовы на компромисс, особенно если ребенок подкрепляет это своим желанием понять их.

Но бывают и очень сложные ситуации. Однажды в консультацию пришла женщина и сказала: «У меня страшное несчастье. Я хочу покончить с собой. Мой сын вырос. В 18 лет он впервые справил Новый год не дома... Мать ему уже не нужна». С такими мамами в таком возрасте сделать уже ничего нельзя. Потому что для них «отпустить» ребенка — часто единственного — это катастрофа.

Вот интересный пример. Приводят ко

За творчеством Ильи Глазунова слежу давно. Начиная от ярко, необычно. О нем спорили. Его картины, как говорится, были на «границе», но чувство меры он знал. В искусстве это все. Казалось, он вырастет в большого и интересного мастера.

Последняя его работа «Сто веков» страшно разочаровала меня, как, впрочем, и предыдущая «XX век». Их интересно разглядывать, обсуждать: «Ах как смело — Троцкий держит корону над Сталиным!» Можно находить другие подобные анекдоты. А в самом исполнении нет высокого мастерства. Честно говоря, это ведь не живопись, а графика, сделанная в размер картины.

Чтобы стало понятнее, что имею в виду, приведу пример. Все знают, что такое рождественская новогодняя открытка, — очень красивенькая (есть у художников такой термин) картинка. Заметьте, не картина, а картинка. Так вот, если увеличить подобную открытку до огромных размеров, то зритель «ахнет».

Посмотрите, как у Глазунова написано небо, Кремль или обнаженная фигура. Именно в традициях «общедоступной» открытки. Глазунов радуется своему успеху у широкой публики. А публика просто неспособна отличить искусство от подделки. Жаль, что сегодня Глазунов потерял чувство меры, то самое «чуть-чуть», ту грань, которая отделяет искусство от пошлости.

Александр ВОЛОВИК, реставратор

На выставках художника Ильи Глазунова всегда интересно. Его картины понятны и доступны, приносят радость. Вот рядом расположилась выставка «Лабиринт». Сколько там «заумных» картин. Просто чувствуешь себя дураком. Есть картины — прямо-таки мазня, не побоюсь этого слова. А художники восхищаются. Почему? Почему такой снобизм, такое высокомерное, я бы сказал, отношение к зрителю? Мол, мы, художники, лучше знаем, что искусство, а что нет. А вы, зрители, должны принимать все на веру. А я счи-

таю: если подобные художники работают для себя, не для народа, тогда надо выставляться у себя дома.

Часто говорят, у Глазунова лица на портретах нарисованы с одинаково преувеличенно-большими глазами, что глаза вроде бы одного разреза. А знают ли эти люди, что, например, у некоторых мастеров итальянского Ренессанса на картинах встречаются лица не только с одинаковыми глазами, но и одинаковыми носами? А наше русское искусство? Наши иконы возьмите. В лицах и Христа, и Марии, и апостолов разные художники изображали глаза одинакового разреза. Да хоть Феофана Грека вспомните! Искусство же не в том, у кого какие глаза, а в умении обобщать.

Валерий ХРАМОВ, художник-модельер

Вы не представляете, сколько раньше было модных, преуспевающих живописцев. Где они сейчас? О них никто не знает, помнят разве что искусствоведы.

А Рембрандт, Эль Греко, Серов, Врубель — художники, которые, кстати сказать, непросты для восприятия, — остались и останутся на века.

Илья Глазунов — художник конъюнктурный, умеющий писать «на злобу дня». Хорошо чувствует, где «пахнет жареным», с чем сегодня можно скандально выступить. Ему все равно, кого рисовать — Брежнева (знаете этот слащавый портрет?) или Солженицына (на картине «XX век»), Маркса с одним глазом («Сто веков»). Лишь бы «нагреть руки».

Многим Глазунов нравится за то, что рисует «похоже». Публика не знает, что рисовать похоже — еще не значит быть художником. Добиваться сходства умеет любой студент художественного вуза.

Чтобы объяснить, почему «похожесть» не есть высшая мера таланта, приведу ответ Микеланджело в упрек на то, что скульптурное надгробие в Уффици не передавало портретного сходства: «Кого будет ин-

тересовать это через тысячу лет?» Ведь он занимался высоким искусством, которое обращено к душе человека, к сердцу, а не разуму и любопытству.

Виолетта РУСИНА, учитель рисования
Я только что находился в кольце зрителей, которые с необыкновенным интересом спрашивали меня, в чем главная особенность художника Ильи Глазунова. Отвечу так: ни на одной персональной выставке уважаемых мною коллег, лучших живописцев, таких, как Ткачев, Угаров (это мой любимый художник), не может возникнуть такого острого интереса к картине, возникать таких споров, диспутов и по поводу нашей древней истории, и о жизни современного государства, и по поводу того, что нас ждет в будущем. Значит, Глазунов будоражит. Он заставляет думать.

В картине «Вечная Россия», или «Сто веков», личность художника проявилась многогранно. Он здесь выступает и как художник-живописец, как портретист,

философ, историк, публицист. В предыдущих работах превалировала то одна часть его дарования, то другая. Сегодня художник выступает в едином целом. Лично мне это полотно кажется этапным в его творчестве. Здесь мы видим портреты всех выдающихся людей тысячелетней истории России: исторических и государственных деятелей, представителей литературы, науки, духовенства. Каждая деталь этой картины является символической. Возьмите хотя бы двух дерущихся коней — красного и белого. Возьмите фрагмент его картины, где изображена рублевская «Троица» (кстати, Глазунов часто пользуется подобными цитатами). В этом же особая символика — предупреждение всех нас от братоубийственной войны и конфликтов.

Петр ЛИТВИНСКИЙ,
проректор Института живописи, ваяния и зодчества имени В. М. Васнецова

- Инвалиду надо помочь!
- Памятник М. П. Мусоргскому — будет!
- Можете ли вы купить кофточку за 200 рублей?

✉

Прочитал в девятом номере журнала сообщение об увеличении выпуска креisel-колясок Ставровского завода. Это хорошо, но как быть тем инвалидам, которые проживают в квартирах, дверные проемы которых уже, чем коляска? Не раз писал я в Минсобес РСФСР, чтобы организовали в городах мастерские по изготовлению средств передвижения для инвалидов по их индивидуальным заказам. Минсобес уходит от решения этого вопроса. Выдвигает доводы, что это должны делать управление бытового обслуживания населения или ленинградский кооператив «Ортолюкс». Каково: инвалидам, которые, как правило, еле сводят концы с концами, обращаться к кооператорам!

У меня накопилась целая пачка разного рода отписок из Минсобеса — в пору издавать брошюру о бюрократии.

В. К. ИЛЛЮМИНАРСКИЙ,
Ленинград

✉

Мне двадцать три года, работаю медицинской сестрой в детской больнице. Пока училась, была занята и совсем не думала об устройстве личной жизни. А сейчас отработала свои восемь часов и не знаю, куда деваться. Живу с родителями. Они хорошие люди, но меня тяготит постоянная зависимость от них во всем. Получаю я «чистыми» всего 73 рубля, и, естественно, на эти деньги в наше время очень трудно даже прокормиться, не то что одеться.

Но вся беда не в этом. Воспитана я довольно старомодно, по барам и дискотекам не ходила. Не курю, не пью. Сидела дома, очень много читала, вязала, шила, увлекалась кулинарией. Ходила в кино, если в нашу провинцию заезжали артисты, обязательно на концерты. Одеждой не выделяюсь, одеваюсь скромно, но, говорят, со вкусом. И что же я имею, кроме одиночества, тоски? Я иногда обвиняю родителей в том, что они воспитали меня такой несовременной. Мне очень хочется быть кому-то нужной, любить, быть любимой, кого-то ждать, иметь свою семью. И еще я хочу, чтобы мой избранник был у меня единственным мужчиной. В общем, на мое мировоззрение повлияли те книги, которыми я зачитывалась. Но я не представляла, что жизнь — это совсем не то, о чем пишут.

Я ведь не страшная, не разбалованная, а все мои качества, которые раньше считались хорошими, никому совершенно не нужны. Ну как мне устроить свою личную жизнь, если я работаю в женском коллективе, а вечером в нашем городе пойти совершенно некуда? Были у меня парни, но более двух-трех раз я с ними не встречалась. Многие мне говорили: «Для кого ты себя бережешь? Тебе уже 23 года». Когда я отказывалась вступать с ними в интимные отношения, они, как пули, от меня отлетали, и я их больше не встречала. Не подумайте, что я какая-то ханжа, но, мне кажется, я права.

Почему мир будто перевернулся, почему сейчас те девчонки, которые ку-

рят, пьют, гуляют, ценятся, а такие, как я, нет? Почему они и замуж выходят, и становятся любимыми женами, а я никому не нужна? Почему мне нет счастья в этой жизни? Если я раньше во что-то верила и надеялась, то сейчас никому не верю. И если у меня будут дети (в чем я глубоко сомневаюсь), то я уже не буду забивать им голову высокими материями, пуская принимают жизнь такой, какая она есть, а не такой, как описывается в книгах. Хуже всего пережить крах всех своих представлений.

Татьяна ЧЕРНОВА,
Кировоград

✉

С интересом читаю «Смену», особенно рубрику «Читатель — «Смена» — читатель». Хочу написать о наиболее интересном. Меня возмущает, что наша советская пресса поет хвалебные песни кооперативам. Пообедать за 5 рублей — хорошо, получить консультацию у врача за 10 рублей — отлично, кофточку за 200 — это же превосходно! А что же делать тем, кто в силу материального положения не может себе этого позволить? И почему кооперативы — это выход? Почему нельзя навести порядок в государственных предприятиях, в столовых, больницах? Жаль, что понятия честь, совесть, долг, уважение к закону — все подменили рублем. И совсем непонятно, почему пресса хвалит не нахвалится этих частных хапуг, в борьбе с которыми проливали свою кровь мои деды. Другое дело кооперативы по выращиванию скота — там труд. Но опять же непонятно, почему нельзя навести порядок в колхозах и совхозах? Не умеешь работать, не умеешь руководить — не лезь на высокие посты. А став начальником, устроил неразбериху, ответь перед законом за свои дела. Надо заставить отвечать по закону за плохой труд. Нужны законы не о кооперативах, а о честном и добросовестном труде. Работает плохо — отвечай по всей строгости закона. И это должно касаться каждого гражданина. Конечно, я не призываю сажать в тюрьму за плохую работу, но платить по труду надо. Тогда бы мы не носили убогих вещей и нас не лечили бы так, как лечат сейчас. А из-за кооперативов многие медики будут не лечить, а мечтать о создании своих кооперативов, чтобы наживаться на людских бедах. Меня особенно возмущают кооперативы медиков.

Я считаю, что кооператив — это шаг назад. Зачем тогда столько лет говорили о коммунизме и всеобщем равенстве, а сейчас лишний раз боимся эти слова произнести, зато слово «кооператив» не сходит с уст и со страниц газет и журналов. Горько и больно разочаровываться.

В. А. ГУНЬКИНА,
Воронеж

✉

Год назад у меня умерла жена. Я воспитываю сына, ему двенадцатый год. Старшие дети взрослые, у них свои заботы. Живем с сыном в дряхлом бараке на двадцать семей (общешитие орнабо-

ра). Сорок лет этому архитектурному шедевру, без всяких удобств, с полчищами крыс, стаями бездомных котиков вокруг. Как еще держится стившее строение, понять трудно. Когда газета «Аргументы и факты» объявила, что у нас в стране нет барачников, на душе стало тоскливо. А ведь на Дальнем Востоке столько еще барачников!

По профессии я рыбак, а сейчас — судоводитель на транспортных судах рыбокомбината. Я часто прошу администрацию не посылать меня в длительные командировки, чтобы не оставлять сына одного. Но мне сказали: вы же не мать-одиночка.

Наши администраторы говорят мне: сдай пацана в интернат, вот и развяжешь себе руки. От таких «трогательных» советов мне становится очень неуютно. Я никогда ничего не просил, пахал на рыбацких судах по десять — двадцать часов в сутки на протяжении двадцати с лишним лет, потерял здоровье, но и сейчас с профсоюза ничего не прошу. Ни о каком интернате слышать не желаю, дети должны жить с родителями. Я и тепер, и раньше работал на очень маленьких судах, промышлял рыбу на Тихом океане в районе Курильской гряды, Камчатки. Заносила меня судьба и на Черное море. Стихия есть стихия. Человек еще слабоват перед ней, бывало страшновато, но никогда так — до панического ужаса — ничего не боялся, как разных чиновников. Всякий нормальный человек, если он не демагог, не лицемер, с радостью воспринимает перестройку, гласность. Но стоит только высказаться о чем-нибудь даже чуть-чуть критично, ощущаешь такой прессинг и шантаж, что становится жутко. Обратился я по инстанциям с вопросом: когда же мы получим квартиру, а мне ответили, как холопу у парадного подъезда, что нас, возможно, поставят на очередь на общих основаниях. Барак наш вроде бы должны снести через год, заложить благоустроенный дом. Но нам сказали, что, возможно, при сносе получат «малосемейку», то есть комнату с туалетом и ванной, как в общежитии. Разве это справедливо?

Наш остров Кунашир самый красивый среди островов Большой Курильской гряды. Многие здесь годами живут временно, почти каждый хочет уехать на свою малую родину. Но мне ехать некуда, да и сыновья не мыслят себя без этого острова. Что ж, нам всю жизнь жить в общежитии?

...А писать, оказывается, труднее, чем ловить рыбу или перевозить грузы.

А. МОМОТОВ,
пос. Южно-Курильск
Сахалинской обл.

✉

Цены должны соответствовать общественно необходимым затратам. Но это возможно тогда, когда спрос уравновешен предложением, чему и должен способствовать новый хозяйственный механизм. Значит, нужно ликвидировать диктат производителя, с которым мы сейчас сталкиваемся. Да, необходим рынок. Но при этом не стоит забывать о госзаказе, обязательных конкурсных разработках новой техники. Только соревнование за потребителя способно подтолкнуть производителя к снижению затрат. Например, в Японии и США цены на новую продукцию очень быстро снижаются, за счет чего увеличиваются объемы продукции и растет прибыль.

Наверное, наш путь — это всемерное поощрение тех, кто работает эффективно, а дотации нерентабельным хозяйствам или периодическое повышение цен проблемы не решат. Уже опыт наших дней показывает, что договорные цены при диктате, господстве производителя — это своего рода удавка. Разумеется, без некоторого изменения цен не обойтись, но это следует сде-

лать так, чтобы не очень-то проиграл потребитель. Главное, на мой взгляд, условие такой реформы — выработка четких принципов ее проведения. Они сегодня и должны быть предметом тщательного обсуждения, однако без нажима, без упора на необходимость комплексного пересмотра цен в сжатые сроки.

Гонка «за лидером», когда увеличение зарплат пенсий или стипендий не поспевает за уровнем цен, никому не нужна. И лично я сомневаюсь, что повышение цен на топливо заставит хозяйственника экономить ресурсы, значительно относиться к делу, как это утверждает мой коллега — профессор В. Чепланов — в материале «Цены, цены...»

Ю. СВЕТЛОВ,
профессор
Москва

✉

Сейчас много говорят о перестройке, демократии, ускорении, но у меня сложилось впечатление, что все это происходит где-то в больших городах, на крупных предприятиях. На нашем заводе до демократии еще далеко. В отношении между работниками до сих пор бытует хамство, чиновничество, угодливость, волевое решение. Почему все признаки перестройки до мелких предприятий доходят так медленно? Люди перестают верить в происходящее в нашей стране перемены.

Выдержка из одного моего письма уже была опубликована в № 7 «Смены». Его потом разбирали на совете трудового коллектива. Было долгое разбирательство, а не демократичное обсуждение письма. Я был один, никто меня не поддержал, хотя о наших бедах говорят давно, но только по углам. Потом, после собрания, один человек сказал мне: «Зря ты писал это письмо». Но я хочу, чтобы была настоящая перестройка. Не только где-то далеко, но и у нас.

Александр ТУЛКИН,
Молдавская ССР, пос. Маяк

✉

В № 8 «Смены» за этот год в беседе о творчестве русского композитора Модеста Петровича Мусоргского («Музыка планди Мусоргского») Евгений Нестеренко рассказал о том, что с 1978 года и до сегодняшнего дня тянется почти детективная история сооружения памятника композитору на территории псковской усадьбы-музея.

Постановление на этот счет Совет Министров РСФСР принял десять лет назад, стало быть, можно отмечать юбилей. Но редакция считает, что праздновать лучше 150-летний юбилей композитора, тем более, что он по решению ЮНЕСКО будет отмечаться в марте 1989 года во всем мире. А на родине М. П. Мусоргского должен проходить под сенью памятника великому нашему соотечественнику. Так нам обещает секретарь Псковского обкома ВЛКСМ, письмо которого мы публикуем.

24 мая 1988 г. исполком областного Совета народных депутатов принял решение об установлении в 1988 г. памятника М. П. Мусоргскому в д. Карово Псковской области. В настоящее время объединение «Росмонументальное» заканчивает работу над проектом. Проектные работы по благоустройству памятника осуществляет также институт «Псковгражданпроект».

Все работы по установке памятника планируется завершить в октябре.

А. ЧУГУНОВ,
секретарь обкома ВЛКСМ

Игорь КОНОВ

НЕТ

ПРОБЛЕМ?

Человечество избаловано прогрессом, и изобретения узкоутилитарного характера сейчас уже мало кого волнуют — их скорее принимают как должное, и только изредка слышится снисходительно — поощрительно: «Это надо ж до чего додумались!» Пожалуй, осталась одна область, куда еще направлено внимание пресытившегося гомо сапиенса: он озабочился своим здоровьем и с трепетом ждет информации из медицинских лабораторий, — а не изобрели ли наконец средство против рака и антиспидовую вакцину?

Конечно, рядом с такими монстрами, как рак, СПИД, сердечно-сосудистые заболевания, совсем несерьезными на первый взгляд кажутся проблемы, связанные с сексуальными расстройствами. На первый взгляд... Ибо, только по официальным данным, на сегодняшний день в нашей стране около 20 миллионов мужчин имеют устойчивые нарушения потенции. А это означает, что здоровый, казалось бы, мужчина, любитель поиграть в теннис и покрасоваться торсом перед девушками на пляже, старается избежать интимных ситуаций, опасаясь конфуза.

Что такое секс в семейной жизни? Ответ на этот вопрос усматривается в таком факте: по оценкам специалистов, около двух третей разводов происходит по причине сексуальных дисгармоний. Диапазон проблем, входящих в понятие дисгармонии, тоже велик: от ярко выраженной половой несовместимости до различных заболеваний, следствием которых является несостоятельность мужчины или женщины как сексуального партнера. А неудовлетворенность в интимной сфере — и это тоже хорошо известно — рождает неуверенность в себе, стрессы, раздражительность и в конечном итоге осознание бесперспективности союза.

Еще не так давно существовавшая табу на обсуждение сексуальных проблем приводило к тому, что причины растущего из года в год числа разводов искались где угодно, только не в области интимных отношений. Методы же лечения болезни лежали на поверхности и заключались не столько в необходимости создания стройной системы полового просвещения, сколько в оказании профессиональной сексологической помощи нуждающимся. В самом деле, никакое просвещение не поможет решить проблему импотенции — полной или частичной, здесь требуются уже другие методы. Об одном из них и пойдет речь.

В январе этого года исполнилось пятнадцать лет с того дня, как ленинградские врачи-сексологопатологи М. В. Цириольников и З. А. Зусмановский изобрели и запатентовали устройство для лечения импотенции «Эректор-ЦЗ-1». За плечами М. В. Цириольникова был более чем двадцатилетний опыт практического врача, и он прекрасно представлял себе проблему импотенции.

Сама идея прибора проста до смешного, кроме этого, «Эректор» не создает дискомфорта партнерам, безопасен, гигиеничен; может использоваться и здоровыми людьми, причем гарантируется вся полнота ощущений.

Вот что рассказывает один из создателей прибора, Михаил Цириольников: — Известно, например, что при диа-

бетических заболеваниях резко падает потенция. Надежных методов лечения как диабета, так и импотенции нет. Наше устройство позволяет и при этом заболевании вести нормальную половую жизнь, независимо от тяжести недуга.

Большинство людей, перенесших травму спинного мозга, остаются на всю жизнь инвалидами. При этом автоматически наступает импотенция, семья часто рушится, и без того тяжелое положение человека усугубляется еще и психологической травмой от сознания собственной неполноценности. Применение «Эратора» позволяет хоть как-то компенсировать потерю способности двигаться, сохраняя больному всю гамму чувственных наслаждений и даже возможность иметь детей.

С такой болезнью, как простатит, знакомы по меньшей мере двое мужчин из трех. В 92 процентах случаев заболевание сопровождается ухудшением половой функции. Лечение простатита дает шанс всего 40 процентам больных, причем по срокам он очень длительное — до 5—6 месяцев. «Эректор» помогает продолжить нормальную половую жизнь и тем самым стимулирует естественный отток секрета из простатовой железы, заменяя массаж. Получается, что больной излечивает себя сам, при этом сроки снижаются до 2—3 недель. Это принципиально новый подход к лечению и профилактике этого неприятного заболевания.

Можно привести еще множество примеров эффективности устройства, но главное то, что во всех случаях применение его позволяет продолжать нормальную половую жизнь.

Казалось бы: раз устройство столь эффективно, безвредно, то промышленность должна ухватиться за него, быстро освоить производство и обеспечить всех нуждающихся. Но когда авторы изобретения пришли со своим изобретением в Минздрав СССР, там сделали большие глаза: «Нарушения потенции? Половая неудовлетворенность? О чем вы? У нас такой проблемы нет».

Спустя некоторое время выяснилось, что проблема все-таки существует, и были проведены испытания «Эратора». В итоговом документе отмечено, что внедрение изобретения в практику может означать переворот в методах лечения половых расстройств, и прибор был рекомендован к серийному производству. Правда, вскоре оказалось, что рекомендовать-то к серийному производству Минздрав может, а осуществить это самое производство не имеет возможности из-за отсутствия собственной промышленной базы. Сделав несколько попыток, министерство «умыло руки» и предложило авторам... самим найти завод-изготовитель.

Желание увидеть свое детище приносящим пользу людям заставило изобретателей перекавалифицироваться в коммивояжеров. География поездок наполнила гастроли артистов в летнее время, а командировки оплачивались из семейного бюджета. Однако ни один завод не хотел связываться с «темной лошадкой»; над всеми довлел план с его тоннами, километрами и мегаваттами. Наконец, объявился «добрый дядюшка» в лице Ленинградского инструментального завода. ЛИЗ сразу же взял быка за рога. Были изготовлены опыт-

ные образцы приборов, которые успешно прошли утверждение в Минздраве СССР. После этого завод решил, что он вполне может обойтись без авторов, и началась крупная «рационализация» изобретения. Прежде всего было решено сэкономить на приобретении лазерных установок стоимостью 40 тысяч рублей для сварки пружинных частей прибора. Вместо этого было найдено «оригинальное» техническое решение — хомутование. С точки зрения экономики и техники новшество, безусловно, перспективное, а вот с точки зрения гигиены... Хомутики в процессе полового акта могли просто оторваться и нанести травму партнерам. Кроме того, качество хомутования делало устройство больше похожим на рашпиль, и вполне понятно, почему М. В. Цириольников и З. А. Зусмановский потребовали остановить производство брака и прекратить тем самым дискредитацию изобретения. Следствием их обращений в различные инстанции явилось решение Министерства станкоинструментальной промышленности назначить межведомственную комиссию для выяснения обстоятельств дела. В состав ее входили весьма уважаемые доктор и кандидаты технических наук, руководители различных рангов — словом, все, кроме авторов изобретения и представителей медицины. «Авторитетная» комиссия согласно покивала в ответ на объяснения руководства ЛИЗа и вынесла соломоново решение: «Так как образцы, изготовленные на заводе, были хорошими, считать хорошими и все серийные изделия».

Тем временем за воротами завода происходили странные вещи. Прослышав о чудодейственных свойствах «Эратора», страждущие избавления от недуга осаждали проходную и рабочих. Спрос рождал предложение, и вот уже личности с бегающими глазами и оттопыренными карманами стали предлагать устройство «свежее, прямо с конвейера» по 50 рублей за штуку. Да разве думают о деньгах, когда речь идет о здоровье? Покупали, не ведая, явный брак, и вскоре в различные инстанции, включая ЦК партии, в адрес завода потоком пошли жалобы на низкое качество изделия.

Директор завода О. И. Пашков реагировал хладнокровно. «Прошу вас, — писал он одному из жалобщиков, — сообщите, у кого, когда и при каких обстоятельствах было приобретено устройство». Какая жалость, что несудны не оставляют визитных карточек!

Как бы то ни было, а завод продолжал производить некачественных устройств, игнорируя протесты авторов. Более того, полным ходом шла подготовка выпуска «Эраторов» в «экспортном исполнении». Дело в том, что к тому времени прибор успел побывать на ряде международных выставок, и «фирмачи» проявили не просто заинтересованность, а готовы были на крайнем случае закупить сам прибор в любых количествах. Выгодные контракты предложили Финляндия, Япония, Югославия. Зашевелился далекий Гонконг, а это, по словам профессионалов внешней торговли, уже симптом того, что мы ходим по мешкам с долларами.

Согласитесь, что все это впечатляет,

но трудно представить, как можно продавать брак даже в «экспортном исполнении». Да и что такое «экспортное исполнение» в данном конкретном случае? Чем оно должно отличаться от обычного «внутреннего»? Неужели заводчане считают, что для «внутреннего» пользования сойдет и вариант из мягкой проволоки вместо рояльной пружинистой?

Тем временем, пока завод выяснял истину в спорах с авторами, видение долларов вскружило голову ленинградскому торгово-промышленному объединению «Оптика». Судя по всему, производство и продажа населению очков — занятие малоодоходное и неинтересное, иначе как объяснить столь бурный интерес объединения к продукции совершенно иного профиля. Прежде всего «Оптика» попробовала изготовлять приборы на собственных предприятиях — получилось еще хуже, чем на ЛИЗе. Самокритично оценив результат, «Оптика» убрала из своего наименования слово «промышленное» и приступила непосредственно к коммерческим операциям.

На ЛИЗе была закуплена партия «Эраторов» (заведомый брак), а при самой «Оптике» срочно решили создать Всесоюзный (!) центр коррекции потенции. Центра как такового еще не существует, но продажа населению устройств ЦЗ-1 худо-бедно налажена, причем называется эта затея «подконтрольным испытанием прибора на прочность». Суть «испытания» заключается в том, что при продаже «Эратора» ставится условие: пользователь должен написать отзыв...

Как говорится, все это было бы смешно, если бы не было так грустно: люди получили реальный шанс избавиться от недуга, а этот шанс у них отнимают несерьезным, негуманным подходом к делу.

Прогресс не может топтаться на месте, и не исключено, что завтра кто-то выдумает более совершенное устройство. Нетрудно представить, в каком положении — и уже в который раз! — окажемся мы со своей неразворотливостью. Неужели опять придется закупать все это за валюту? Поистине в своем отечестве пророка нет...

Пока еще Швеция предлагает организовать туризм в нашу страну с прохождением курса лечения простатита при помощи «Эратора». Аналогичные предложения поступают и из других стран. Пока поступают... Многие наши лечебные учреждения, сексологические кабинеты готовы внедрить устройство в практику своей работы; в частности, в Москве организован кооперативный центр «Эректон» при Мосгорздраве — солидная организация с большими возможностями, привлекающая ведущих специалистов, но «Эраторов» — то нет.

В конце этого года в Нью-Йорке проводится выставка советских товаров, предлагаемых для организации совместных предприятий по их производству. В числе немногих экспонатов и изобретение Цириольникова — Зусмановского. Будем надеяться, что какая-нибудь солидная фирма, дорожающая своей маркой, заинтересуется советским прибором и в скором времени у нас появится шанс увидеть «Эректор» в том самом виде, в каком его задумали авторы.

Все платье было другое, сшитое в Москве и хорошим портным; но и в платье был недостаток: слишком уж сшито по моде (как и всегда шьют добросовестные, но не очень талантливые портные) и, сверх того, на человека, несколько этим не интересующегося, так что при внимательном взгляде на князя, слишком большой охотник пошутить, может быть, и нашел бы, чему улыбнуться. Но мало ли отчего бывает смешно?» (Ф. М. Достоевский «Идиот»).

Слишком по моде... Как-то в одном журнале прочла: мода существует для того, чтобы убеждать, что мы можем стать чуточку интереснее, своеобразнее, лучше. Можем стать? Нет, скорее казаться себе немного лучше, своеобразнее, интереснее. И что же такое мода, как не исполинское, подчас кривое зеркало человечества и одновременно его надежная маска, как не знак вечного обновления, не наше желание новизны и риска, поиска гармонии в парадоксе?

Одет модно, говорим мы о ком-то, стремясь подчеркнуть его внимание к своему костюму, и чаще всего подразумеваем: одет хорошо. Но, удивляясь особой тонкой красоте наряда, красоте одухотворенной, безупречному владению своим платьем, мы вспоминаем об элегантности.

Элегантный — в переводе с французского — изящный, изысканный. Слово сравнительно молодое, возникшее в XVII веке как синоним изящества в одежде. Но сегодня оно уже, кажется, переросло себя.

Вам, конечно, случалось обращать внимание на безупречно одетых мо-

лоденьких девушек и тут же припоминать, что подобный классический туалет вы уже видели в журнале мод и он поразил вас продуманностью и элегантностью. Но почему же тогда этот «живой» образ с налетом некоей нездешности вызывает если не насмешку, то откровенную досаду? Что же неуловимое потеряно? Что разрушило гармонию?

Обращусь за помощью к признанным авторитетам.

Милену Брэдцова-Штросова, модельер из Чехословакии:

— Как понимаю элегантность? Как простоту поведения, линии, цвета, формы наряда, чтобы ничто не раздражало взгляд.

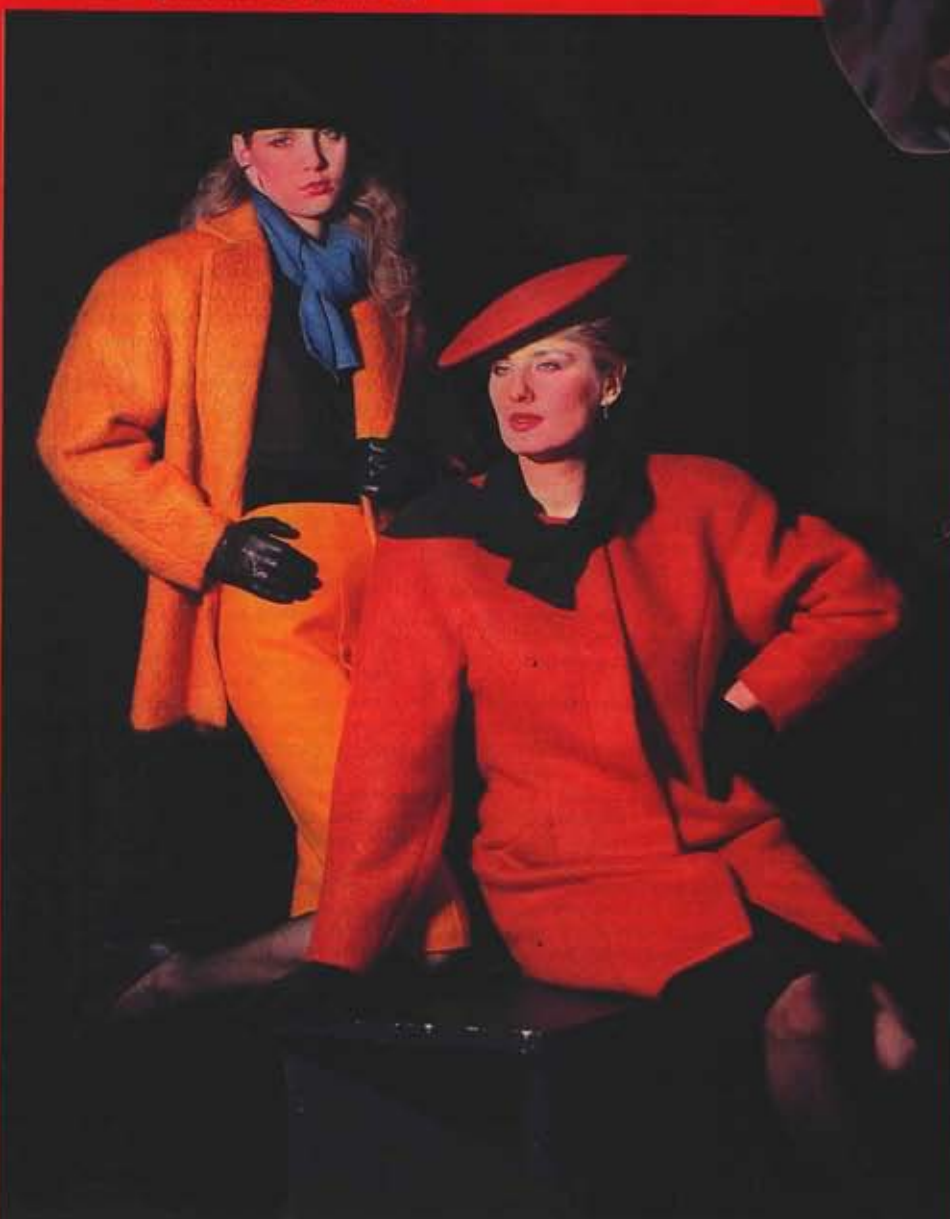
Вячеслав Зайцев, главный художественный руководитель экспериментального Дома моды:

— Элегантность — это соответствие одежды человеку, его манерам, стилю жизни, гармония между обликом и бытием, как точно заметил Пьер Карден. И потому элегантным я могу назвать не только и не столько одетого современно, но обязательно необычайно корректного, деликатного человека. И одежда — составляющая этой гармонии, соединяющая все детали. Но я могу простить человеку любую одежду, если он доброжелателен и умен.

— Ваша любимая тема сегодня — одежда для женщин в возрасте элегантности. Почему именно сейчас?

— Потому что слишком велик натиск молодежных тенденций. И чтобы было кому подражать, вновь на пьедестал мы выдвигаем человека зрелого — мужчину и женщину элегантного возраста — воспитателей и духовных, и эстетических.

Возраст элегантности — время человеческой зрелости. Но можно ли

в таком случае говорить об элгантности молодых? Более того, пока ты молод, пока ты в поиске, стоит ли вообще стремиться к безупречной выверенности одежды?

— Стоит! — утверждает искусствовед Общесоюзного Дома моделей одежды Нелли Аршавская. — Правда, соразмерность возраста и элгантности — вопрос спорный. С одной стороны, это, конечно, зрелость — физическая, духовная, эстетическая, — знание себя, до ко-

торого надо дорасти. А с другой — это дар природы, свойственный некоторым с младенчества. Вы замечали, что таким людям все идет? Они умеют надеть вещь и забыть о ней. Понимаете? Тот самый прекрасный артистизм без следов усилия. Это умение чувствовать и носить одежду, соизмеряя ее с обстановкой, изысканность форм и линий, благородная согласованность цвета, целостность ансамбля одежды и облика владельца, отсутствие случайных вещей. Никаких излишеств — все в меру!

— Но так можно определить скорее классический костюм?

— Верно, элгантность чаще всего и связана с классикой. Однако может быть и очень смелой, соответствовать самому дерзкому авангарду моды, оставаясь при этом вершиной гармонии. Поэтому сегодня у нее несколько значений. Она — и свойство самой модели, и умение носить любой наряд. И во втором смысле вполне применима к молодежи. Самый перегруженный деталями, очень далекий от строгого идеала костюм можно носить изящно, сочетая его со стильной обувью, сумкой, украшениями, прической, походкой. Но непременно раскованно, свободно, задорно!

Мода сегодня не просто демократична, она фантастически великодушна, не диктует, не требует, а лишь мягко и ненавязчиво советует. Единственное, чего она не прощает, — это слишком падающего к ней отношения. Кстати, примечательный парадокс: тонкие, изысканные люди часто бывают неуклюжи в моде, с трудом подбирая для себя современный образ. И, наоборот, люди, не обремененные глубокими эстетическими ценностями, легко вписываются в популярный стиль.

Но любая мода дает свои ориентиры и рецепты. Сегодняшний молодежный авангард строится на сопоставлениях, сочетаниях пропорций

и стилей, скажем, спортивного и фольклорного. Актуальны женственно-романтические модели. Но лидирует, пожалуй, классика, точнее — неоклассика. А молодежь скорее играет в классику — легко, чуть небрежно. Ведь в основе отношения молодых к одежде остается спортивная повседневность. Поэтому позволительно надеть цветастую юбку, строгий английский пиджак с закатанными рукавами и дополнить все это мужскими ботинками. Но впечатление целостности не должно разрушаться. Все предметы нового костюма сами по себе сдержанны и традиционны, но строятся ансамбль на неожиданных контрастах. Однако если уж смешиваются стили, то не контрастируют цвета, и наоборот. Законы гармонии по-прежнему в силе. Играйте с модой, шутите с ней, но не фальшивьте!

— Что же все-таки не разрешает моде? — спрашиваю напоследок Аршавскую.

— Только то, что уродует вас, например, мини-юбку при полных ногах. А в остальном — дерзайте!

А я рискну поспорить с искусствоведом. Хороший вкус, как известно, обладает магическим действием. И неправильность черт он обращает в своеобразие, худобу — в изящество, полноту — в роскошь. Элгантность выше любых советов, ибо это красота естественности. Ищите ее!

Мода не возвращается, каждый ее этап дает новую стилевую основу. Но сколько черт одежды прошлых лет угадываем мы в этих моделях, выполненных художниками Рижского Дома моделей.

От богатырских плеч и свободных талий, от суперобъемов мода идет к умеренности. Она уже любит природными формами тела. В авангарде — изящество и женственность. Но только в авангарде, ибо крупные пропорции тоже остаются актуальными.

Наталья РОДИОНОВА
Зорька
Чмаека
Фото Валерия КАМЫШКО

Виктор АНТОНОВ

В Доме ребенка умер младенец — слабенький организм почти не сопротивлялся болезни, и все попытки врачей спасти мальчика оказались тщетны. Сообщили отцу, чтобы забрал, похоронил, как положено. Прибыл папаша с большим опозданием. Вежливо извинился, был корректен; в том, что не уберегли дитя, персонал не упрекал. Просто сказал, что был у юриста и тот ему объяснил, что если родители официально отказались от ребенка, то и хоронить его обязано само учреждение, взявшее на себя заботу о попечении...

Да, права ему обрисовали толково. А вот обязанности...

Исключительный случай? Нет, рядовая история из жизни московского Дома ребенка № 21. Он специализированный — сюда поступают дети с нарушениями центральной нервной системы. Три группы из девяти здесь — так называемые неперспективные.

Неперспективные, или «лежаки», не имеют шансов на усыновление, а многие из них не имеют и будущего:

несмотря на все усилия врачей, мала вероятность, что они встанут на ноги (в буквальном смысле) или доживут до семи лет, а у тех, кто болен идиотией, нет надежд и на умственное исправление.

По нерадостному наблюдению врачей-практиков, ни рост благосостояния, ни повышение ассигнований на соцобеспечение не уменьшили сколько-нибудь заметно детскую заболеваемость — просто на смену одним болезням пришли другие.

Нужно было видеть эти существа (в свои два, три, четыре года будто шести-, восьмимесячные): гидроцефалов с непомерно крупными головами, еле реагирующих на внешние раздражители; парализованных, обреченных на неподвижность идиотов; младенцев с какими-то малоизученным синдромом, чуть не ежчасно синюющих от жутких судорог, мальчика с клешнями вместо ручек, девочку без ушей... Не всем таким детям суждено умереть в младенчестве, иных еще ждут собесовские специализированные дома-интернаты. Врачи обязаны делать все возможное для поддержания в малышах теплой жизни (хоть неде-

ли, хоть годы). Таков их долг, и они не могут иначе. Но когда природа все же берет верх над усилиями медицины и наступает вдруг (пусть его и ждали со дня на день) тот самый естественный исход, то... приезжают комиссии, ищут (и находят) ошибки в ходе лечения. Начинают «трясти» и «вызывать на ковер». И, несмотря на тяжелейший диагноз (заведомая обреченность ясна наверняка и комиссии), врачам строго ставят на вид профессиональные упущения (со всеми вытекающими отсюда последствиями).

Понятно, что современное гуманное общество не может себе позволить селекцию методами древней Спарты, но и такая вот борьба за снижение детской смертности, увы, не дает эффекта.

Так, в родильных домах ради высокого процента положительной отчетности врачи порой продолжают откачивать младенцев, рожденных в асфиксии (в удушье), и, вопреки правилам, возвращают их к жизни. У этих детей очень вероятна частичная атрофия мозга, и им тогда прямая дорога — в неперспективную группу Дома ребенка.

А кто же в остальных, перспективных группах, почему из семидесяти детей лишь пять-шесть в год могут реально претендовать на усыновление? Чья это «злая воля» препятствует воссоединению бездетных супругов с детьми, утратившими родителей?

Здесь уточним: утрата родителей сегодня означает чаще всего, что ребенок брошен, сдан на воспитание государству. Матери не хотели этих детей и делали все, чтобы те не появились на свет. И, родившись, они знают (в них заложена эта информация), что нежеланные, лишние. Пройдут годы, и в таком ребенке может проснуться озлобленность ко всему свету... А если эта озлобленность накладывается на нездоровую наследственность?

Да, большая часть таких — дети алкоголиков. И здесь нужно говорить о вполне реальной, уголовно наказуемой вине (пока такого наказания, к сожалению, кодексом не предусмотрено).

...У одной матери грудная малышка почти полгода спала под кроватью. Приходят к мамаше гости, девочку под кровать бросают, чтобы не

НЕПОПРАВВИМОСТЬ

Это не фотомонтаж, не кадры из фильма ужасов — это реальные дети из вполне реального Дома ребенка.

задавить по пьяному делу... Только теперь, год спустя после того, как малышку отправили в Дом ребенка, девочка перестала дичиться окружающих.

Алкоголизм, наркомания стерегут у колыбели, оставляя в наследство детям психические отклонения и физические уродства. Бывает, затаившись, болезнь настигает уже внуков. Во всяком случае, каждый такой отрицательный факт в биографии родителей лишает ребенка, на вид вполне здорового, возможности усыновления. А если данные о родителях скудны или вообще их нет? Вместо них справка из милиции такого, например, содержания: «21 июня 1986 года сержант Блинов, дежуривший по вокзалу, обнаружил чемодан с новорожденным младенцем мужского пола...» Мальчику дали фамилию и отчество сержанта, а день его

дежурства стал днем рождения — спасибо дяде милиционеру...

Но кто знает, когда и как сработает у этого малыша генетический механизм? Ведь даже за немногих счастливицков, отданных в хорошие руки, врачи не могут до конца поручиться. Хотя за каждого «выпускника» в Доме ребенка по-настоящему радуются, как могут радоваться люди, для которых любовь и сострадание — самые первые свойства души.

У каждого служителя в Доме ребенка (воистину они не сотрудники, не персонал, не служащие — именно служители), от главного врача до работника кухни, есть свои любимчики среди детей. И малыши признают именно в них своих мам и даже ревнуют, когда те подходят к другим и так же ласково с ними общаются...

Специалисты определили, что са-

мое активное формирование личности — закладка фундамента — приходится на первые три года жизни. И каждому младенцу для нормального развития необходимо не менее семнадцати обращений в день (мать к родному дитяти обращается, конечно же, куда чаще). Значит, воспитательница или медсестра, как правило, одна на группу в 11—12 человек, должна не просто перепеленать каждого, накормить, отнести из кроватки в манеж и прочее, но целый день еще и разговаривать, разговаривать с ними.

А каково воспитателю или нянечке из тех самых трех неперспективных групп, где не видно результатов собственных усилий, да и в будущем надеяться не на что? Расторможенных даунов и имбецилов, бьющих все, что попадает под руки, грызущих стойки у манежа, впадающих в ауто-

агрессию, колотящихся головой о стену, расцарапывающих себе лицо, бесполезно воспитывать, нужно просто брать на руки и успокаивать...

Нет, без любви и сострадания никакая надбавка к жалованию не окупит, не восполнит всех моральных затрат. Ведь врач, сняв халат в конце работы, не может, увы, оставить вместе с ним и свои заботы. Врачи, лечащие этих детей, признаются, что с годами им все труднее заставить себя быть веселыми и беззаботными. Детские страдания преследуют их и после работы. И нет у нормальной человеческой души иммунитета от этих мук.

А у родителей? У тех, кто пьяными зачинали несчастных этих детей, у них-то все ли нормально с душой? И мучает ли их содеянный ими и уже непоправимый грех?

Вопросы, затронутые в статье, стоят сегодня очень остро и требуют решения. В последнее время в печати, в передачах телевидения и радио часты выступления, полные заботы о досуге, развлечениях молодежи. Разумеется, и эти темы нуждаются в обсуждении. Но где же речь о том, почему так мало внимания уделяется долгу детей перед родителями, родителей — перед детьми? Нет ли здесь очередного перекоса, когда вместо заботы о воспитании будущих отцов и матерей мы упорно требуем для юных все новых развлечений? Стоит ли удивляться, что тех же «кукушек» мало волнуют нравственные проблемы.

А начинаться все должно бы с ликбеза, с элементарной статистики. Давно известно, что даже однократное употребление алкоголя женщиной в период зачатия и беременности может привести к непоправимым последствиям: гибели плода, преждевременным родам, различным уродствам у младенца (а что говорить о тех, кто регулярно грешит употреблением спиртного?).

Алкоголизм родителей был и остается одной из главных причин патологии развития нервной системы плода. Алкоголь — нейротропный яд — губитель мозга, у зарождающегося организма нет еще механизма защиты от него, природа-целительница не рассчитывала на столь сильный поражающий фактор. Зарубежные и наши исследования последних лет показывают, что заболеваемость микроцефалией, олигофренией в разных формах, церебральным параличом в несколько раз выше именно у тех детей, чьи матери — алкоголички. Гораздо чаще у них рахит, задержки в развитии, дефекты речи... Дебилов рождается до 30 процентов!

Даже такие болезни, как острая пневмония, бронхиальная астма, бронхит, у этой группы детей проявляются в 4—5 раз чаще, чем у прочих. Правда, эти факты не всегда объясняют истинными причинами. (Родился в семье алкоголика здоровый ребенок, ну, слава богу, пронесло!) Специалисты и в голову не придет связывать немотивирован-

ную жестокость, агрессивность четырнадцатилетнего подростка с болезненным пристрастием его родителей к хмельному. И тем не менее связь прямая.

Но это лишь одна сторона проблемы, далеко не единственная. В последние годы у нас открывается все больше и больше специализированных домов ребенка, куда помещают детей, страдающих идиотией, гидроцефалией, синдромом Дауна. Появляются на свет они, как правило, мертвыми, а врачи по тридцать — сорок минут, по часу «откачивают» их. В результате из ста таких детей 85—90 остаются все равно инвалидами. «Но ведь десять — пятнадцать все же полноценные!» — возразит кто-то. А каково матерям тех восьмидесяти пяти? Далеко не все такие дети попадают в Дом ребенка, часто они остаются с матерями, чья жизнь превращается в пытку. Примерно в шестидесяти случаях из ста они становятся матерями-одиночками и один тянут в жизнь свое дитя. Но в какую жизнь?

Думается, специальные комиссии или консилиумы при городских, областных или районных больницах могли бы решать вопрос в каждом отдельном случае, продолжать ли настойчивое (и дорогостоящее) лечение детей с тяжелыми поражениями нервной системы и врожденными уродствами? Может, следует исключить смерть таких детей из понятия «детская смертность», ведь они, по существу, не были жизнеспособными еще до рождения и лишь усилиями реанимации неоправданно вернулись к жизни.

Все эти вопросы неоднозначны, решение их непросто, но рано или поздно придется не только ставить их, но и решать. Жизнь заставит.

Валентина МОСКАЛЕНКО,
доктор медицинских наук,
руководитель отдела генетики ВЦ наркологии Минздрава СССР,
Ксения СЕМЕНОВА,
профессор, заслуженный деятель науки РСФСР

ОТ «МЕТАЛЛА» ДО «ВОЛНЫ»

В публикуемых ниже письмах содержатся резкие оценки творчества некоторых популярных музыкантов, не со всеми из которых мы можем безоговорочно согласиться. Публикуя эти спорные мнения, мы рассчитываем, что читатели продолжат открытый разговор о современной молодежной музыке. Слово за вами...

Хочу спросить: когда и как это случилось? Почему наше сознание не зафиксировало взрыва чудовищной психологической бомбы, превратившей нас всех в лунатиков и сомнамбул? Я учился в школе в 60—70-е годы. Тогда была другая мода на одежду, другие стили в эстрадной музыке. Но везде и во всем была максимальная приближенность к гармонии, мелодичности. В любой песне, кто бы ее ни исполнил — «Поющие гитары» или «Веселые ребята», «Лейся, песня» или «Цветы», «Самоцветы», «Песняры», — прежде всего была настроивающая мелодия, как пролог в книге настроивает на ее восприятие. А дальше был сам текст — поэтический, легкий, красивый, сдержанный, строгий, грустный, веселый. И, какой бы он ни был, это было повествование, которое запомнилось, в нем был смысл, и притом глубокий. Все это оставалось в глубине души. Песню можно было петь на улице и в домашнем кругу, танцевать под ее аккомпанемент. Под современные шлягеры рок-групп можно танцевать, но запомнить и спеть эти произведения трудно.

Может, я консерватор? Тогда, в те ушедшие времена, тоже было в достатке консерваторов, но консерватизм их был частью мировоззрения общества. Революционеры моды презрительно именovali «стилягами», хотя куда той моде до сегодняшних всплесков фантазии! Хотел бы я видеть глаза тех старых учителей этики и морали, глашатаев общественного мнения (а ведь многие из них еще живы и здоровы!), появившись перед ними среди бела дня на улице современная девушка в полосатых (извиняюсь) кальсонах до колен, пиджаке шестидесятого размера с арматурой на плечах и прической «а-ля Жанна Агузарова», они упали бы в обморок. А мы ведь не падаем, хотя и видим «это» изо дня в день и знаем, что это не цирк, а реальность. Почему? Спим? А может, душа застыла, как цемент?

Но вернемся к музыке. Раньше плохие или «серые» стихи безжалостно отменялись. Я сам немного писал, поэтому знаю, как непросто «пробить» в печать пару строчек. Сейчас же с телеэкрана, из радиоприемников, с танцплощадок на нас столько изливается низкопробной мути наподобие «Эй, ты там, на том берегу», «Белая панамка», «Человек надел трусы» и т. д., что давно уже можно захлебнуться. И современные молодые почитатели действительно захлебываются от восторга, тычут козыми рогами в небо при слушании таких «кумиров», как «Алиса», «Черный кофе», «Союз». Когда показывали «Музыкальный ринг» с «Секретом», у молоденьких девчонок в зале глаза блестели, как у наркоманок, и они повторяли по десять раз ту чушь, примитив, детский лепет, которые звучали с эстрады в исполнении подражателей «Битлз». Увы, великие не рождаются дважды! Все мы помним «Машину времени» в период начала и расцвета творчества, и вот

спустя десять лет на том же «Музыкальном ринге» Андрей Макаревич пытается с внутренней раздраженностью опровергнуть утверждения оппонентов из зала о том, что «Машинка» стала чем-то похожим на блестящую конфетную обертку — блестит, шуршит, а внутри пусто... Исчезли острота, проблемность, неординарность песен, а вместо них появился своеобразный современный, ни о чем не говорящий развлекательный шарм «под массы». Пользуясь этим шармом, группа «нашуршала» целый альбом — «Реки и мосты», очень понравившийся неизвестно кому. Почему все это происходит? Ведь мы же деградируем!

С. КАЛИНИЧЕНКО,
Светловодск

Утверждение, что фильм «Взломщик» никому не нужен, совершенно несостоятельно. Опровержение тому и спецпремия Международной федерации кинопрессы, и тот факт, что на этот фильм шли и продолжают идти зрители. И то, что люди выносят из зала самые различные, порой диаметрально противоположные, мнения, тоже доказывает, что фильм нужен. Я мог бы перечислить названия десятков фильмов, из которых люди вообще никаких мнений не выносят. На мой взгляд, не имеет особого смысла искать корни музыкальных тем группы «Алиса», так как их творчество не вторичная интерпретация давно известного, а яркое, свое, но созданное на почве того, что было до них.

Мы с детства радовались, что родились в стране, где самая справедливая система правления. Но, и будучи детьми, мы не только задирали головы вверх, но еще и смотрели себе под ноги. И тогда у нас возникали самые неожиданные вопросы. Мы гордились «Машинкой времени» так же, как гордились В. Высоцким, которого мы тогда искренне считали человеком «запрещенным». И горько мне читать в газетах: «На могиле лауреата Государственной премии...» Помолчали бы уж лучше! Нет, какие бы памятники ни воздвигали сейчас В. Высоцкому, мы, мальчишки семидесятых, «не забудем, не простим и не потеряем»...

На полях отечественного рока сейчас больше сорняков, чем злаков. И не каждый сорняк сразу отличишь от злака. Сквозь общий шумовой фон прорезаются голоса стоящих ребят. Среди них голос Константина Кинчева. И в моей защите он не нуждается. Но я все же посчитал своим долгом выступить против злобных выпадов в его сторону. Ведь голос Кинчева — голос моего поколения, голос красивый и честный. Голос, говорящий о моих проблемах моим языком. Он своим творчеством протягивает мне руку. Я протягиваю ему свою. Мы вместе!

Сергей ЗВОНОВ, 25 лет,
лесоруб,
Тюменская обл.

Рок стал нашим молодежным фольклором. Поэтому рок-исполнители должны отказаться от всяких там «цветочков-любовей»; они призваны петь сатиру, петь остроактуальное и «разоблачительное», петь о проблемах, существующих сейчас, о мире, о дружбе, наконец. Я убеждена, что рокеры очень хорошо с этим справляются в отличие от других исполнителей популярной музыки, таких, как А. Пугачева или В. Леонтьев, исполняющих слащавые мелодии и тексты.

Юлия Л., 16 лет,
Новосибирск

Все журналисты ищут «бомбу» или сенсацию, чтобы кого-нибудь разбить или возвысить. Взять хотя бы статью про Аллу Пугачеву, на которую потом печатали опровержение. Это ли не факт вашей успешности? Чем писать, что «Наutilus Помпилиус» «подвержен влиянию гипнотически-грандиозного наследия Бориса Гребенщикова», послушали бы ту же ленинградскую группу «Кино». Да ведь это чисто слизанный БГ! Все ленинградцы подвержены влиянию БГ. Я молодой, мне 21 год, женат. Моя жена никогда не была сторонником рока. Она и сейчас любит такие группы, как «Модерн Токинг», «Бед боиз блю», «Селен Секл» и т. д. Ей по душе диско. Но... услышав несколько композиций «НП», она стала без ума от них. Я знаю эту группу с 1981 года, каждый концерт упрочивает их музыкальный статус. Не знаю, будут ли «НП» слушать после нас, будет ли этот романтически-экспрессивный рок вечным, не знаю, но мы его слушаем и будем слушать. Запись «НП» расслабит и утешит в трудную минуту и поднимет настроение, когда его нет.

Владимир ТЕРЕХИН,
Первоуральск Свердловской обл.

Мы не могли остаться равнодушными к выступлению в Зеленой Гуре ансамбля «Браво», точнее его солистки — Агузаровой. Нет слов для возмущения, как можно в таком виде выходить на сцену? Раньше по поводу ее экстравагантного облика писали, что она создает «образ». Какой образ она создала там? У нее прекрасный голос, но не стоит использовать такие, мы считаем, унижительные средства, чтобы стать лидером.

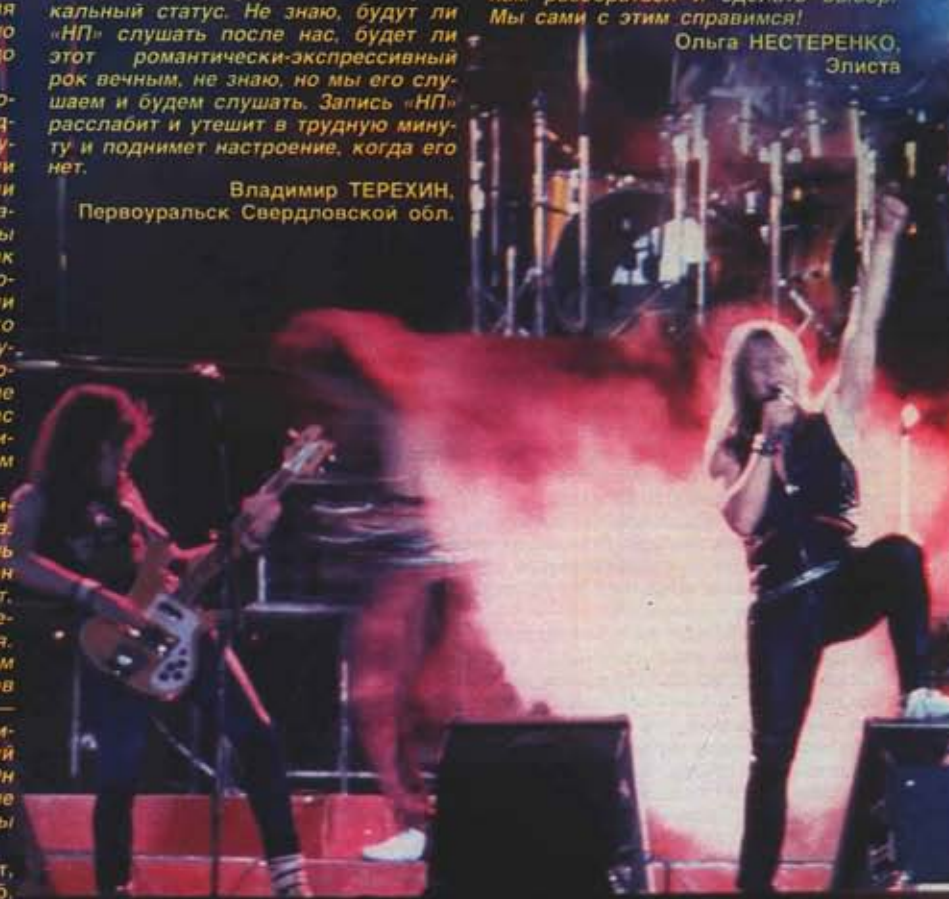
Коллектив филиала Сбербанка
№ 2413/093.
Возраст от 23 до 40 лет,
Братск

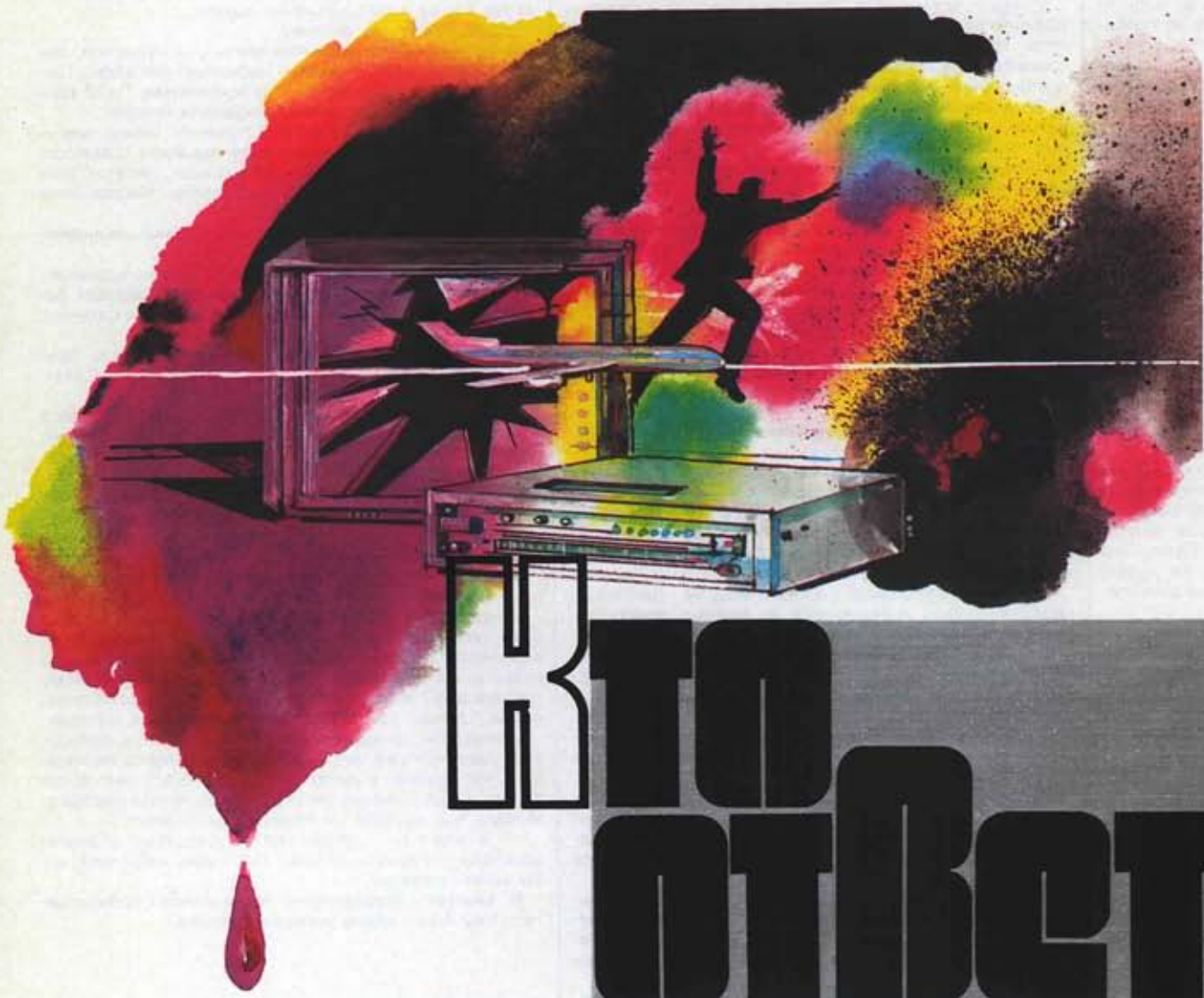
По-моему, если бы не было «Битлз», не было бы и «Секрета». Вся музыка Леонидова — слепое подражание «Битлз». Что касается «Браво», «Бригады С» и «Цемент», группы эти бездарные, но ведь «Секрет» поет нередко под фонограмму, вследствие чего у них вовсе пропала привлекательность. И еще: никакой хороший драматический актер не ушел бы на эстраду брехать на гитаре, как Леонидов и Фоменко. Эти «певцы» поют просто набор слов, такой, как «Сара-бара бу» или «Именины у Кристины». Что же касается музыки, то, хотя половину они сдирают у «Битлз», в их исполнении она кажется скрипом телеги.

ПАЛМИЧЕВ,
Геленджик

Мое мнение: не надо делать музыку общей, как одно большое платье, в которое можно засунуть всех людей, и никаких проблем! Этого никогда ни у кого не получится! Проблема «отцов» и «детей» вечная. Методом запрета здесь ничего не добьешься, ведь если группу убрать со сцены, она все равно будет существовать, будет! А сколько подобных ей! Все не запретишь! В конце концов мы все переберемся и будем такими, как вы, а сейчас не заглушайте, дайте нам разобраться и сделать выбор. Мы сами с этим справимся!

Ольга НЕСТЕРЕНКО,
Элиста

Андрей МОЛЧАНОВ

КТО ОТВЕТИТ?

Эту могилу он уже видел. Стандартную, ничем не примечательную: черный мраморный обелиск с выпуклым овалом фотографии, имя, даты рождения и смерти, у подножия надгробия — фиолетово-бледные, понурые анютины глазки.

Здесь он оказался случайно. Таксист, попутно решив заправиться, свернул с магистрали к колонке. Дорога шла в объезд кладбища и, глядя на рябившую в оконце дощатую ограду, он, преодолевая внутреннее сопротивление, попросил остановить машину. В конце концов торопиться было некуда. До отправления поезда еще оставался час, томиться в зале ожидания, в толкучке и суетном гомоне спешащих людей, не хотелось, и провести это время можно было здесь, на кладбище. Ибо единственное, что связывало его с городом, — был именно этот черный стандартный обелиск, на котором высечена его, Ярославцева, фамилия...

Впервые он увидел могилу несколько лет назад, когда проходил мимо, но с тех пор стал видеть сны — тяжелые, страшные... Порою боялся уснуть, удерживая себя на зыбкой, качающейся грани дремы. Только бы вовремя очнуться. Не сорваться туда, где поджидает прошлое...

Накрапывал дождь — редкий, он, казалось, висел в воздухе — тяжелом и горько-пряном от первых залпов осени. Сентябрьский, еще не промозглый дождь. От поникшей листвы кладбищенской сирени уже веяло холодком; сумерки были черны, и случайный ветерок вороват и остр.

Он ступил на тропинку, и уже направился к могиле, но раздумал, свернул к выходу.

Он заметил их. Непонятно, что делали в поздний час девочка и женщина на кладбище, у этой могилы.

Он знал когда-то и женщину, склонившуюся над увядающими цветочками, и девочку, стоявшую рядом, жавшуюся в тонком плащике. Поспешно уходя, слышал голос девочки — родной дб боли:

— Мама, смотри, как он похож на папу...
— Танечка, не говори глупостей...
— Ну, мам... Пойдем в машину. Дядя Толя ругаться будет. Поздно ведь... Вторая серия скоро начнется, а ему еще в гараж заезжать, не успеем... Весной приедем, все здесь уберем. Темно же, мам...
Он ускорил шаг. Взглянул на часы. До отправления

поезда оставалось сорок минут. Как раз, чтобы успеть приехать на вокзал автобусом. Такси решил не брать. Денег было мало, а еще предстояли дорожные траты.

В серой «Волге», одиноко торчавшей возле кладбищенских ворот, томился, очевидно, «дядя Толя». Не без труда он припомнил этого человека: то ли из внешней торговли, то ли из Министерства иностранных дел... Основательный, неглупый чиновник. Вероника выбрала надежный вариант.

Подумал с досадой: я допустил ошибку. Мертвым нельзя приходить к живым. И теперь я понял, почему нельзя — больно, и все места заняты... навсегда!

ИЗ ЖИЗНИ АЛЕКСЕЯ МОНИНА

Тетка была сварливой, толстой, от нее вечно пахло прокисшим борщом, рыбой и хозяйственным мылом. Соседки по большому пустынному двору — общему на три мазанки — дружно переругивались с ней по всякому поводу. Впрочем, едва ли не полгорода открыто враждовали с этой издерганной, крикливой женщиной. А она, взвинченная бесконечными стычками, вымотанная стиркой, возней с чахлым огородом, срывала все на нем, на мальчишке.

— У, поганец! — теребила в бессильной ненависти его выгоревшие на южном солнце вихры распаренными, в морщинах пальцами. — Всю жизнь сломал! Ты да мать твою, гадина, из-за нее все! За что только крест ташу!

Он не хныкал, не огрызался, терпеливо, не под детски, пережидая ее истерику.

Собственно, ребенком он себя и не помнил. Всегда был взрослым, потому что детство пришлось на войну.

Отец — рабочий в порту, погиб при первой же бомбежке, оставив в его сознании ощущение чего-то сильного и надежного. А мать вспоминалась, только когда смотрел на фото, которое тетка прятала в комод. Миловидная, волосы, уложенные «корзиночкой», тихая, застенчивая улыбка... А после всплывали ее слова — далекие, как бы приснившиеся: «Лешенька, сынок, если увидишь дядю Павла... Передай: мама наказывала отдать куклу...» И отчетливо виделось послед-

нее из того дня: ситцевая занавесочка, опасливо отодвинутая рукой матери, напряженное лицо, а там, за окном, — пятнистый кузов машины, из которого ловко выпрыгивали большие, сильные солдаты с окаменевшими лицами...

С треском ударили в дверь. Мать вывела его через черный ход.

— К тете беги. Быстро, Леша...

И все. Мамы не стало. Он прибежал к тете, расплакался. Картавая слова, рассказал о страшной машине и заснул в слезах. А когда проснулся, уже была другая жизнь. Без мамы.

Однажды вскользь тетка буркнула: дескать, мать была связана с партизанами, после ее ареста пошли провалы и... кто знает, не повинна ли в них она? Но толком никто ничего не знал. Однако слушок креп, и, взрослея, Алексей все отчетливее ощущал отчуждение взрослых и сверстников. Друзей у него не водилось. Мальчишки, наслушавшись всякой разности от взрослых, сторонились его, хотя и не задирали, побаивались. В драке он был беспощаден и к себе, и к обидчикам: шел напролом — до конца и бесстрашно. Да и не нуждался он ни в чьей дружбе, замкнулся в собственном мире. В подвале дома тетки хранились остатки библиотеки, растащенной с пожара, и друзей он находил в книгах: отважных пиратов, благородных рыцарей, неустрашимых ковбоев. Когда чтение надоедало, уходил на скалистое взморье ловить крабов, нырял за рапанами, подкалывал острой ленивых ершей — скорпен, либо искал нежно-розовые, намытые волной сердолики среди шуршащей влажной гальки. И всегда при этом сочинял разные сказочные истории, героем которых — самым сильным и удачливым — был он.

И вот наступил день, который... предварил жизнь: большую, неизвестную. Всю.

Он возвращался с пляжа домой с кошелкой, полной крабов, представляя, как будет варить их, как начнут краснеть колючие панцири, как обнажит горячее, сладкое мясо и выдернет зубами первое нежное волокно. А потом сварит мидий, наловленных еще утром, — целое ведро, набросав в отвар мяты. Вот и обед! И тетка будет довольна — как-никак, а сэкономили!

Тетка встретила его какой-то внезапной, пугающей лаской. Преувеличенно восхищалась крабами, обнима-

Неужели положили Матерого? Даже если сразу в сердце попали, умирал он наверняка не сразу, тяжело, до последнего вдоха борясь за жизнь, исходя кровью, ненавистью, вычислив все, и его, Льва, тоже. Он вздрогнул. Звонок в дверь. Кто? Эти шакалы? А если засыпались, если милиция?

Судорожно выпил рюмку водки. Оглядел комнату. Картины, стильная мебель, видео, компьютер для телеигр, gobелены... Этого хотел всю жизнь?

Подождал к двери, ткнулся лбом в пухлую кожаную обивку.

— Кто? — проронил грубо.

— К Лева я, к Лева, — ответил приглушенно развязный, прокуренный голос.

Накинув цепочку, открыл дверь. В узком просвете увидел незнакомого парня: кожанка, кепочка, скуластое лицо, стылый взгляд глаз видевших много разной дряни, крупные черты лица.

— Привет от Шила...

— Где он?

Парень потрогал цепочку. Хмыкнул снисходительно:

— Так и будем... беседы беседовать?

— Именно, — ответил Лева.

— В общем, — неприязненно сказал гость, пальцем подняв козырек кепочки, — Шило передать просил: дело подняли большое, у тебя долю делить — стремно, езжай к ним, получи. Или у Равелло возьмешь, как знаешь. Я — кореш Шилов... По прошлым ходкам, когда в тундру плавали, чтоб в курсе ты был. На тачке я, таксер. Решай. Едем — едем. Нет — покеда. Все. Выдохся. Думай, свет мой. И еще — столичный за визит. Я не курьер из конторы в контору. Отработал — отдай.

— С чего это я тебе... — начал Лева.

— А с вас со всех по столичнику, — с невозмутимой угодливостью разъяснил таксист. — И я — могила. Наверотили ведь? Значит, тоже рискую, мил человек...

— А ехать куда? — Лев соображал: провокация? Не похоже. Или против него что-то ребята замыслили? Но какой резон?

Вот она — плата за трусость! А не дергался бы, не финтил, — не стоял бы сейчас перед тобой этот подонистый вымогатель, и никто бы не принуждал мчаться в неизвестность: сиди, пей водку да смотри телек — приключения разных там джеймсов бондов...

— Так куда ехать? — повторил он.

— Ко мне. В Перово. Хата у меня там. — Таксист поморщился. — Ты быстрее прикидывай, голова, недосуг мне.

— Иди... — сказал Лева. — Внизу обожди. Я сейчас...

Закрыв дверь. Уперся в отчаянии лбом в косяк. А что, если таксист — мент? Нет. С такой рожой и с такой стрижкой? А вдруг — стукачок? Ладно гадать. Не дрейфь. В случае чего — был пьян, поехал по инерции... А Матерый? Мог вывернуться и свою игру начать, перекупив наймитов? Ну... то из области фантазий, игра большого воображения. Похоже, шизиком ты становишься от излишних нервных перегрузок.

Он оделся. У порога перекрестился. Тщательно запер дверь.

Таксист включил счетчик.

— Только учти, — предупредил, как бы извиняясь. — Стольник — столичником, а что на счетчике — отдельно.

— Двигай, крохобор, — обронил Лев, превозмогая невольную дрожь.

— Двинуть-то я двину, но учти...

— Учел, учел! — обернулся Лев к таксисту с яростью. — И еще сверху пятьдесят своих копеек получишь, успокойся!

— Ну и... поехали, — откликнулся таксист миролюбиво. — Отличное обслуживание гарантирую.

Город уже засыпал, пустые улицы были сухи от ночных апрельских заморозков, шины шелестели по асфальту гудяще, тягуче... Поежившись, Лев оглянулся назад — на серую гладь неровно освещенного проспекта, остававшегося за спиной, на апельсиновые вспышки мигающих светофоров... Затем, отогнув кисть, осторожно вытряхнул из-под рукава куртки нож — обыкновенный, столовый нож... Подумал: кретин... Трусливый, нетрезвый кретин. И чего маешься? Что грозит тебе? И кто? Выдернула тебя шпана на свидание, потому как не поверила в честный расчет — провинциалы, дуболомы...

Машина въехала в район новостроек, дорога пошла ухабистая, узкая, петлявшая среди пустырей, загроможденных строительным хламом.

— Тэк-с, — сказал таксист, тормозя. — Прибыли. Вон — тот дом. Тележку уродовать не будем, сплошные колдобины, мать их, пешком дойдем, тут две минуты. Счетчик выключать или обратно тебя доставить?

— Обратно, — буркнул Лев, вылезая из машины.

Двинулись вдоль стены строящегося дома, поминутно попадая то в грязь, то в лужи. Таксист, злобно матерясь, шагал впереди.

— Во хату где дали, — сетовал он. — Еще век пройдет, пока тут асфальт проложат...

— От таксопарка получил? — спросил Лев, тревожно всматриваясь в темноту.

— Ну да, от парка! Дождешься! Кооператив... Тут

ТАКОВА «СПОРТИВНАЯ» ЖИЗНЬ»

Евгений БИЛЬКИС

Собрать бы всех футболистов, лежащих весной в ЦИТО (Центральном институте травматологии и ортопедии), да сделать снимок — «сборная ЦИТО»! Травмы у ребят разной степени тяжести, но происходят они не столько от злого умысла нарушителей, сколько от специфики самого футбола с его растущими требованиями к атлетической подготовке.

ЦИТО — полевой госпиталь спортсменов. Здесь и молодые дюжие парни, и крохотные девочки-«чемпиончики». В корсетах, с зафиксированными ногами и руками, они лежат, прикованные к постели, а кто ходячий, сползается на костылях по коридору, сидит перед слеповатым телевизором. Маюются от бездействия, мучительного и для обыкновенных-то людей, а для них, привыкших к сверхактивности, просто непереносимого. К этому неприятному состоянию прибавляется и тревога за будущее, ибо травма — а в ЦИТО попадают с серьезными травмами — чревата для них еще и необратимостью последствий, невозможностью возврата к прежнему режиму нагрузок, без которого немислимо продолжать серьезные занятия спортом.

Сергей Павлович Миронов, заведующий отделением спортивной и балетной травмы ЦИТО, доктор медицинских наук. Спортсмен, выступающий за сборную в течение нескольких лет, отдает спорту все — весь запас сил, физических и моральных. У него одна цель — победа в престижных международных турнирах. Из них главный — Олимпиада. Идти на олимпийскую медаль — это не просто каждодневные тренировки по несколько часов. Это особый образ жизни, особое мышление. И вдруг — травма! Травма для него — катастрофа! Человек, который еще вчера был готов к высочайшим достижениям, в мгновение ока теряет все, становится никому не нужен. Судьба этих ребят зачастую решается у нас в клинике, и я повидал много трагедий. 58 мест в нашем отделении заняты всегда, да еще и раскладушки в палатах стоят. Это при том, что наш контингент в основном — спортсмены высшего класса.

Спорт в наши дни вышел на уровень экстремальных нагрузок. Степень риска порой превышает допустимые пределы. Результаты стремительно растут, и так же быстро растет конкуренция. Цена победы все выше. В некоторых видах спорта это приводит к лавине травм. Футбольный сезон начинается, — а у нас в отделении уже полным-полно игроков высшей лиги — Лютый, Тищенко, Шавейко, Коля и Юра Савичевы, Пригода, Стукашов, Демидов. Недавно выписались Алахвердиев и Вахаб-заде. Только что ушел Плотников. Футболисты составляют 25—30 процентов общего контингента клиники. Я уж не считаю тех, кто лечится амбулаторно.

У нас принято говорить: травмирован. А было бы нелишне, чтобы общественность знала подробности. Травма травме рознь. Тищенко, к примеру, перенес тяжелейшее повреждение коленного сустава. После столкновения в игре на его колено упали сразу три человека. В итоге — спонтанный взрывной разрыв всех мягкотканых элементов сустава: разрыв боковой связки, передней крестообразной, мениска, капсулы, разорвана четырехглавая мышца бедра. Огромная травма!

У Юрия Савичева стрессовый, усталостный перелом плюсовой части стопы. Труднолечящийся тип перелома, требующий специальной техники, выдерживания сроков. Своевременная и четкая информация о характере травм игроков и сроках лечения отсутствует. Поэтому среди болельщиков ходят небылицы, и обыватели считают, что играть в футбол — одно удовольствие, и деньги за это платить не следует.

В рамках очень многих международных научных конгрессов проводятся коллоквиумы, специальные заседания, посвященные теме жестокости в спорте. У нас этого не делается, будто бы мы не выступаем на самом высоком уровне едва ли не во всех видах спорта!..

Удивляться особенно не приходится, ведь и на спорт распространялась десятилетиями складывающаяся тенденция не замечать теневых явлений жизни или искать их причины во влиянии Запада. Эта тенденция живуча и сейчас. В газете «Советский спорт» намеки на жестокость можно скорее обнаружить в материалах, посвященных спортивной жизни за рубежом. У нас же, судя по публикациям, все благополучно. Что ж,

конечно, не одинаковы «их нравы» и наши. Жестокость в спорте, возможно, проявляется там резче, откровеннее, но и уровень социальной защищенности зарубежных спортсменов значительно выше. Звезды американского футбола, о свирепости которых любят рассказывать у нас с большим смаком, бьются за миллионные гонорары, и в случае травмы им выплачиваются огромные суммы страховки. Вадим Тищенко, один из самых одаренных молодых игроков, кандидат в сборную страны, в настоящий момент пребывает в неведении, сможет ли он в дальнейшем играть в футбол. Дело в том, что он не был застрахован. Более того, он не собирается страховаться и в будущем. «Из суеверия», — объясняет он. Это признание — свидетельство недостатка культуры профессиональных отношений в спорте.

Возможно, кто-то поморщится: «Ну вот, копаются в частной жизни людей! Завели куда-то в больницу, к костылям и бинтам, тогда как спорт — это так прекрасно!» Что ж, будем любоваться. Будем славить. Но не стоит забывать и обратную сторону каждой олимпийской медали.

Спорт прекрасен. Но надо быть слепым, чтобы не видеть его противоречивой, нередко жестокой природы. В какой-то степени она объясняется издержками бескомпромиссности и неукротимости борьбы. Жестокость в спорте — это не только безжалостное отношение к противнику — переломанные ноги у футболистов и хоккеистов. Это и жестокость к самому себе, когда, превозмогая боль, нанося своему здоровью непоправимый ущерб, спортсмен скрывает травму, боясь, что, узнав о ней, его заменят кем-то другим. Это и тренерская жестокость, когда, зная о серьезной травме, наставник посылает в бой своего питомца, отшучиваясь: «До свадьбы заживет», — или спекулируя на юношеской самоотверженности: «Мужайся, орел!» Это и призрачная, не определенная регламентациями будущность наших рекордсменов и чемпионов (не говоря уже о вторых, третьих, десятых) — тех, кто дарит нам радость, пока выступает, и о ком мы так легко забываем, как только они исчезают со спортивных арен.

Давайте проведем пусть не на высоком уровне коллоквиум на тему «Жестокость в спорте». Его участники — из числа тех, кто оказался в отделении спортивной травмы ЦИТО в про-

извольно выбранные два дня мая нынешнего года.

Состав этой группы спортсменов и характер их травм — случайный. Но общность взглядов и судеб этих молодых людей убеждает в достоверности результатов нашего импровизированного социологического опыта.

Дмитрий Алексеев выступает на спортивных санях в двойке. Он второй номер, то есть сидит сзади. Напарник его — Виталий Мельник. Они катаются вместе уже 9 лет. Высшее достижение экипажа — 3-е место на чемпионате мира. В ЦИТО Алексеев оказался по поводу операции коленного сустава. Операция плановая, давно уже надо было ее сделать, да все времени не хватало. Травма не острая, не «профессиональная», как выражается Дмитрий.

Д. Алексеев. Травмы чаще преследовали партнера. В 82-м мы упали в Братске: у Виталика кость на пальце была раздроблена, сделали ампутацию фаланги. Думали, кататься не придется. Но приспособили наконецчик из пластмассы, чтоб ранку закрыть, так он и катался с колпачком. А сейчас все зажило...

Почему упали? Трасса очень сложная. А скорость была небольшая — километров 70. Бывает, падаешь и на 115. Метров 250 по трассе пролетишь без санок, пока не остановишься. Материал от трения сгорает, куски пластмассы висят вместо комбинезона.

В Союзе вообще только одна искусственная трасса. А на естественной, когда на сборы приезжаем, облепляем деревянный каркас снегом. Но бугры, конечно, остаются. Поэтому на поворотах часто бьемся: достается и первому, и второму номеру. Но меня не столько травмы беспокоят, как головная боль. Даже если небольшая тряска, то уже после третьего заезда трудно разговаривать, на свет смотреть. Три раза проехал — ничего. На четвертый поднялся, поехал — на первом же вираже как тряхнет — так голова болеть начинает. Едешь, ничего не соображая...

Что врачи говорят? Не консультировался. Это ведь у всех вторых. В одиночных санях такого нет. Это болезнь второго номера. Сверху партнер давит, а амортизации никакой. Поясница болит, почки ноют. И еще неприятности от конструкции саней: металлический кронштейн обтекателя чуть выпирает и вливается в спину при тряске...

Как боль переношу? Не обращаю вни-

мания: поболит — перестанет... Не всегда тренер с пониманием относится. «Давай еще пару звездиков!» А что толку кататься, когда думаешь не о трассе, а о том, что вот сейчас опять тряхнет — голова будет раскалываться от боли...

Уровень интереса к разным видам спорта различен. Лидирующий по травматизму футбол занимает ведущее место и по популярности. В спортивной хронике футболу уделяется достаточно внимания. И о грубости в футболе тоже говорится немало, причем с оттенком морализаторства: поконтчить, мол, с жестокостью, обуздать грубиянов, и футбол станет наименее опасным видом спорта. Но вот Вадим Тищенко утверждает, что против него не играли грубо. Его одноклубник, спустя месяц после памятного матча сам оказавшийся на операционном столе в ЦИТО, так объясняет происшествие.

В. Лютый. Полезли мы с Вадиком на одного защитника. Столкнулись все. Я спиной падал, не видя куда, и прямо Вадиму на колено, а свергу еще и тот... Так что это я «сломал» Тищенко, своего же... Почему сам я здесь? Нет, в этом никто не виноват. Выпрыгнул, приземлился — и вот разрыв связки. Без борьбы, на ровном месте.

Есть и грязная игра — это когда ногу ставят выше мяча. Не знаю, есть ли умысел травму нанести, но такая игра опасна. Или отбор мяча сзади. Игроки высокого класса сзади не атакуют: они знают, что и так мяч отберут...

Бывает еще и грубая игра, но ее никто обычно не видит. Часто — это сведение счетов: «он меня в прошлый раз ударил, я его — сейчас». Каждый помнит, кто его ударил. Кто-то простит, а кто-то нет. И ждет удобного случая. Если судья не видит, обидчик может ударить по печени. Но травма тут ни при чем. Травму сильную так не нанесешь...

Опасно другое: ребята заводятся настолько, что собой не владеют. И со мной так бывало. Тут от судьи очень многое зависит. Если он свистит в одну сторону, начинаешь злиться. Неправедливость, знаете, как гнетет!

Они играют. А потому знают эту игру гораздо лучше нас — тех, кто за ней наблюдает, тех, кто о ней пишет. Поэтому, рассматривая вопрос о футбольных злоумышленниках, надо чаще выслушивать самих футболистов. Лютый и Тищенко в грубиянах не числятся, а на одного защитника «полезли» в ситуации, которую Лютый характеризует как типичную для футбола: «...Люди с бойцовскими качествами всегда идут на стык. Бывает, мяч между тобой и соперником, и вы оба на него летите. В такой ситуации не думаешь о том, сломаешься или нет».

Не правда ли, что-то подобное мы уже встречали в описании «таранов» — поединков военных летчиков. Да, современный футбол не только контактный, атлетический, отчаянный, темповой, жесткий. Но и жестокий.

С. П. Миронов. ...О грязной игре можно говорить и как о неизбежном зле, и как о профессиональном умении играть грубо. На любую «яркую индивидуальность» почти в каждой команде найдется своя «кувалда». Плохо, что человек, проигравший единоборство, подвергается потом резкой критике тренера, ему ставится неудовлетворительная оценка. Поэтому, скажем, на футбольном поле защитник подчас стремится остановить прорыв соперника любой ценой. Если он нанесет при этом повреждение, то получит желтую карточку или в крайнем случае красную. Такое наказание неадекватно потерям травмированного игрока. Хулиган, нанесший побои прохожему на улице, может получить срок до 5 лет. Я не приравниваю грубого игрока к хулигану, но потерпевший должен рассчитывать на компенсацию, прежде всего материальную, за вынужденный простой. И выплачивать ее полностью должен тот, кто нанес травму.

Разумеется, надо разобраться в обстоятельствах. Было это игровое столкновение или грязная игра. Для этого есть судьи, есть и такое средство, как видеопросмотр. Но делать что-то надо не только в футболе. В баскетболе есть масса скрытых возможностей для нанесения травмы. Например, когда спортсмен пытается оттолкнуться для прыжка, ему наступают на пятку.

В гандболе линейным игрокам внушают бить вратарю в лицо. А водное поло! Вся эта борьба под водой: щипки, зацепы ног, удары по половым органам... Надо что-то предпринимать. Спорт уже сточается, какие-то контрмеры необходимы...

Спортсмен, знающий, что грубая игра может закончиться для него выплатой крупного штрафа, будет стараться выполнять технические приемы как можно чище.

В. Лютый. Прежде всего надо ввести жесткие санкции против тех, кто атакует сзади. Когда на тебя нападают из-за спины, ты беззащитен...

К травмам ведет и плохое качество полей. Только в июне газоны нормальные. Смена полей тоже влечет травматизм. Поэтому на крытых стадионах люди часто «ломаются». Тренируешься на мягком поле — выходишь играть на жесткое: начинаю связки болеть, мышцы рвутся...

Владимир Пивцов известен как игрок «Торпедо», выступал за «Нефтьчи» (Баку), сейчас играет в «Нистру» (Кишинев). Столь стремительному спуску вниз по профессиональной лестнице обязан травме коленного сустава.

В. Пивцов. Меня в «Торпедо» пригласили в 80-м. Нога уже тогда побаливала. Но я никому об этом не сказал. Боялся, что второго приглашения не будет. Играл с большим коленом — то поболит, то перестанет. Терпел.

В 82-м попал в основной состав. Тоже не до лечения: надо было сначала закрепить. Докторов просил, чтоб расстрили колено перед играми и тренировками. Говорил, что ударился. К боли я привык. К тому же есть обезболивающие средства...

С 83-го уже и старший тренер знал, что с коленом у меня не в порядке. Но на операцию я не решался, потому что это означало большой перерыв и неизвестно, чем все могло закончиться. В 85-м стало невмоготу, приехали мы с доктором в ЦИТО. Говорят: оперировать. Вот сейчас уже третья операция...

С. П. Миронов. У Пивцова неоднократная травма коленного сустава. Поврежденный мениск. Кроме того, у него практически разбит покровный хрящ на мышцах бедра. Так называемый деформирующий артроз в стадии отторжения хрящевого покрытия сустава. Процесс восстановления проходит при соблюдении следующих условий: сустав должен работать, но нагружать его бегом, приседаниями, прыжками нельзя. Разумеется, ни о каком футболе и речи быть не может. Вот отчего лечение затянулось...

Валерий Плотников начинал играть в саратовском «Соколе», выступал за «Искру» (Смоленск), за ЦСКА. Обратил на себя внимание, когда стал торпедовцем. Игрок современного стиля — резкий, скоростной, напористый, азартный.

В. Плотников. Я получил травму в одном из матчей, в январе 87-го. Ушел с поля. Недели три была сильная боль, потом чувствую: бегать могу. Меня спросили, как нога. Говорю: играть можно, хоть и побаливает. И сыграл. На следующий день встаю — колено не гнется. А меня опять ставят на игру. Я говорю: «Не могу». «Как это не можешь, только что играл, и вдруг не можешь?»

И после этого началось. Они мне не верят! Я выходил на поле, играл кое-как: превозмогая боль. Я — левша. Год практически все правой ногой делал. А когда нагрузка неравномерная, начинаются неприятности: тут порвешь, там потянешь, живого места нет...

Однажды я по совету нашего заводского руководства сказал все-таки тренерам, что болит нога. К этому так отнеслись: дали нагрузку втягивающую, чем остальным. После этого решил, что лучше уж буду играть, чем вот так носиться...

Я думал, что когда-нибудь эта боль пройдет. Ведь раньше бывало: тянешься или ударят — поболит и пройдет. А тут — нет. Колено лечить надо.

Кончилось тем, что я написал заявление об уходе. Тогда сказали: «Лечись».

С. П. Миронов. У Плотникова поврежден наружный мениск, который пытались лечить консервативным способом, но это не дало хорошего эффекта. Требовалось снизить нагрузки либо вообще от них отказаться. Плотников же продолжал играть. Пришлось делать ему очень сложную операцию — и для него, и для хирурга.

Истории Пивцова и Плотникова во многом схожи, и это обстоятельство усиливает впечатление неблагоприятных внутрипрофессиональных отношений. Но не подумайте, что такая обстановка сложилась лишь в «Торпедо». В ЦИТО чуть ли не каждая история болезни свидетельствует о типичности этого явления.

Горнолыжник, член сборной СССР Дмитрий Бондаренко. Травму получил в декабре, упал на трассе скоростного спуска. Скорость была приличная, около 100 километров в час. Две недели полечился в диспансере в Лужниках, но боль не прошла. Так весь сезон и прокатался с болью. У нас, если мелкие травмы, можно прерваться на неделю, а что-то серьезное — приходится до конца сезона ждать. У нас ведь квалификационные очки. Чем их больше, тем раньше стартуешь. Год пропустишь — очков не будет. А стартовать последним — трасса уже разбита...

С. П. Миронов. У Бондаренко повреждение передней крестообразной связки, практически полное ее отсутствие. За счет хороших мышц он как-то откатался сезон...

Когда они включаются в свой спортивно-тренировочный цикл, вырвать их оттуда очень сложно. Они понимают: уйди они в этот период, о них просто позабудут. Им надо завоевать имя. Конечно, подавляющее большинство заболеваний легче лечить на начальной стадии. Но нужно уметь самим оценить ситуацию, степень риска...

Получается, что не умеют. Предпочитают рисковать здоровьем, нежели спортивной карьерой. От легкомыслия ли, страсти к спорту, от страха за будущее? Все они юные, спорт помолодел. Диме Бондаренко — 19 лет, Владимиру Пивцову в 80-м, когда он должен был определить степень риска, было 20. Валерий Плотников постарше, но до 25 лет ему везло, и опыта травмы он не приобрел.

В. Плотников. До этой не было серьезных травм. Если б хоть какой-то опыт, сам бы хоть что-то знал. Поддерживать-то некому, правильно? Если б кто предостерег. А то говорят: «Откает нога? Ерунда! Повязочку наложим...» Откуда мне знать, какие будут последствия? Если врач не знает, мне откуда знать?»

Надо слышать, как произносится это: «поддерживать-то некому». Не в полемическом задоре, без жалостной ноты, а с тем спокойным равнодушием, с каким сетуют на неприятную погоду. «Поддерживать-то некому, правильно?» Неправильно! Как это некому? А врач команды? А тренер? Коллектив? А все формы социальной защиты?

Что-то в спорте, наверное, можно считать неизбежным, но жестокость профессиональных отношений можно значительно умерить, если совсем не свести на нет. Каким образом? Обсуждение этого вопроса нашло свое место на коллоквиуме, но пора вынести его и на суд читателей. Об этом в следующей статье.

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Александр Косарев.
Жизнь и судьба.

Документальное
повествование
об утраченных
шедеврах.

За кулисами
конкурса красоты.

Стихи
Владимира Высоцкого.

Международные
отношения.
Письма читателей.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выпустить
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

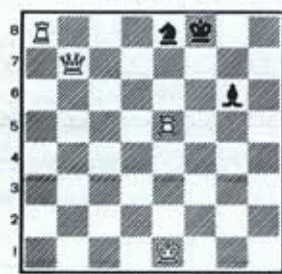
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора Чепижного

ПАРАД МИНИАТЮР

Перед вами три задачи видных представителей чешской школы. Основное содержание задач — красивые правильные маты, которыми заканчиваются все тематические варианты.

3. МАХ 1910 г.

Мат в 2 хода

1. Лg5! — цугцванг. 1... Сb1 2. Фg7x, 1... Сf7! 2. Фb4x, 1... Кpg8 2. Л:e8x. Задача выделяется редким для чешской школы стратегическим содержанием: все варианты заканчиваются правильными матами со связкой черных фигур.

Ф. ХАВЕЛКА 1911 г.

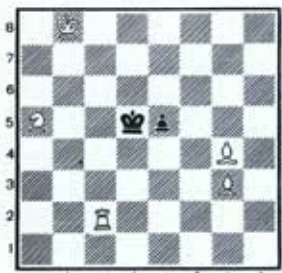

Мат в 3 хода

1. Лg7! с угрозой 2. Сс7+ Крс8 3. Са6x, 1... Крс8 2. Лg8+ Крb7 3. Лb8x, 1... Кf7 2. Лg8+ Крe7 2. Лe8x.

С удивительной легкостью автор осуществил точное повторение матовых картин на полях разного цвета (хамелеонные маты). Одно из требований чешской школы: в задаче должно быть три равноценных варианта с правильными матами. Здесь оно выполнено благодаря мату в угрозе.

М. ХАВЕЛЬ 1914 г.

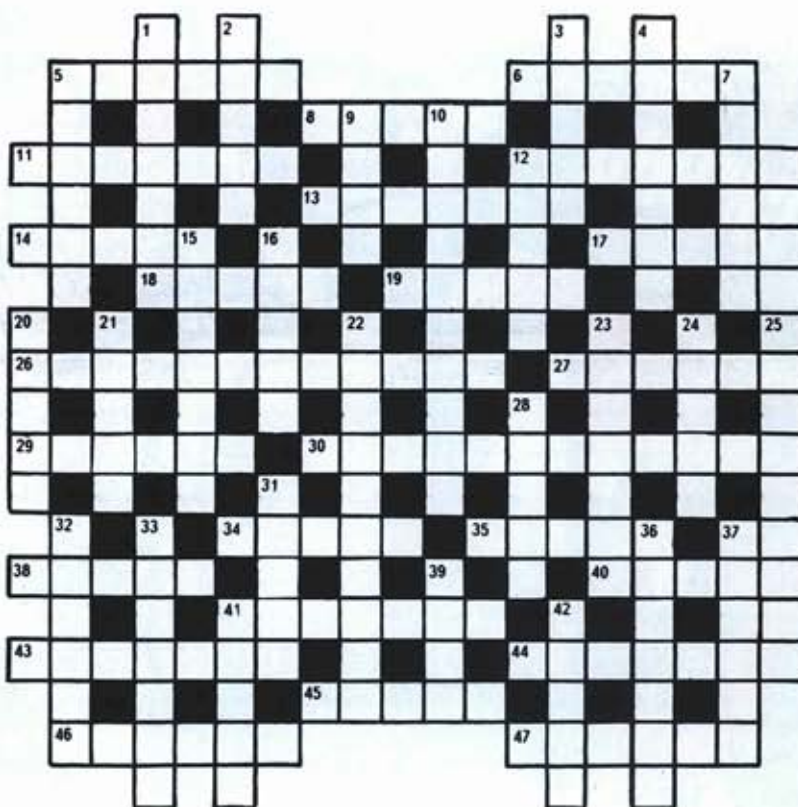
Мат в 4 хода

1. Кс6 — цугцванг. 1... Крd6 2. Cf2! Крd5 3. Кb4+ Крd6 4. Сс5x, 2... e4 3. Лd2+ Крс6 4. Сd7x; 1... Крe4 2. Кb4! Крe3 3. С:e5 Крe4 4. Лe2x; 1... e4 2. Ке7+ Крd4 3. Се2! Крe3 4. Кf5x, 3... e3 4. Лс4x.

Задача одного из самых прославленных композиторов в истории композиции. Четкое взаимодействие четырех белых фигур приводит к пяти разным матовым положениям.

КРОССВОРД

Составил Б. Митяев. Коломна

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. «Великая босоножка». 6. Известный поэт и мыслитель, чьи записные книжки изданы в Париже в 29 томах. 8. Старинное русское название пицци. 11. Определение в кратком выражении. 12. «Власть безграничная природы нам потому не тяжела, что ... видимой свободы она живущему дала» (С. Маршак). 13. Мифический герой. Картины на сюжет его битвы с драконом написали П. Учелло, А. Мантенья, В. Карпаччо, Рафаэль, А. Дюрер. 14. Английский астроном, десятый директор Гринвичской обсерватории со времени ее основания в 1675 году и последний в самом Гринвиче. 17. Город из оглавления «Записок охотника» И. Тургенева. 18. Парижская «черкешенка», чьи «Письма к госпоже Каландрини» в 1985 году изданы в серии «Литературные памятники». 19. Контур. 26. Человек, оставивший нам «Литературное наследство». 27. Древнее государство на Ар-

мянском нагорье, где уже в X веке до н. э. готовили кишиш. 29. Материал, из которого возводили Исаакиевский собор при Екатерине II; при Павле I его продолжали строить из кирпича. 30. Одна из статуй мемориала в Саласпилсе под Ригой. 34. Лицейский учитель при А. Пушкине, родной брат Марата. 35. Одно из первых русских названий авиатора. 38. Крестьянская повинность на Руси. 40. «Но Россия такая чудная ...», что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет» (Н. Гоголь. «Нос»). 41. Английский физик, установивший, что теплота — это особое движение частиц вещества. 43. Работник в шахте еще при А. Стаханове. 44. Неохота. 45. Смертельное место Ахиллеса. 46. Самый известный из ревишцев. 47. Вечный странник степей и пустынь.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Ветреница в мире цветов. 2. Болотная птица со «злым», неприятным взглядом. 3. Отличный для соли грибок, если его хорошо вымочить. 4. Драматург, по отношению к которому народа, как считал Ованес Туманян, можно судить о его культуре. 5. Витаминный продукт, который можно делать из северного мха. 7. Злодей. 9. Главный «герой» картины И. Репина «Запорожцы». 10. Высокая трава с белыми орешками, содержащими ценное для лакокрасочной промышленности масло. 12. Орех, более 70 миллионов лет населяющий пресные водоемы. 15. Осина и подосиновик (тип сосуществования). 16. Слуга при собаках. 20. Осенний полевой изумруд. 21. Ромэн Роллан сказал о «Тиле Уленшигеле» Шарля де Костера: «Это поэма той семьи, которая на языке символов означает: ... — мужество, Уленшигель — дух, Неле — сердце, Ламме — утроба народа Фландрии». 22. Отрасль исторической науки, изучающая

народы мира. 23. Представитель народа, у которого есть пословица: можно выглядеть элегантно в 16 и в 60. Только в 16 это труднее. 24. Картина Ван Гога, проданная с аукциона в Нью-Йорке в ноябре 1987 года за рекордную сумму — 53 миллиона 900 тысяч долларов. 25. Аркебуза, кулеврина, петриналь, лищаль (общее название). 28. Герой в «Котловане» А. Платонова, который принципиально не хотел питаться «зажиточным веществом» — маслом. 31. Полуфабрикат стали. 32. Фрукт из рая. 33. Праздничное сельское мясное блюдо. 36. Дело, не требующее хлопот. 37. Верхняя часть манты. 39. Душа цирка. 41. Музыкальный инструмент. Самый старый из сохранившихся сделан в 1720 году итальянцем Бартоломео Кристофори. Сейчас он в Музее искусств в Нью-Йорке. 42. «Барашек в воздухе» в стихотворении Г. Державина «Евгению. Жизнь Званская».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

3. Сказ. 6. Тире. 10. Вагон. 11. Гелий. 12. ...олимпиада... 13. Гопак. 15. Лидер. 16. Кобра. 17. Алхимик. 23. Офтальмоскоп. 24. Боксер. 26. Неон. 27. Стриж. 28. Машинист. 31. Метеорит. 32. Рутил. 33. Утро. 37. Золото. 38. Раскалывание. 41. Интерес. 42. Икона. 45. Весна. 47. Старт. 48. ...телецентр... 49. ...бегун... 50. Галлы. 51. Воин. 52. ...сорт.

По вертикали:

1. Майор. 2. Вожак. 4. Калориметрия. 5. ...зима... 6. Триллион. 7. Рудник. 8. Медик. 9. Лицей. 14. Колли. 15. Линотип. 18. Горн. 19. Строитель. 20. Осмий. 21. Ассистент. 22. Брат. 25. Радиолокатор. 29. Полтина. 30. «Пушка». 31. Мазь. 34. Отец. 35. Хамелеон. 36. Аванс. 39. Дерево. 40. Певец. 41. Индус. 43. ...атлас... 44. Кроль. 46. ...рейс...

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '88

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 17 (1471) СЕНТЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
212-21-38 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 18.07.88.
Подписано к печати 01.08.88.
А 01857. Формат 70 × 108¹/₈.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 025 000 экз.
Каз № 2875.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Литературный раздел «Смены» формируется с учетом интересов наших читателей. В 1989 году на страницах журнала по традиции будут печататься остросюжетные и фантастические повести: Николая Леонова — о сложных коллизиях и коррупции в органах МВД. О борьбе бывших воинов-афганцев с мафией, занимающейся перепродажей автомобилей, повесть Леонида Богачука, основанная на документальных данных. Надеемся, что вас не разочарует и новая работа молодого прозаика Сергея Устинова. Обещали свое произведение братья Стругацкие.

Документальную повесть готовит для «Смены» Вячеслав Кондратьев.

Журнал предоставит свои страницы и зарубежным авторам. В нашем портфеле повести, рассказы Стивена Кинга, Агаты Кристи, Лоренса Доктороу, Роберта Силверберга и другие.

Редакция ведет переговоры о сотрудничестве с журналом таких известных писателей, как Виктор Астафьев («Конечно, всегда рад...»), Чингиз Айтматов («На меня свалился журнал «Иностранная литература», но к весне — пожалуй...»), Юрий Бондарев («Сейчас не получится, уезжаю, зимой — пожалуйста»), Сергей Залыгин («Я уже вроде бы про экологию все сказал...»), Валентин Распутин («Надо бы...»), Юрий Черниченко («Уезжаю на два месяца, потом в вашем распоряжении...»), Иван Васильев («Надо пару месяцев подумать»).

Готовятся к печати рассказы и эссе Юрия Нагибина, Владимира Лакшина, Льва Озерова и других постоянных авторов нашего журнала.

Поэзию представят Белла Ахмадулина, Расул Гамзатов, Михаил Дудин, Евгений Евтушенко,

Индекс 70820.

ЧИТАЙТЕ

СМЕНА 89

Виталий Коротич, Владимир Корнилов, Станислав Куняев, Юозас Марцинкявичюс, Николай Старшинов, Владимир Соколов, Николай Тряпкин. Подборки наиболее талантливых молодых поэтов, конечно же, как всегда, найдут место на страницах «Смены». Читатели, увлекающиеся поэзией, и сами могут попробовать свои силы в постоянной рубрике «Конкурс одного стихотворения». В традиционных рубриках «Силуэты», «Страницы отечественной словесности», «Наши публикации», которыми мы гордимся, вы познакомитесь с жизнью и творчеством писателей-классиков, с неизданными стихами А. Ахматовой и Н. Рубцова, рассказами А. Платонова, новыми материалами о творчестве Н. Клюева, В. Высоцкого, Б. Пастернака, А. Твардовского, В. Ходасевича, С. Кирсанова, Д. Писарева. «Смена» продолжит разговор о лучших произведениях музыкальной классики и фольклора, представит мастеров эстрады от Александра Малинина до «ДДТ», от Майкла Джексона до «Статус Кво». Читатели смогут принять участие в дискуссиях о новых направлениях в музыке, театре, кино. В следующем году мы опубликуем цикл материалов, посвященных изобразительному искусству, истории отечественной и зарубежной культуры, борьбе направлений в живописи. Чтобы не отставать от современных изменчивых веяний времени, читайте «Смену»-89.

24 журнальные книжки, годовой комплект, стоят 8 рублей 40 копеек, подписка на полгода — 4 рубля 20 копеек, на три месяца — 2 рубля 10 копеек. Наш индекс 70820.

Цена номера 35 коп.